

Том 15 № 4 (76) • 2025

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2619-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Вестник
Финансового университета

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

DOAJ
DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Bulletin
of Financial University

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Vol. 15, No. 4 (76) • 2025

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научно-практический журнал

Том 15, № 4, 2025

Издается с 2016 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России»: 44090

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-6707 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

125167, Российская Федерация, Москва,

Ленинградский проспект, 49

8 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

«Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» – рецензируемый научно-

практический журнал в области общественных и гуманитарных наук, сочетающий в себе фундаментальные исследования и практическую составляющую, в котором публикуются оригинальные научные статьи, обзоры, аналитические материалы на русском языке по актуальным вопросам социологии (структура, институты, процессы), истории и теории политики, политических процессов (технологии, отрасли, институты), международных отношений, философии (история, социальная и политическая философия).

Журнал «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» индексируется в базах данных: Ebsco, RePec, eLibrary.ru, Russian Index of Science Citation Специальности ВАК:

5.4.2. Экономическая социология

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.5.1. История и теория политики

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

5.5.4. Международные отношения

5.7.2. История философии

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Главный редактор **А.Б. Шатилов**

Выпускающий редактор **А.А. Извекова**

Корректор **Н.В. Колобова**

Верстальщик **Е.А. Смирнова**

Переводчик **И.М. Евстратов**

Подписано в печать 12.09.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Отпечатано в ООО «СТ», г. Воронеж

Заказ № 2506013

Выход в свет 01.10.2025

© Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя – директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского государственного университета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Пляйс Я.А., доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор-исследователь, кафедра политологии факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Уилкокс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodovskaya E.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., Dr. Sci. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Osipova N.G., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Plyays Ya.A., Dr. Sci. of Political, Dr. Sci. of Historical, Professor, Research Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Polevaya M.V., Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sillaste G.G., Dr. Sci. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Truel J.-L., Dr. Sci. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Wilcox K., Dr. Sci. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., Dr. Sci. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEP, Moscow, Russian Federation

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.

BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Scientific and practical journal

Vol. 15, No. 4, 2025

Published Since 2016

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Founder and Publisher:

**Financial University under the Government
of the Russian Federation**

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167,

Russian Federation

8 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Aims and Scope: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*

is a peer-reviewed journal in the social sciences and humanities which blends rigorous research with practical insights.

It publishes original articles, reviews, and

analyses in Russian on contemporary issues in sociology, including structure, institutions, and processes. The journal also

explores the history and theory of politics and political processes, with a focus on technologies, industries, and institutions.

It delves into international relations and philosophy, covering history and social and political philosophy.

The journal *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University* is indexed

in the following databases: Ebsco, RePEC, eLibrary.ru, Russian Index of Science

Citation

Editor-in-Chief **A.B. Shatilov**

Managing editor **A.A. Izvekova**

Proofreader **N.V. Kolobova**

Design & layout **E.A. Smirnova**

Translator **I.M. Evstratov**

Format 60×84 1/8.

Passed for printing 12.09.2025:

Printed in ST LLC, Voronezh

Order № 2506013

Issue Date 01.10.2025

© *Financial University*

under the Government of the Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ

Ворожихин В.В., Ларионова Е.И., Юрьева А.А.

Система ценностей в инновационном развитии стран 6

Гатто Вирджиния Морена

Постзападный порядок и евразийская многослойность: региональные организации как инструменты российской внешней политики 23

Михайлова Н.В., Мурадян Л.О., Папаратто Ф.

Стратегия России в Арктике: энергетика, инфраструктура и безопасность 36

Ачикгёз Мехмет, Медушевский Н.А.

Исторические и неокOLONIALНЫЕ аспекты территориальных споров: влияние колониальных границ на современность 42

Селезнев П.С., Татулян К.А., Гафурова К.Р.

Военно-техническое сотрудничество России и Индии 49

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Пряжников Н.С., Камнева Е.В.

Модели соотношения корпоративной и индивидуальной идентичности 57

Гринивецкий И.И., Капканщиков С.Г.

Траектория экономического развития России: доктрины Фалина – Квицинского, Примакова и Караганова. 65

Лукшин Р.С.

Исследование философских оснований экономики инноваций и экономики памяти. 80

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Комов В.Э.

Механизм и инструменты реализации современной социальной политики на муниципальном уровне 89

Знаменский Д.Ю., Лукьяненко Д.С., Богачева С.Д.

Локальный контекст и партийная риторика: кейс ЛДПР в условиях городской повестки 98

Федоров В.И.

Ценность ревизии идей Б.Н. Чичерина для российской политической науки 110

Дигтяр О.Ю.

Методические рекомендации по созданию эффективного контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку 119

Сюе Сяохань, Попов С.И.

Историческая эволюция и пространственная реконструкция евразийского транспортного коридора: на примере Шелкового пути 131

Соболева Е.О.

Молодежная политика современных оппозиционных парламентских партий России: сравнительный анализ 139

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Кица Б.В.

Политическая культура Японии в догосударственный и раннегосударственный период 147

CONTENTS

COVER STORY: TOWARDS A NEW WORLD ORDER

Vorozhikhin V.V., Larionova E.I., Yuryeva A.A.

The System of Values in the Innovative Development of Countries 6

Gatto Virginia Morena

The Post-Western Order and Eurasian Multilayering: Regional Organizations as Instruments
of Russian Foreign Policy 23

Mikhailova N.V., Muradyan L.O., Papparatto F.

Russia's Arctic Strategy: Energy, Infrastructure and Security. 36

Açıköz Mehmet, Medushevsky N.A.

Historical and Neocolonial Dimensions of Territorial Disputes: The Impact of Colonial Borders on the
Present 42

Seleznev P.S., Tatulyan K.A., Gafurova K.R.

Military and Trade Co-operation Between Russia and India. 49

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Pryazhnikov N.S., Kamneva E.V.

Models of the Relationship Between Corporate and Individual Identity 57

Grinivetsky I.I., Kapkashchikov S.G.

The Trajectory of Russia's Economic Development: The Doctrines of Falin – Kvitsinsky, Primakov
and Karaganov 65

Lukshin R.S.

Study of the Philosophical Foundations of the Economics of Innovation
and the Economics of Memory 80

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Komov V.E.

The Mechanism and Tools for the Implementation of Modern Social Policy at the Municipal Level. . . 89

Znamensky D.Yu., Lukyanenko D.S., Bogacheva S.D.

Local Context and Party Rhetoric: The Case of the LDPR the Urban Agenda. 98

Fedorov V.I.

The Value of Revising the Ideas of B.N. Chicherin for Russian Political Science. 110

Digtyar O.Yu.

Guidelines for Creating Effective Content When Developing Online English Language Courses . . . 119

Xue Xiaohan, Popov S.I.

Historical Evolution and Spatial Reconstruction of the Eurasian Transport Corridor:
The Example of the Silk Road 131

Soboleva E.O.

Youth Policy of Modern Opposition Parliamentary Parties in Russia:
A Comparative Analysis. 139

HISTORICAL DIGRESSION

Kitsa B.V.

The Political Culture of Japan in Pre-State and Early State Period 147

Система ценностей в инновационном развитии стран

В.В. Ворожихин^а, Е.И. Ларионова^б, А.А. Юрьева^с

^а РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация;

^{а,б} Институт проблем развития науки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;

^с РТУ МИРЭА, Москва, Российская Федерация;

^{б,с} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Инновационное развитие в эпоху цифровой трансформации стало стремительно менять все сферы человеческой деятельности. Глубокие и принципиальные изменения стали менять не только реальный и виртуальный миры, но и основания системы фундаментальных убеждений, лежащих в основе формирования личности и социума – системы ценностей. Инновации стали важнейшим фактором, определяющим динамику изменений человека и общества и результаты экономического и научно-технологического развития. Исследования инноваций в лучшем случае отчасти учитывают систему ценностей как некие статичные особенности национальных инновационных систем. Часто влияние системы ценностей игнорируется и подменяется учетом исключительно технологических факторов развития. Значительное число исследований ценностей не рассматривает влияние инноваций на их динамику. Но и ценности, и инновации оказываются ключевыми факторами влияния на происходящие глубокие изменения, при этом оказывая значимое взаимное влияние друг на друга. Целью статьи является осмысление проблемы взаимного влияния инноваций и ценностей, их совместной эволюции и результирующего влияния на социотехнологическое развитие в условиях цифровой трансформации. В исследовании использованы материалы отечественных диссертационных исследований, современных научных статей зарубежных и отечественных авторов, результаты международного исследования World Values Survey (WVS) и шестимерного представления ценностей по методике Г. Хофстеде. Поскольку исследования взаимного влияния ценностей и инноваций практически отсутствуют, авторы выделили небольшую группу стран – лидеров инновационного развития – США, Республику Корея и КНР, данные о системах ценностей которых сопоставляются с данными России. Из общего массива вопросов анкеты седьмой волны исследований WVS выбраны 10 параметров ценностных систем, непосредственно характеризующих инновационное развитие стран. Представлены выводы сравнительного сопоставления систем ценностей указанных стран по параметрам WVS, которые сопоставлены с результатами шестимерного анализа этих стран по методике Г. Хофстеде (G. Hofstede). Сделано заключение о практической применимости результатов для согласования инновационной политики России и КНР, аналогично результатам выполненного ранее диссертационного исследования Д.Н. Соломина. Рассмотрено перспективное развитие исследования за счет сопоставления динамики ценностей с последними данными развития инновационных систем указанных стран.

Ключевые слова: социотехнологическое развитие; возрастание роли ценностей; переосмысление ценностей; трансформация ценностей; взаимовлияние ценностей и инноваций; ценности инновационных лидеров мира; системные исследования инноваций и ценностей

Для цитирования: Ворожихин В.В., Ларионова Е.И., Юрьева А.А. Система ценностей в инновационном развитии стран. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2025;15(4):6-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-6-22

ORIGINAL PAPER

The System of Values in the Innovative Development of Countries

V.V. Vorozhikhin^a, E.I. Larionova^b, A.A. Yuryeva^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation;

^{а,б} Institute for the Study of Science of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

^с MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation;

^{б,с} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Innovative development in the era of digital transformation has begun to rapidly change all spheres of human activity. Deep and fundamental changes have begun to change not only the real and virtual worlds, but also the foundations of the system of fundamental beliefs underlying the formation of personality and society – the value system. Innovations have become the most important factor determining the dynamics of changes in man and society and the results of economic and scientific

technological development. Research on innovations, at best, partially takes into account the value system as some static features of national innovation systems. Often the influence of the value system is ignored and replaced by taking into account exclusively technological factors of development. A significant number of studies of values do not consider the influence of innovations on their dynamics. But both values and innovations turn out to be key factors influencing the ongoing profound changes, while exerting a significant mutual influence on each other. The purpose of the article is to understand the problem of the mutual influence of innovations and values, their joint evolution and the resulting impact on socio-technological development in the context of digital transformation. The study used materials from domestic dissertation studies of values, modern scientific articles by foreign and domestic authors, the results of studies of international research programs studying social, political, economic, religious and cultural values of people in the world – World Values Survey (WVS) and a six-dimensional representation of values according to the method of G. Hofstede. Since studies of the mutual influence of values and innovations are practically absent, the authors identified a small group of countries – leaders in innovative development – the United States, the Republic of Korea and China, data on the value systems of which are compared with data from Russia. From the general array of questions in the questionnaire of the seventh wave of WVS studies, 10 parameters of value systems were selected that directly characterize the innovative development of countries. The findings of a comparative comparison of the value systems of these countries according to the WVS parameters are presented, which are compared with the results of a six-dimensional analysis of these countries using the method of G. Hofstede. A conclusion is made on the practical applicability of the results for coordinating the innovation policies of Russia and China, similar to the results of the previously completed dissertation study of D.N. Solomin. The prospective development of the research is considered by comparing the dynamics of values with the latest data on the development of innovation systems in the specified countries.

Keywords: socio-technological development; increasing role of values; rethinking values; transformation of values; mutual influence of values and innovations; values of the world's innovative leaders; systemic studies of innovations and values

For citation: Vorozhikhin V.V., Larionova E.I., Yuryeva A.A. The system of values in the innovative development of countries. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):6-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-6-22

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЦЕННОСТЯХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ИННОВАЦИИ

Процессы современного глобального и национального развития далеко выходят за рамки технологических революций. Принятие изменений или противодействие им определяется соответствием нововведений системе ценностей общества. С другой стороны, современные хаос и неопределенность развития не могут преодолеваются вне осознания происходящего, что требует уточнения и верного использования терминов, отражающих фундаментальные условия развития и трансформации, прежде всего понятий ценностей: понятие ценности, введенное И. Кантом, исключает утилитарное отношение к другому, в то время как в рамках глобализации формируются ценности человека с противоположной шкалой, основанной на подавлении слабых в рамках глобальной конкуренции [1].

Ценности обычно менялись гораздо медленнее, чем технологии, выполняя роль конструктивного тормоза развития, снижая неопределенности и риски использования новых технологий и трансформаций. Однако фокусом развития в наше время становятся цифровые инновации, меняющие значимость существующих ценностей и формирующие новые способы создания ценностей, и новые ценности, меняющие направления развития, социальные взаимодействия и поведение самого человека и социума в целом [2].

В соответствии с современным определением специалистов ВЭФ, «инновация — это процесс прев-

ращения новых идей в ценность в виде продуктов, услуг, бизнес-моделей и других новых способов ведения дел»¹. Инновации опираются на знания и ранее созданные технологии, формируя на основе реализуемых практик новые преимущества по качеству продукции и затратам и оказывая заметное воздействие на социум.

Воздействие на человека — на его самосознание, идентичность и целостность — изучает антропология инноваций, определяющая трансформацию его восприятия самого себя в процессах изменений бытия и взгляда на будущее [3]. Замена части традиционных ценностей ценностями настоящего при сохранении целей и смыслов деятельности описывается через баланс ценностей сохранения и изменения. Промышленный рост экономики после второй мировой войны, когда технологии стали драйвером промышленного производства, привел к восприятию инноваций как социального приятия результатов технологических. Но в современном мире развитие становится социотехнологическим — социальная сфера начинает трансформироваться быстрее в рамках использования одних технологий для совершенствования других на цифровых платформах, реализации возможностей перехода от массовых продуктов к индивидуализированным, становления социальных проекций цифровых технологий, влияния цифровых инноваций на изменения системы ценностей и механизмы измене-

¹ Innovation. URL: <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb000000LrSOEA0>

ния системы ценностей, развития новых цифровых организационных форм, усиливающих роль социума — платформ и бизнес-экосистем.

Наш мир стал сложным, ему свойственны разнонаправленные тенденции, взаимодействие которых труднопредсказуемо. Растут неопределенности и риски, меняются основания и критерии оценки ситуации и принятия решений. Роль человека и знаний о человеке в формирующемся многополярном интеллектуальном мире существенно возрастает, социальная составляющая современного инновационного социо-технологического развития становится более значимой с каждым годом. В последние годы значительное внимание стало уделяться социальным технологиям, которые принципиально ускоряют процессы обновления системы ценностей. Социальные технологии становятся важнейшими составляющими формирующихся бизнес-процессов, определяя их конкурентоспособность и присутствие в глобальных цепочках стоимости². Ценности становятся внутренним встроенным регулятором принятия инновационных решений, и этот механизм дополняется моделируемыми и трансформируемыми функциями [4]. Бизнес-модели цифровых экосистем и цифровых инноваций — взаимозависимая и взаимосвязанная интерактивная система, оптимизирующая процессы совместного создания ценности участниками экосистемы, представляющая ценность также и для внешних агентов. Их огромное разнообразие, опирающееся на электронную торговлю, может быть описано в рамках классификации пяти типов [5], что привело к формированию отдельного направления развития бизнеса: бизнес-модели стали самостоятельным продуктом деятельности и привели к появлению стремительно растущих компаний глобальных масштабов — гиперскейлеров [6].

Векторы национальных и глобальных трансформаций начинают определять соотношение динамики инноваций и ценностей общества и человечества в целом. Происходящие трансформации заставляют обратить пристальное внимание на взаимное влияние динамики системы ценностей и инновационного развития, рассматриваемых, как правило, отдельно.

Ценностям, как и всем современным сущностям, свойственны множественные определения, которые исчисляются сотнями. Множественные определения ценностей и инноваций отражают не столько утрату

консенсуса, который формируется применительно к контексту, сколько эволюцию представлений и интерпретаций этих концептов.

Иерархия ценностей, как и их классификация, носит личностный характер и отражает представления, связанные с конкретным обществом и временем и с индивидуально складывающимися особенностями ценностей [7]. Тем не менее среди разнообразия мнений о предмете, особенностях, роли и значимости ценностей можно попробовать выявить общие тенденции.

ПОЧЕМУ ЦЕННОСТИ И ИННОВАЦИИ ВАЖНЫ

Ценности являются отражением значимости сущностей, феноменов и ноуменов в представлениях личности или социума. Ценности — это инструмент мировосприятия, помогающий человеку сделать осознанный выбор своего существования и поведения, минимизирующий социальные риски и противоречия, а также инструмент интеграции сообществ, общества и цивилизации.

«Ценности — это фундаментальные убеждения, направляющие или мотивирующие людей, организации и сообщества, обеспечивающие основы социальной справедливости и веру в необходимые институты»³. Они отражают представления о том, что важно, о социальном опыте личности, сообщества и общества и, в итоге, формируют социальную сферу и систему научных знаний.

Ценности есть основания формирования видения желаемого будущего, целей развития общества и выбора средств достижения благоприятного будущего, в котором эти цели реализованы. «Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную структуру потребностей и мотивов, а также интересы личностей и социальных общностей» [8].

Разнообразие ценностей формируется на основе традиций, создаваемых ценностей настоящего и идеалов будущего.

Традиции отражают исторически апробированные базовые ценности, выдержавшие испытание временем в условиях экзистенциальных рисков и многочисленных вызовов существованию человечества. «Базовые ценности, сохраняющие свою значимость во все времена — это так называемые общечеловеческие ценности: сам человек как ценность, истина, добро, здоровье, гармония, любовь к ближнему и другие» [8]. Базовые ценности наименее подвержены изменениям, однако они «изменяют свою конкретную историческую

² 100 Radical Innovation Breakthroughs for the future: The Radical Innovation Breakthrough Inquirer — Directorate-General for Research and Innovation (European Commission), Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2019. 338 p. URL: <https://doi.org/10.2777/24537>

³ Values.URL: <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb0000000LGrDEAW>

форму представления и способа передачи своеобразно велению времени» [8]. Автор отмечает, что «благодаря традиции в постиндустриальном обществе происходит самосохранение, воспроизводство и регенерация ценностей, так как сами ценности выступают, с одной стороны, как предохранительный механизм в культуре общества, с другой — являются одним из механизмов его изменения».

Ценности настоящего — это создаваемые ценности, отражающие уровень социо-технологического развития общества. Они могут быть классифицированы как духовные, виртуальные и материальные, которые представляют необходимые жизнеобеспечивающие ресурсы, новые товары, услуги, процессы и бизнес-модели, соответствующие персональным представлениям потребителя. Яркий и относительно успешный пример национального развития на основе создаваемых ценностей настоящего — американский «плавильный котел», ориентированный прежде всего на ценности материальные. Однако упрощенчество, теряющее традиции и идеалы, не позволяет сформировать устойчивое развитие страны, приводя к противоречиям и конфликтам.

Идеалы отражают представления о должном, о будущем, формируя вектор развития общества. Идеалы не остаются неизменными. В соответствии с эффектом Эдипа новые знания, новая социально значимая информация меняют отношение к обсуждаемым предложениям и проектам, меняют видение благоприятного будущего и трансформируют наши идеалы [9]. Разнообразие ценностей, взглядов и мнений было во все времена и останется в будущем, поскольку знания и опыт каждого человека уникальны, а будущее неопределенно: «в этом мире ни в чем нельзя быть уверенным, кроме смерти и налогов» (Б. Франклин) — и в этом залог развития.

Ценности лежат в основе формирования представлений о том, каким должно быть развитие, обеспечивающее лучшее будущее. В начале XXI в. появились две важные концепции формирования новых представлений о ценности за счет обновления представлений о развитии: «создания общих ценностей» (*creating shared value*) М. Портера и М. Крамера и «создания устойчивой ценности» (*creating sustainable value*) С. Харта и М. Мильштейна, важнейшие черты которых представлены в работе [10]. Основные идеи М. Портера и М. Крамера: неконкурентная природа отношений бизнеса, общества и природы; зависимость компаний от других компаний и «инфраструктуры» кластера в виде академических институтов, торговых ассоциаций, организаций по стандартизации; аккумуляция ресурсов и навыков и разделение рисков

между заинтересованными сторонами позволяет кластеру развиваться более эффективно, чем отдельной компании.

Концепция «создания устойчивой ценности» в рамках исследования взаимодействий внешней и внутренней среды компаний, настоящего и будущего, экологических и корпоративных ценностей утверждает, что опирающиеся на движущие силы устойчивого развития бизнес-стратегии увеличивают «акционерную стоимость» и открывают перед компаниями перспективы по повышению ценности в каждом из этих измерений. Если удастся их сбалансировать, то компания начинает создавать «устойчивую ценность» — добиваться роста прибыли акционеров, придерживаясь при этом принципов и ценностей устойчивого развития.

Желаемое будущее недостижимо без решения насущных проблем и создания, по мере появления новых знаний, возможностей развития, которые реализуются в форме социальных и технологических инноваций, формирующихся в результате принимаемых решений, в основании которых лежат ценности. Однако глубина происходящих изменений настолько велика, что инновационное развитие оказывает влияние на те самые ценности, которые лежат в основании принятия наших решений. В результате формируются процессы взаимного влияния ценностей и инноваций, которые требуют рассмотрения для выбора направлений, приоритетов и темпов инновационного социо-технологического развития России.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ И СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИЙ

Современное инновационное развитие сопряжено с глубокими преобразованиями общественной жизни, такими как «либерализация, инновационность, рост правовой культуры и социального доверия. Знания и информация становятся не только стратегическими ресурсами и агентами трансформации традиционных ценностей, а сами являются новыми ценностями» [8].

Цифровая трансформация совершенствует информационные, научные и коммерческие коммуникации. Зависимость компаний от предпочтений потребителей увеличивается, а потребителей интересуют инновационные продукты и услуги, обладающие более высоким качеством и меньшими ценами. Достижение конкурентных преимуществ требует вовлечения потребителя в процессы инновационного совместного создания ценностей (ССЦ), причем значимость и масштабы деятельности экосистемы, интегрирующей поставщиков и потребителей на основе их интересов, стремительно растут [11, с. 3–10]. Компании переходят

к модели открытых инноваций с использованием внешних ресурсов. Выпуск товаров в рамках их адаптации под интересы конкретного потребителя создает инновационные ценности, а также формирует новых акторов — «протребителей», использующих полученные инновационные продукты и одновременно являющихся участниками их производства в рамках процессов совместного создания стоимости. Для оптимизации и ускорения этих процессов специалистами Тойоты предложен метод структурирования функции качества (QFD), реализуемый на основе цифровых двойников — комплекса системно увязанных моделей [11, с. 46, 56–57]. Цифровые технологии и инструменты обеспечивают стремительное и массовое развитие цифровых инноваций, преобразующих физический и виртуальный мир, как и систему ценностей. Инновации становятся ключевым фактором влияния на изменения ценностей. Развитие подхода ССИЦ в сфере инноваций привело к формированию понятия и концепции «инновации ценности», которое стало основой исследований трансформации предприятий с учетом стратегических инноваций ценности предприятия, формирования бизнес-моделей инноваций, методики оценки результативности предприятий и механизма выбора сценариев их развития с позиций ценностно-ориентированного подхода [12].

Таким образом, в цифровую эпоху значимого влияния на ценности системная оценка инновационной политики становится необходимостью для оценки изменений ценностей, которая требует учета для успешного стратегического управления инновационным социо-технологическим развитием стран.

«Системно-ориентированная оценка инновационной политики — регулярный и основанный на знаниях набор практик, который оценивает влияние инновационной политики на инновационную систему» [13]. Но создание системно-ориентированной оценки инновационной политики (СООИП) оказалось крайне сложной задачей даже для многих развитых стран. Только шесть стран ЕС — Австрия, Финляндия, Германия, Ирландия, Швеция и Нидерланды — смогли сформировать целостные СООИП. Системы в 13 странах имеют некоторые черты СООИП; тогда как в 9 странах нет реальной практики оценки.

В СООИП использованы четыре ключевых параметра, к которым относятся: охват, перспектива, временной аспект опыта и экспертиза. Охват предусматривает оценку инструментов инновационной политики, использование их сочетания и социально-экономические оценки. При оценке присваивается 2 балла при наличии значительного количества и сложных форм оценок, 1 балл за менее значительное количество ме-

нее сложных оценок и 0 баллов при недостаточности оценок или их отсутствии. Системная перспектива определена как *степень глубины анализа перспективы эффективности инновационной политики и инновационной системы* (0–2 балла): оценивается институциональное устройство (формальные и неформальные правила игры и рамочные условия — сюда входит инновационная политика) и социально-экономические показатели (производственный сектор, который осуществляет инновации). Временной аспект опыта рассматривается как регулярность оценки (0–2 балла), экспертиза — как использование разнообразной экспертизы: сочетание национальной и международной, внутренней (министерской/общественной) и внешней (частные консалтинговые компании, университеты, аналитические центры и т.д.) экспертизы (0–2 балла).

Сложность инновационных решений в быстро меняющейся геополитической ситуации требует доступа к глобальному знанию, гибкости и высокой скорости принятия решений, преимуществ в стратегической разведке будущего по сравнению с существующими конкурирующими системами, например, Всемирного экономического форума⁴.

Процессы трансформации ценностей могут быть стихийными и целенаправленными, ведущими к изменениям значимости ценностей, структуры ценностей, характерной для этносов, времен, территорий. Развитие технологий и их влияние на социум привело к формированию техносферы и трансформации не только традиционных ценностей, но и всей социальной сферы [8].

Россия, проиграв холодную войну, пыталась выстроить новую социально-экономическую систему на основе формирования рыночной экономики. За образец была принята система, выстроенная сверхдержавой США, — и мы, не стыдясь, пытались ее повторить и открыто взаимодействовать с западными партнерами. Изменение ценностей традиционно происходило существенно медленнее, чем изменялись технологии и механизмы экономического управления, условия и качество жизни. При этом трансляция экономических механизмов не имела поддержки корректировки ценностей — лишь после значимых социальных проблем и высокой напряженности, которая вылилась в 1993 г. в противостояние Президента и Верховного Совета [14], проблема несоответствия ценностей была всерьез переосмыслена и исследована.

Процесс рыночных реформ в России сопровождался острым ценностным конфликтом между либераль-

⁴ URL: <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb0000000LrSOEA0>

но-демократическими ценностями правящей элиты и консервативно-традиционалистскими ценностями массового сознания. Итогом стало формирование массового запроса на восстановление социальной справедливости посредством государственного перераспределения собственности, выработку новой идеологии, объединяющей патриотизм, государственничество и модернизационное развитие [15].

В условиях цифровой трансформации временной разрыв между инновациями и изменением ценностей существенно сокращается за счет ускорения проведения исследований, использующих доступные данные и знания о ценностях персоналий и их динамике, включая массовую оценку населением происходящих событий и эмоциональные реакции на них в социальных сетях.

Результаты исследований находят применение при формировании управленческих решений и разнообразных гуманитарных интервенций в интересах государства органами управления, в том числе на стремительно развивающихся цифровых платформах.

Формируются новые интерактивные социальные коммуникации, стремительно развивается пространство новых знаний, новых смыслов и ценностных регуляторов, приводя к переосмыслению традиций, ценностей настоящего и идеалов будущего. Происходит целенаправленная достройка сетевой структуры системы, повышающая ее эффективность и ослабляющая влияние неформальных сетей, отражающих интересы локальных групп, сформированных по территориальным, отраслевым или иным принципам. Примером такой достройки может служить мультисеть поддержки исследований и реформ [16]. Поэтому значительно возрастает значимость систематического анализа трансформации национальных ценностей, отражающего влияние инновационного развития и, в свою очередь, определяющего потенциал возможных инновационных социо-технологических трансформаций экономики России. Подобные исследования ведут лишь несколько организаций в мире.

СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН И НАСЕЛЕНИЯ СТРАН – ЛИДЕРОВ ИННОВАЦИОННОГО СОЦИО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ – КНР, США И ЮЖНОЙ КОРЕИ

Важным вопросом при исследовании национальных предрасположенности и барьеров, способных оказать влияние на процесс *инновационного социо-технологического развития* (ИСТР), является сравнительный анализ национальных ценностей. Разработан ряд

методик, применимых для оценки различий между национальными ценностями, анализ которых приведен в диссертационном исследовании [4], а перечень их представлен в автореферате диссертационного исследования Н.Д. Соломина: «методика Клакхона (C. Kluckhohn), модель GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness), методика Г. Хофстеде (Hofstede), С. Шейна (S. Shane); проект «Всемирное исследование ценностей» (The World Values Survey – WVS) на основе диаграммы Р. Инглхарта (R. Inglehart), критерии оценки деловых культур Ф. Тромпенаарса (F. Trompenaars) и шкала ценностей Ш. Шварца (S. Schwartz)» [4].

Всемирная ассоциация по исследованию ценностей (World Values Survey – WVS)⁵ регулярно проводит сравнительный анализ ценностей стран мира. Доступными для исследователей являются данные 7-й волны исследований, проведенных для 64 стран в 2017–2022 гг. при участии более 80 000 респондентов, в том числе лидеров глобального инновационного развития США⁶, Китая⁷ и Республики Корея⁸, и, что важно для нашего исследования, России⁹ (загрузка исследований в PDF-формате доступна с указанного сайта¹⁰). Последняя, 8-я волна Всемирного исследования ценностей началась в январе 2024 г. WVS-8 запланирована на 2024–2026 гг.¹¹

World Values Survey использует выборочный опрос в качестве способа сбора данных, систематического и стандартизированного подхода к сбору информации посредством интервьюирования репрезентативных национальных выборок людей. Основные этапы выборочного опроса: Разработка анкеты; Выборка; Сбор и анализ данных.

Разработка опросника реализуется для каждой волны исследований¹². Главный опросник для 7-й волны исследований «2017–2021 World Values Survey Wave 7 Master Survey Questionnaire» на 27 с. доступен для скачивания на указанном выше сайте. Имеет разделы, представленные в *таблице 1* с общим числом вопросов 290. Кроме того, предусмотрена запись наблюдений интервьюера [14].

⁵ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

⁶ United States Study # WVS-2017 v3.0–114 p.

⁷ China Study # WVS-2017 v3.0, 2018–87 p.

⁸ South Korea Study # WVS-2017 v3.0–98 p.

⁹ Russian Federation Study # WVS-2017. v3.0. 103 p.

¹⁰ WVS Wave 7 (2017–2022). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

¹¹ WVS Wave 8 – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

¹² В настоящее время проведено семь волн исследований, и в 2024 г. началась 8-я волна.

Также имеются региональные и тематические вопросы.

1. Модуль политического доверия: 4 вопроса, 48 вариантов ответа.

2. Региональный модуль ближнего востока: 38 вопросов, 149 вариантов ответа.

Выборки берутся из всего населения в возрасте 18 лет и старше. Минимальная выборка составляет 1000 человек. Сбор данных проводится методом опроса по установленному опроснику. Анализ данных проводят группы, собравшие данные. Более подробные описания методики приведены для 5 и 8 волн исследований.

К сожалению, нет целенаправленных исследований взаимовлияния ценностей и инноваций. Поэтому приведем выборку ответов на ряд вопросов из исследования, которые могут характеризовать ценности ИСТР, представленных на рис. 1–10, где вертикальная шкала — распределение ответов, поддерживающих указанные на горизонтальной шкале вербальные оценки, %.

Уменьшение важности работы в нашей жизни (рис. 1) негативно воспринимается прежде всего в КНР. Похожая реакция — в России. Не против уменьшения важности работы население Кореи и США. При этом во всех странах более 20% населения считает,

что это хорошо. Рост внимания развитию техники (рис. 2) активно приветствуется в КНР, чуть менее важен он для населения России и более сдержанно приветствуется в США и Корею. Около 10% населения в России, Корею и США считают, что это фактор негативный.

Большее уважение к власти (рис. 3) приветствуется прежде всего в КНР и США — около 60% населения, чуть меньше — в России. В Корею такая группа населения составляет менее 20%, но не против большего уважения к власти 40%, но такая же значительная по численности группа населения — 40%, негативно относится к усилению власти.

Большинство населения сравниваемых стран довольно счастливо (рис. 4), причем явно выраженное лидерство в этой группе у Кореи (85%), Россия несколько опережает КНР и США (около 60%).

Население КНР отличается наибольшей верой в то, что наука является благом для общества: более 40% совершенно с этим согласны и 20% крайне близки к поддержке такого мнения (рис. 5).

Второе место занимает Россия — в ней уверено в улучшении жизни за счет науки чуть менее 40% населения и близки к такому мнению примерно 8%. Третье место занимают в ответах, демонстрирующих

Таблица 1 / Table 1

**Количество вопросов по основным разделам опросника Всемирного обзора ценностей /
Number of questions in the main sections of the questionnaire World Values Survey**

Наименование раздела / Section name	Количество вопросов / Number of questions	Наименование раздела / Section name	Количество вопросов / Number of questions
Социальные ценности, отношения и стереотипы	45	Постматериалистический индекс	6
Счастье и благополучие	11	Наука и технологии	6
Социальный капитал, доверие и организационное членство	49	Религиозные ценности	12
Экономические ценности	6	Этические ценности и нормы	23
Коррупция	9	Политический интерес и политическое участие	36
Миграция	10	Политическая культура и политические режимы	25
Безопасность	21	Демография	31

Источник / Source: составлено авторами по основному опроснику 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 Master Survey Questionnaire (2017–2021)*.

*URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

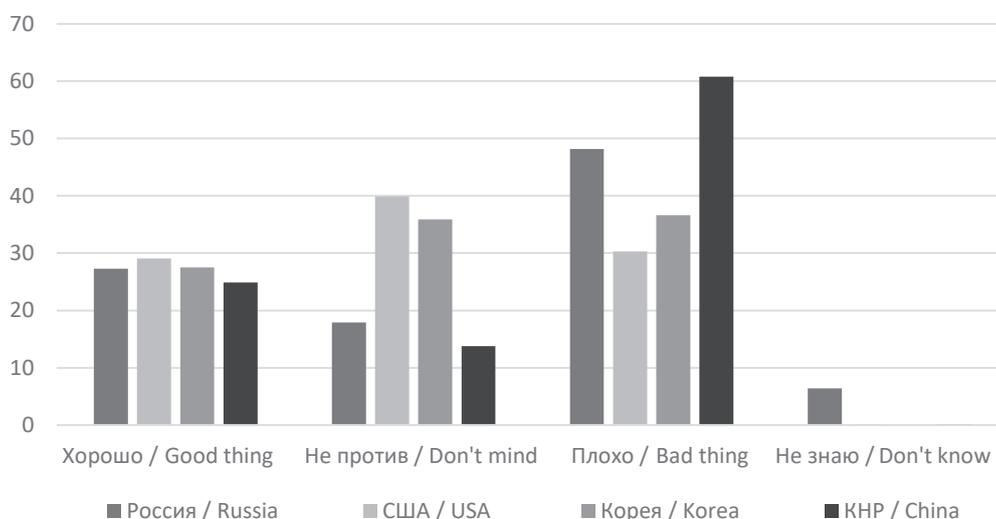

Рис. 1 / Fig. 1. Уменьшение важности работы в нашей жизни / Less importance placed on work in our lives

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

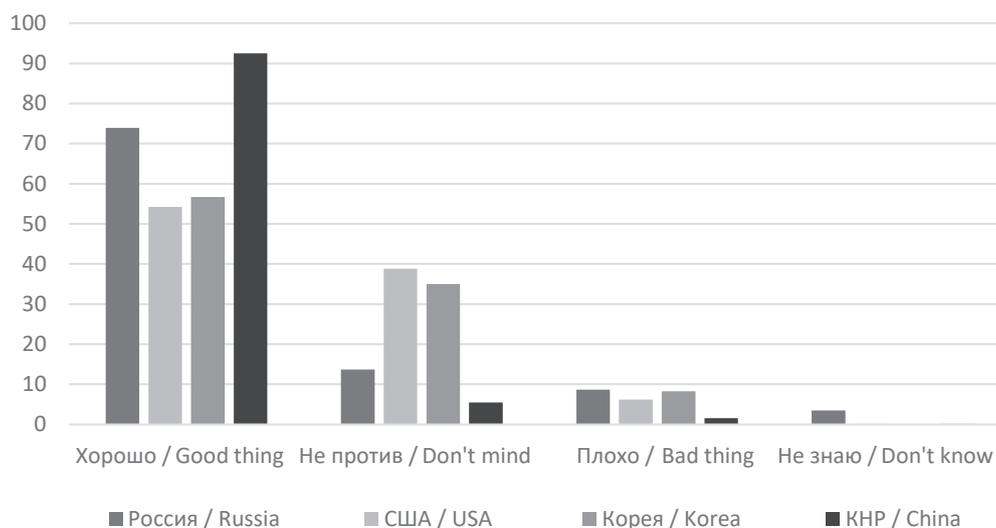

Рис. 2 / Fig. 2. Рост внимания развитию техники / More emphasis on the development of technology

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

уверенность в улучшении качества жизни наукой, США, причем можно отметить наиболее широкий спектр мнений по всем группам, более 5 баллов.

Основная часть населения Кореи относится к значимости науки в качестве жизни сдержаннее, чем население других стран (7 баллов — 35%, 8 баллов — 30%), но с большим единодушием — мнения о роли науки близки у двух третей корейцев.

Сорок процентов россиян считают, что совершенно согласны, что благодаря науке и технологиям у нового поколения будет больше возможностей (рис. 6), а мнения остальных распределено в основном по группам 5–9 баллов.

Хотя совершенно уверены в этих возможностях 39% китайцев, их мнения более сфокусированы, чем у россиян в группах ответов, оценивающих создание возможностей для следующего поколения за счет науки на уровне 8 (20,4%) и 9 баллов (19,5%), что в совокупности составляет почти 80%.

Три четверти населения Кореи считает, что чрезмерно полагается на науку и недостаточно на веру: их ответы распределены в основном по группам 5–8 баллов (рис. 7).

Полностью не согласны с таким утверждением более 20% американцев, мнения остальных распределены по всем группам с пиком в районе 5 баллов.

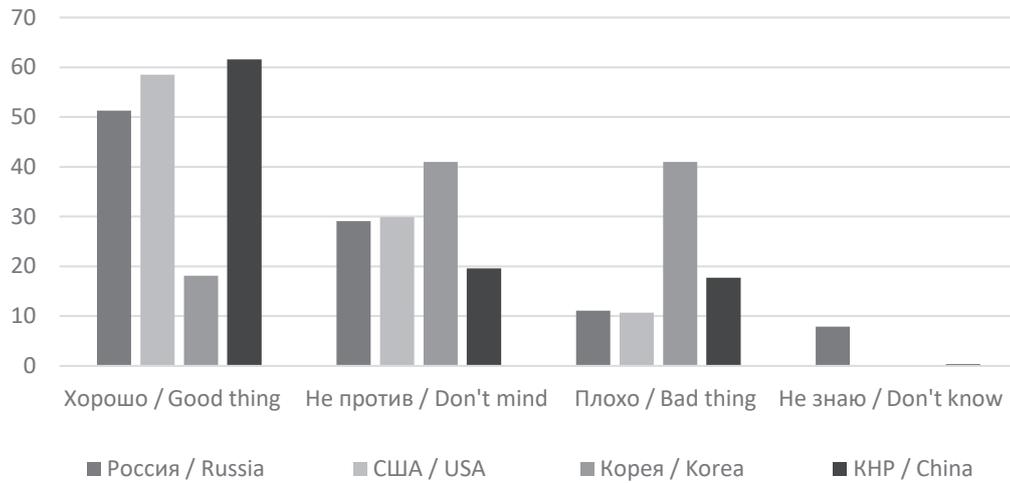

Рис. 3 / Fig. 3. **Большее уважение к власти / Greater respect for authority**

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

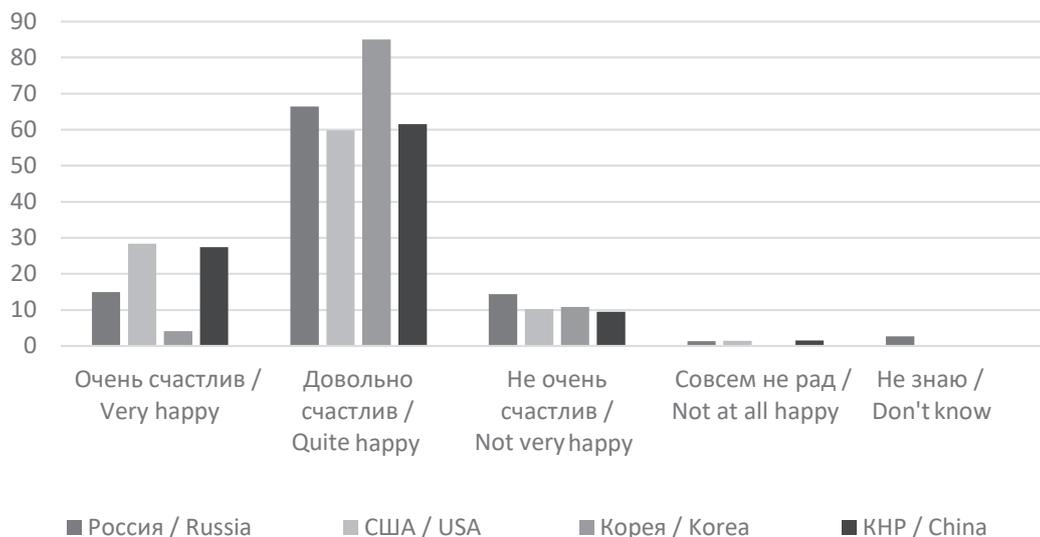

Рис. 4 / Fig. 4. **Удовлетворенность жизнью в целом в настоящее время / Taking all things together, would you say you are**

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

Для России и КНР характерно более равномерное распределение мнений по группам с локальным максимумом в группе 5 баллов.

Население Кореи также склонно считать, что одним из негативных последствий развития науки является то, что люди перестают различать добро и зло (рис. 8), при этом мнения фокусируются в группах 4–8 баллов в совокупности у 90% населения с максимумом в группе с оценкой 7 баллов (25,8%).

В США для двух групп ответов характерны максимумы: совершенно не согласны с представленным вопросом 21,8% опрошенных, средние позиции в группе 5 баллов занимает 18,4% населения. Остальные

мнения распределены по группам 2–8 баллов достаточно равномерно. Более полярные мнения согласия и несогласия характерны для России и КНР, у которых выражены максимумы согласия и несогласия и группы оценки в 5 баллов.

Многочисленная группа китайского населения в 45% не согласна с утверждением «Для моей повседневной жизни научные знания не нужны» (рис. 9).

Противоположное мнение сформировалось у населения Кореи: более 20% населения оценили высказывание на уровне 7 баллов при достаточно равномерном распределении ответов по группам в 3–8 баллов еще 70% населения. Мнение населения

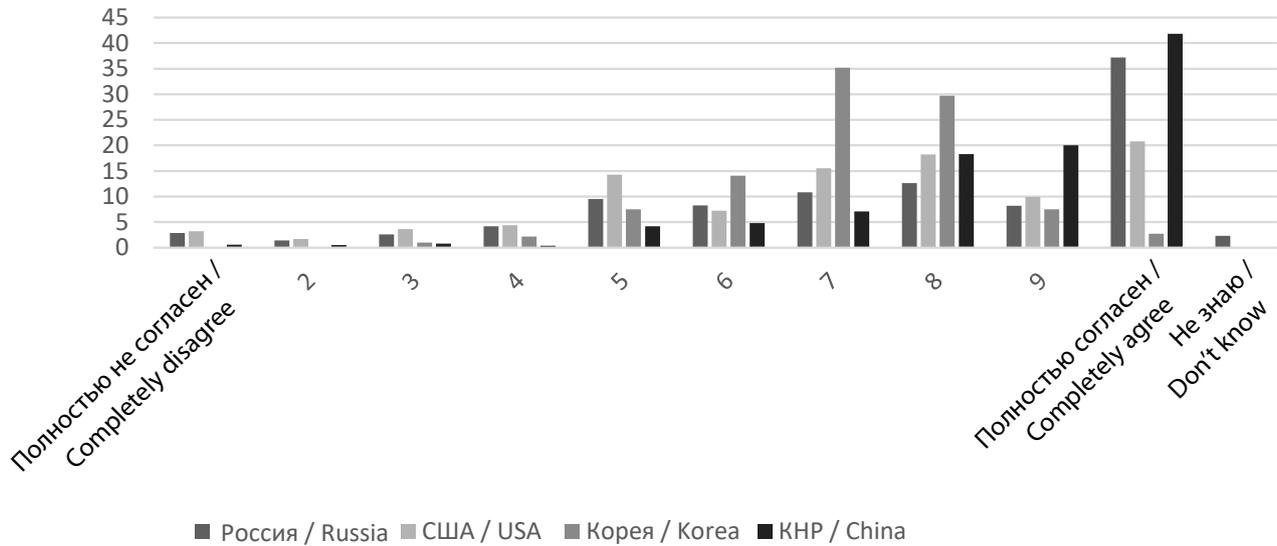

Рис. 5 / Fig. 5. Наука и технологии делают нашу жизнь здоровее, легче, комфортнее / Science and technology are making our lives healthier, easier, and more comfortable*

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

*Примечание / Note: вертикальная шкала – распределение ответов респондентов (%), поддерживающих указанные на горизонтальной вербальные оценки, в баллах от 1 (совершенно не согласен) до 10 (совершенно согласен) с данным утверждением / The vertical scale is the distribution of responses from respondents (%) who support the verbal assessments indicated on the horizontal scale, in points from 1 (I completely disagree) up to 10 (completely agree) with this statement.

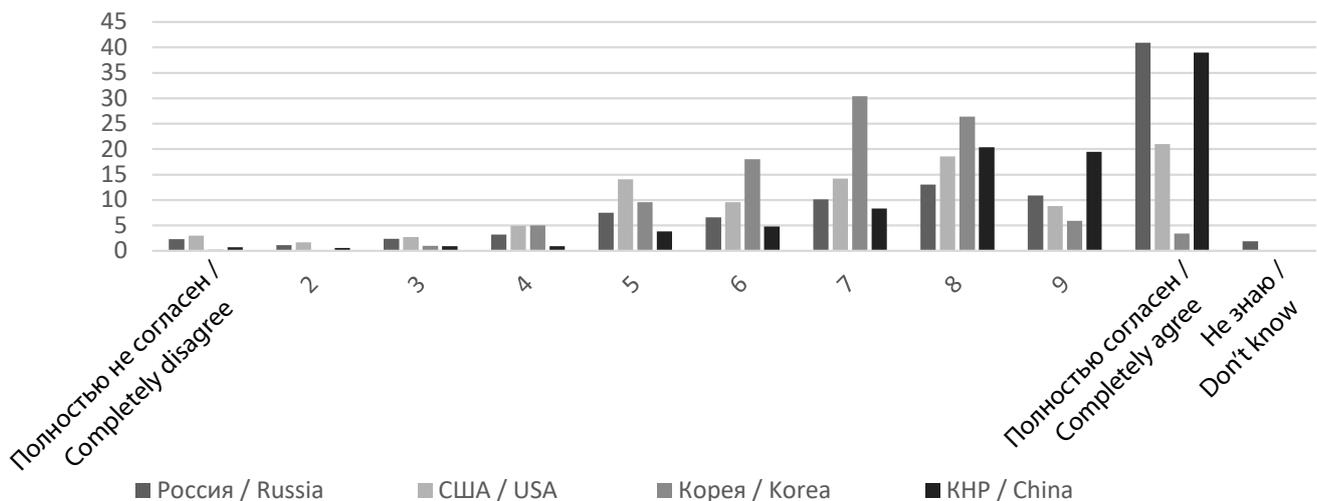

Рис. 6 / Fig. 6. Благодаря науке и технологиям у нового поколения будет больше возможностей / Because of science and technology, there will be more opportunities for the next generation*

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

*Примечание / Note: вертикальная шкала – распределение ответов респондентов (%), поддерживающих указанные на горизонтальной вербальные оценки, в баллах от 1 (совершенно не согласен) до 10 (совершенно согласен) с данным утверждением / The vertical scale is the distribution of responses from respondents (%) who support the verbal assessments indicated on the horizontal scale, in points from 1 (I completely disagree) up to 10 (completely agree) with this statement.

США подобно мнению населения КНР с совершенным согласием 25% населения и более равномерным распределением мнений по группам оценки в 3–5 баллов еще у 38% населения.

Для России характерно разнообразие мнений, охватывающее все группы ответов, причем максимумы мнений полярны для групп ответов «совершенно согласен» — 12,5% и «совершенно не согласен» — 18,4%.

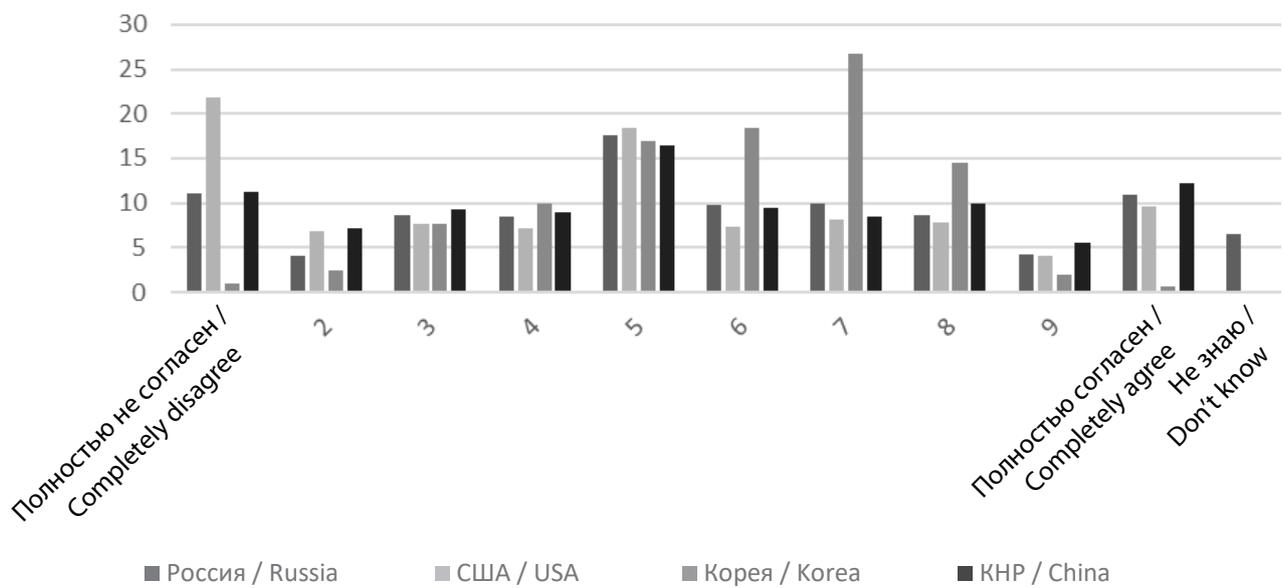

Рис. 7 / Fig. 7. Мы чрезмерно полагаемся на науку и недостаточно на веру / We depend too much on science and not enough on faith*

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

*Примечание / Note: вертикальная шкала – распределение ответов респондентов (%), поддерживающих указанные на горизонтальной вербальные оценки, в баллах от 1 (совершенно не согласен) до 10 (совершенно согласен) с данным утверждением / The vertical scale is the distribution of responses from respondents (%) who support the verbal assessments indicated on the horizontal scale, in points from 1 (I completely disagree) up to 10 (completely agree) with this statement.

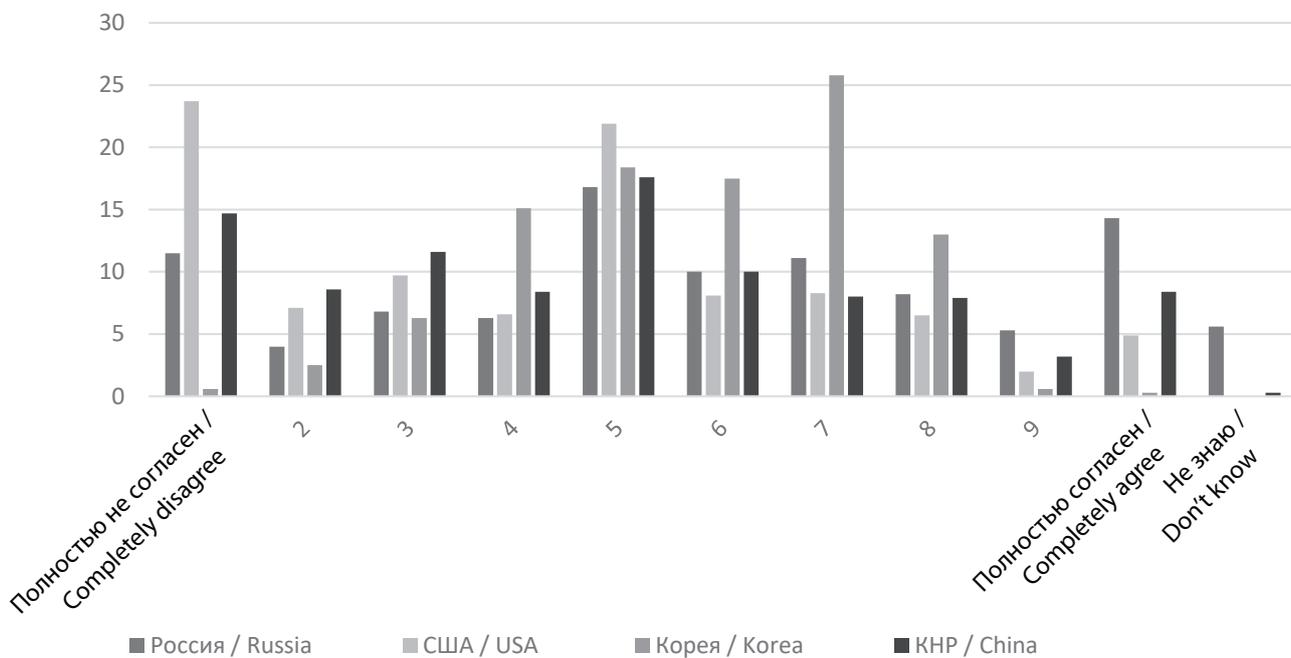

Рис. 8 / Fig. 8. Одним из негативных последствий развития науки является то, что люди перестают различать добро и зло / One of the bad effects of science is that it breaks down people's ideas of right and wrong*

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

*Примечание / Note: вертикальная шкала – распределение ответов респондентов (%), поддерживающих указанные на горизонтальной вербальные оценки, в баллах от 1 (совершенно не согласен) до 10 (совершенно согласен) с данным утверждением / The vertical scale is the distribution of responses from respondents (%) who support the verbal assessments indicated on the horizontal scale, in points from 1 (I completely disagree) up to 10 (completely agree) with this statement.

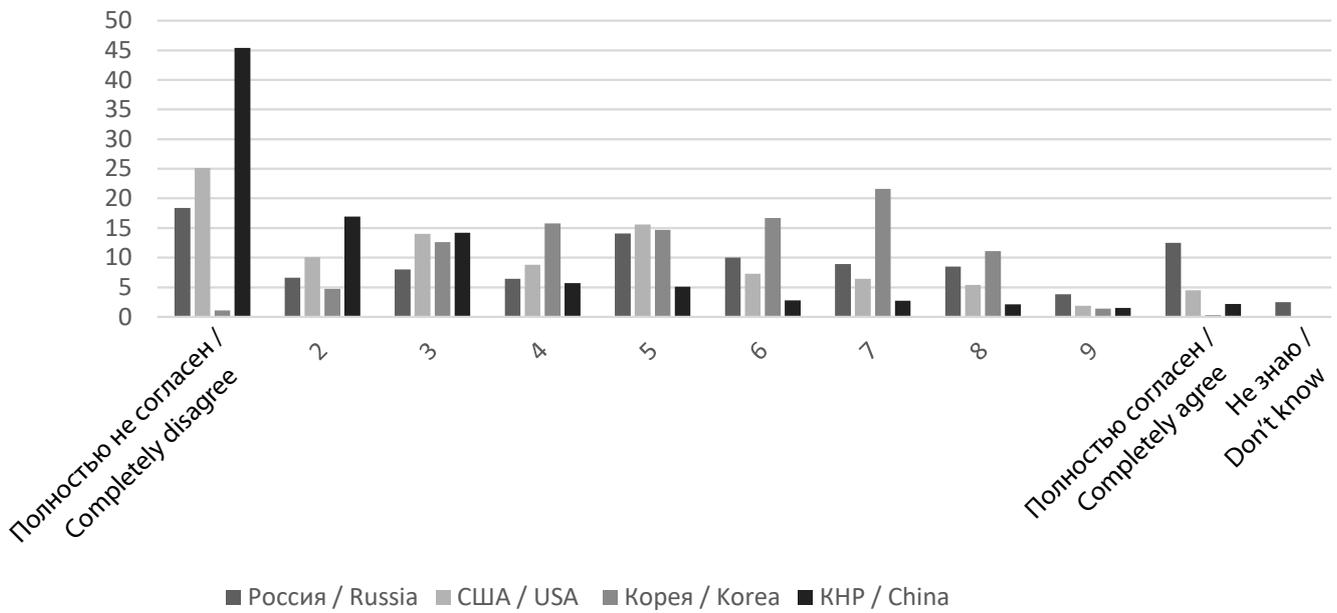

Рис. 9 / Fig. 9. Для моей повседневной жизни научные знания не нужны / It is not important for me to know about science in my daily life*

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

*Примечание / Note: вертикальная шкала – распределение ответов респондентов (%), поддерживающих указанные на горизонтальной вербальные оценки, в баллах от 1 (совершенно не согласен) до 10 (совершенно согласен) с данным утверждением / The vertical scale is the distribution of responses from respondents (%) who support the verbal assessments indicated on the horizontal scale, in points from 1 (I completely disagree) up to 10 (completely agree) with this statement.

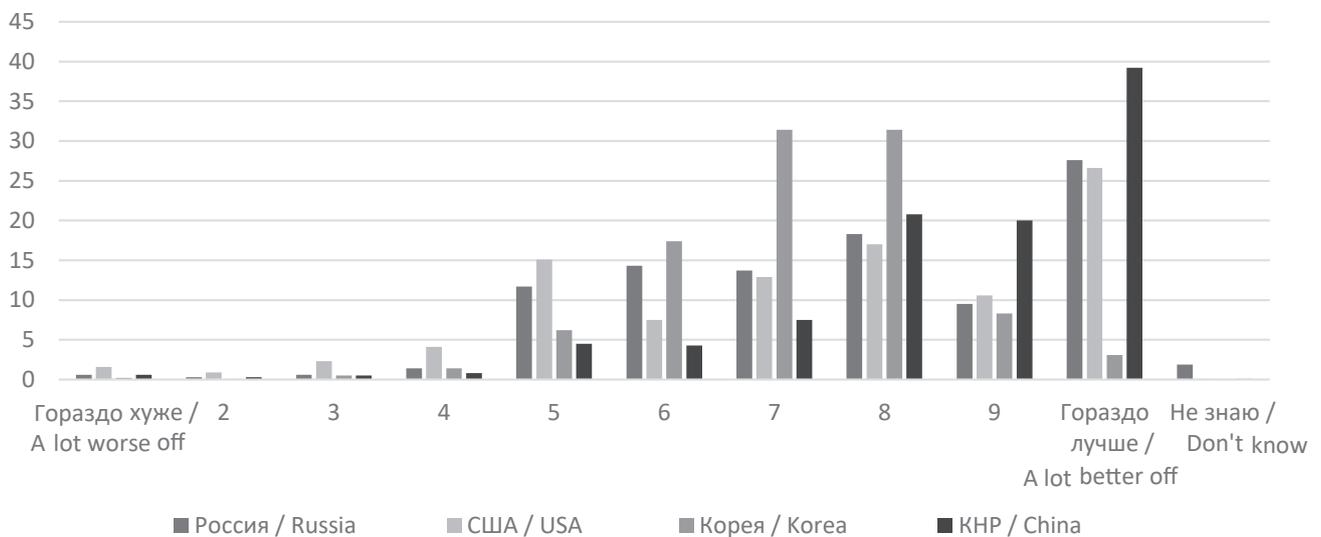

Рис. 10 / Fig. 10. В целом, как Вы считаете, наука и технологии делают мир лучше или хуже / The world is better off, or worse off, because of science and technology*

Источник / Source: составлено авторами по данным 7-й волны Всемирного исследования ценностей (2017–2021 гг.) / Compiled by the authors based on World Values Survey Wave 7 (2017–2020).

*Примечание / Note: верхняя шкала – распределение ответов респондентов в%, поддерживающих указанные на горизонтальной вербальные оценки, в баллах от 1 (гораздо хуже) до 10 (гораздо лучше) с данным утверждением / The upper scale is the distribution of respondents' responses in% that support the verbal ratings indicated on the horizontal scale, in scores from 1 (a lot worse off) to 10 (a lot better off) with this statement.

Ответы на вопрос «В целом, как Вы считаете, наука и технологии делают мир лучше или хуже» (рис. 10) подобны для КНР, России и США.

Наиболее положительны оценки в КНР: «гораздо лучше» считает более 39% населения, группы оценки в 9 и 8 баллов поддерживает 20 и 21% населения. Оценку «гораздо лучше» поддерживает более 25% населения России и США, остальные мнения распределены более равномерно по группам 5–9 баллов. Существенно отличается мнение респондентов Кореи: более 30% населения поддерживает оценки в 8 баллов, столько же в 7 баллов, более 17% считают адекватной оценку в 6 баллов.

В совокупности оценки в 6–8 баллов поддерживает более 80% населения Кореи — иными словами, в целом оценки совершенствования мира за счет науки и технологий гораздо более умеренные.

Если кратко оценить различия в ценностях, которые могут оказывать наиболее сильное влияние на российские инновации, то необходимо отметить следующее.

1. Нет принципиальной разницы или принципиальных разрывов ценностей, определяющих отношения к инновациям у россиян и населения таких лидеров инновационного развития, как США и Корея, а также успешно осуществляющего переход на путь инновационного развития Китая.

2. Ценности России близки к ценностям Китая и США, несколько большее отличие с ценностями Кореи, население которой дает более сдержанные оценки положительного влияния науки и технологий. Россия не занимает крайних позиций на шкале оценок.

3. Для России характерны наличие полярных мнений, а также не очень большой, но постоянно встречающейся группы ответов «не знаю».

4. Особенности отношения к инновациям россиян могут быть учтены при совершенствовании национальной инновационной системы, разработке режимов взаимодействия агентов НИС, выбора приоритетных направлений цифровых инноваций.

ВЫВОДЫ

Ценности — это инструмент мировосприятия, помогающий человеку сделать социально одобренный выбор своего существования и поведения, а также инструмент интеграции сообществ, общества и цивилизации. Ценности есть основания формирования видения желаемого будущего, целей развития общества и выбора средств достижения благоприятного будущего, в котором эти цели реализованы.

Ценности трансформируются, причем трансформация их может быть естественной и целенаправленной. В условиях цифровой трансформации мира и разработки инструментов гуманитарных интервенций эта трансформация принципиально ускоряется. Изменение ценностей меняет смыслы и облик будущего, представления о целесообразности действий, цели и механизмы их достижения. Это вызывает преобразование инновационной деятельности и самих инноваций.

Проведенные исследования не дают оснований считать, что существует значимая разница в ценностях россиян и граждан США, Республики Корея, Китайской Народной Республики, которая могла бы привести к формированию барьеров на пути инновационного развития России.

Полярные оценки результатов инновационных изменений разными группами граждан, недостаточные знания части населения о процессах инновационного развития следует учитывать при оптимизации направлений и режимов взаимодействия агентов НИС, формировании гуманитарных интервенций для поддержки инновационного развития и НИС.

Современное инновационное развитие из технологического стало социо-технологическим, в котором ценности становятся одним из важнейших регуляторов. Векторы национальных и глобальных трансформаций начинает определять соотношение динамики инноваций и ценностей общества и человечества в целом. При этом происходит изменение роли инноваций и ценностей, которые эволюционируют, взаимно влияя друг на друга.

Традиции обеспечивают преемственность и самовоспроизведение ценностей, ценности настоящего отражают уровень социально-экономического развития и качество жизни общества. Ценности как фундаментальные убеждения формируют видение будущего, отражая социально-технологические идеалы и представления о лучших продуктах, услугах, процессах и бизнес-моделях.

Достижение конкурентных преимуществ требует вовлечения потребителя в процессы инновационного *совместного создания ценностей*, причем значимость и масштабы деятельности экосистемы, интегрирующей поставщиков и потребителей на основе их интересов, стремительно растут. Новые механизмы формируют *инновации ценностей*. Системно-ориентированная оценка инновационной политики, результатов инновационной деятельности и ценностей становится необходимостью формирования успешных стратегий инновационного

развития стран и устранения ценностных противоречий между инноваторами и консерваторами.

Разработан ряд методик, применимых для оценки и сравнительного анализа эволюции национальных ценностных систем. Наиболее детализированной программой с широким охватом стран является программа проекта «Всемирного исследования ценностей» (WVS), позволяющая также оценить влияние изменений ценностей на создание инноваций в условиях перехода к социотехнологическому развитию от технологического. В статье использованы последние доступные результаты 7-й волны исследований.

Для сопоставления использованы результаты для США, КНР, Южной Кореи и России и выборка из 10 вопросов, раскрывающих влияние ценностей на инновационное развитие. По результатам исследований сделано заключение об отсутствии принципиальной разницы в ценностных представлениях об инновационном развитии у граждан России, США, КНР и Южной Кореи, а также об отсутствии ценностных барьеров для инновационного социо-технологического развития России. Особенности ценностных оценок россиян — наличие полярных мнений, а также постоянно встречающейся группы ответов «не знаю» — могут быть учтены при совершенствовании национальной инновационной системы.

Представляет интерес сопоставление результатов по WVS для выбранных стран с результатами по более простой методике Г. Хофстеде (табл. 2).

Шесть параметров представляют собой теоретические конструкции, используемые в практических приложениях. Проблемы и эволюция 6D-модели рассмотрены М. Минковым и соавторами [17]. Методика была выбрана для исследования культурно-ценностных оснований инновационного развития КНР и поиска путей взаимодействия России и КНР. Практическое применение результатов этого исследования — «рекомендации по взаимодополняемости и настраиваемости культурных параметров инновационности российской и китайской культур по критериям «мужественность» / «женственность» и «избегание неопределенности» в рамках диалога по организации инновационного взаимодействия стран» [18]. Остальные ценностные параметры инновационного развития являются подобными и требуют дополнения за счет дополнительного привлечения партнеров, например, из стран БРИКС.

Развитие представленной темы требует продолжения начатого исследования — в первую очередь вопросов влияния инноваций на ценности, значимости международного сотрудничества и вопросов безопасности исследований, разработки инструментов управления ценностями и инновациями.

Таблица 2 / Table 2

Показатели* выборки стран в 6-мерном пространстве национальных ценностей / Indicators of the sample of countries in the 6 dimensions space of national values

Показатель / Indicator	Россия / Russia	США / USA	Юж. Корея / Yu. Korea	Китай / China
Дистанцированность от власти: близкая/далекая (PDI)	93	40	60	80
Коллективизм/индивидуализм (IDV)	39	91	18	20
Мужественность/женственность (MAS)	36	62	39	66
Избегание неопределенности (UAV)	95	46	85	30
Долгосрочная/краткосрочная временная ориентация стратегического мышления (LTOWVS)	81	26	100	87
Допущение/сдержанность (IVR)	20	68	29	24

Источник / Source: Geert Hofstede 6 dimensions for website.xls**.

Примечание / Note: *на основе результатов оценки стандартизированных анкет Хофстеде присвоил каждой культуре измерительный показатель «культурный параметр», который Хофстеде определяет как «аспект культуры, позволяющий измерить себя в сравнении с другими культурами», соотносящийся с определенным параметром. При этом каждое значение параметра отдельной культуры фиксируется на шкале размерностью от 1 до 100 [18].

**URL: <https://geerthofstede.com/>

Данное исследование может развиваться за счет сопоставления с реальными параметрами развития инновационных систем указанных стран, а также может быть расширено за счет дополнения группы лидеров инновационного развития и группы стран-партнеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минасян Л.А. Глобализм и новые ценности: что есть понятие ценности и существуют ли новые ценности. В кн.: Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ); 2017:156–162. URL: <https://www.elibrary.ru/cchshe>
2. Hund A. et al. Digital innovation: Review and novel perspective. *The Journal of Strategic Information Systems*. 2021;30(4):101695 DOI: 10.1016/j.jsis.2021.101695
3. Меджидова Н.Г. Антропология инноваций. *Studia Humanitatis*. 2023;3(17). URL: <https://www.elibrary.ru/hzzmwl>
4. Соломин Д.Н. Культурно-ценностные основания инновационного развития КНР: философско-культурологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Чита: ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»; 2022. 26 с. URL: <https://www.elibrary.ru/srhbuw>
5. Терешкина Н.Е. Бизнес-модели инноваций в цифровой экономике. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;12(1):179–194. DOI: 10.18334/vin.ec.12.1.114100
6. Mosch Ph., Majocco Ph., Obermaier R. Contrasting value creation strategies of industrial-IoT-platforms – a multiple case study. *International Journal of Production Economics*. 2023;263:108937. DOI: 10.1016/j.ijpe.2023.108937
7. Тимофеева О.В. Формирование и трансляция духовных ценностей в современном обществе. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород: ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»; 2014. 28 с. URL: <https://www.elibrary.ru/zpjjwcb>
8. Котова С.А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Москва: РАНХИГС при Президенте РФ; 2014. 22 с. URL: <https://www.elibrary.ru/zpmuux>
9. Васильев Я.Ю. Аксиологический аспект парадокса Эдипа. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. 2021;2:141–147. URL: <https://www.elibrary.ru/uvnjoi>
10. Старикова Е.А. Формирование концепции устойчивого развития на корпоративном уровне: теории «создания общей ценности» и «устойчивой ценности». *Инвестиционный, финансовый и управленческий анализ*. 2018;2(6):163–167. URL: <https://www.elibrary.ru/uvxvfa>
11. Рыбакова Ю.В. Концепция совместного создания ценности при разработке инновационных продуктов. Дисс. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2020. 321 с. URL: <https://www.elibrary.ru/phroe9>
12. Пинский А.И. Трансформация инновационной деятельности предприятий на основе ценностно-ориентированного подхода. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Москва: ФГУП «Центр»; 2024. 27 с. URL: <https://www.elibrary.ru/oolwuy>
13. Borrás S., Laatsit M. Towards system oriented innovation policy evaluation? Evidence from EU 28 member states. *Research Policy*. 2019;48(1):312–321. DOI: 10.1016/j.respol.2018.08.020
14. Ворожихин В., Старовойтов В. Взгляд на октябрьские события 1993 года из нашего сегодня. *Самоуправление*. 2018;4(113):81–87. URL: <https://www.elibrary.ru/yxichb>
15. Авдеев Е.А. Социокультурные факторы трансформации системы ценностей российского общества в условиях глобализации. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»; 2018. 29 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnye-factory-transformatsii-sistemy-tsennostei-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviya?ysclid=mdyfo47f5963146965>
16. Ворожихин В.В. Мультисети: организационное решение увеличения числа исследователей и повышения конкурентоспособности российской науки. В сб.: Наука в инновационном процессе. Материалы международной научно-практической конференции. Москва; 2021:146–152. URL: <https://www.issras.ru/scicoop/docs/public01122021.pdf> DOI: 10.37437/9785912941719-21-ss2
17. Минков М. и др. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой. *Социологическое обозрение*. 2023;22(3):297–317. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-287-317

18. Безуглова Н.П. Модель четырех параметров культуры Гирта Хофстеда. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2008;5:29–32. URL: <https://www.elibrary.ru/kufsbz>

REFERENCES

1. Minasyan L.A. Globalism and new values: what is the concept of value and whether new values exist. In: *Alternative Models of globalization and problems of modern global dynamics*. Rostov-on-Don: Russian State Economic University (RINH); 2017:156–162. URL: <https://www.elibrary.ru/cchshe> (In Russ.).
2. Hund A. et al. Digital innovation: Review and novel perspective. *The Journal of Strategic Information Systems*. 2021;30(4):101695 DOI: 10.1016/j.jsis.2021.101695
3. Medzhidova N.G. The anthropology of innovation. *Studia Humanitatis*. 2023;3(17). URL: <https://www.elibrary.ru/hzzmwl> (In Russ.).
4. Solomin D.N. Cultural and value foundations of China’s innovative development: Philosophical and cultural analysis. The abstract. Diss. Cand. Sci. (Philosophy). Chita: Zabaykalsky State University; 2022. 26 p. URL: <https://www.elibrary.ru/srhbuw> (In Russ.).
5. Tereshkina N.E. Business models of innovation in the digital economy. *Issues of innovative economics*. 2022;12(1):179–194. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.12.1.114100
6. Mosch Ph., Majocco Ph., Obermaier R. Contrasting value creation strategies of industrial-IoT-platforms – a multiple case study. *International Journal of Production Economics*. 2023;263:108937. DOI: 10.1016/j.ijpe.2023.108937
7. Timofeeva O.V. Formation and transmission of spiritual values in modern society. The abstract. Diss. Cand. Sci. (Philosophy). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky; 2014. 28 p. URL: <https://www.elibrary.ru/zpjwcb> (In Russ.).
8. Kotova S.A. Philosophical analysis of the transformation of traditional values in a post-industrial society. The abstract. Diss. Cand. Sci. (Philosophy). Moscow: RANEPА under the President of the Russian Federation; 2014. 22 p. URL: <https://www.elibrary.ru/zpmuux> (In Russ.).
9. Vasiliev Ya.Y. The axiological aspect of the Oedipus paradox. *Bulletin of the VSU. Series: Philosophy*, 2021;2:141–147. URL: <https://www.elibrary.ru/uvnjoj> (In Russ.).
10. Starikova E.A. Formation of the concept of sustainable development at the corporate level: theories of “creating common value” and “sustainable value”. *Investment, financial and management analysis*. 2018;2(6):163–167. URL: <https://www.elibrary.ru/uvxvfa> (In Russ.).
11. Rybakova Yu.V. The concept of joint value creation in the development of innovative products. Diss. Sci. (Econ.). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2020. 321 p. URL: <https://www.elibrary.ru/phroey> (In Russ.).
12. Pinskiy A.I. Transformation of innovative activity of enterprises based on a value-oriented approach. The abstract. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Moscow: FSUE “Center”; 2024. 27 p. URL: <https://www.elibrary.ru/oolwuy> (In Russ.).
13. Borrás S., Laatsit M. Towards system oriented innovation policy evaluation? Evidence from EU 28 member states. *Research Policy*. 2019;48(1):312–321. DOI: 10.1016/j.respol.2018.08.020
14. Vorozhikhin V., Starovoitov V. A look at the October 1993 events from our today. *Self-management*. 2018;4(113):81–87. URL: <https://www.elibrary.ru/yxichb> (In Russ.).
15. Avdeev E.A. Socio-cultural factors of transformation of the value system of Russian society in the context of globalization. The abstract. Diss. Cand. Sci. (Philosophy). Stavropol: North Caucasus Federal University; 2018. 29 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnye-factory-transformatsii-sistemy-tsennostei-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviya?ysclid=mdyfo47f5963146965> (In Russ.).
16. Vorozhikhin V.V. Multi-networks: an organizational solution for increasing the number of researchers and increasing the competitiveness of Russian science. In: *Science in the Innovation process. Materials of the international scientific and practical conference*. Moscow; 2021:146–152. URL: <https://www.issras.ru/scicoop/docs/public01122021.pdf> (In Russ.). DOI: 10.37437/9785912941719-21-ss2
17. Minkov M. et al. The evolution of Hofstede’s model of cultural dimensions: Parallels between Objective and subjective Culture. *Sociological Review*. 2023;22(3):297–317. (In Russ.). DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-287-317
18. Bezuglova N.P. Geert Hofstede’s model of four parameters of culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2008;5:29–32. URL: <https://www.elibrary.ru/kufsbz>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Вальтерович Ворожихин — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник НИИ развития образования, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт проблем развития науки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Vladimir V. Vorozhikhin — Cand. Sci. (Econ.) Leading Researcher, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Institute for the Study of Science of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-3361-1425>

vorozhikhin@mail.ru

Елена Игоревна Ларионова — кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт проблем развития науки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; профессор кафедры бизнес-аналитики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena I. Larionova — Cand. Sci. (Econ.) Scientific Secretary, Institute for the Study of Science of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Prof. of the Department of Business Analytics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7335-4481>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

elarionova@fa.ru

Анна Анатольевна Юрьева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; доцент кафедры управления инновациями института технологий управления, РТУ МИРЭА, Москва, Российская Федерация

Anna A. Yuryeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Innovation Management, Institute of Management Technologies of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8264-5993>

AAUYureva@fa.ru; yuranna@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В.В. Ворожихин — разработка концепции, проведение исследования, разработка методологии, подготовка текста.

Е.И. Ларионова — разработка концепции, проведение исследования, разработка методологии, редактирование текста, утверждение окончательного варианта статьи.

А.А. Юрьева — проведение исследования, редактирование текста, утверждение окончательного варианта статьи.

Authors` contributions:

V.V. Vorozhikhin — concept development, research, Methodology development, text preparation.

E.I. Larionova — concept development, research implementation, methodology development, text editing, approval of the final version of the article.

A.A. Yuryeva — conducting research, editing text, approving the final version of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.03.2025; принята к публикации 01.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.03.2025; accepted for publication on 01.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35
УДК 327.3(045)

Постзападный порядок и евразийская многослойность: региональные организации как инструменты российской внешней политики

В.М. Гатто

Университет UNINT, Рим, Италия;
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию институциональной стратегии России на евразийском пространстве через призму четырех ключевых региональных организаций: Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Договора о коллективной безопасности и Содружества Независимых Государств. На фоне трансформации международного порядка, ослабления западных моделей глобального управления и перехода к многополярности Россия стремится закрепить свои интересы через институциональные механизмы, позволяющие формировать альтернативную архитектуру региональной координации. В работе предлагается комплексный политико-аналитический анализ логики, структуры и динамики указанных объединений как взаимосвязанных элементов внешнеполитической стратегии России. Показано, что Москва реализует многослойную модель, включающую формализованные механизмы (ОДКБ, ЕАЭС) и гибкие форматы (ШОС, СНГ), адаптированные под разные направления и уровни интеграции. Отдельное внимание уделено сравнительному анализу роли России, Китая и Индии, а также внутренним противоречиям в институциональной практике — от разницы в правовых режимах до символической политики регионального лидерства. Новизна исследования заключается в интерпретации региональных организаций не как изолированных институтов, а как функционально связанных компонентов целостной стратегии построения постзападного порядка. В статье рассматриваются механизмы валютной и трудовой интеграции, последствия санкционного давления, логика безопасности и принципы политического балансирования. Сделан вывод о том, что Россия конструирует не централизованный блок, а сеть режимов, объединенных общей нормативной платформой, в рамках которой утверждаются принципы суверенитета, невмешательства и стратегической автономии. Эти структуры выступают аренами проекции влияния, легитимации альтернативных норм и управления противоречиями в условиях глобальной турбулентности.

Ключевые слова: многополярность; региональная интеграция; институциональная стратегия России; конкуренция норм; постзападный порядок; евразийские форматы сотрудничества

Для цитирования: Гатто В.М. Постзападный порядок и евразийская многослойность: региональные организации как инструменты российской внешней политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):23-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35

ORIGINAL PAPER

The Post-Western Order and Eurasian Multilayering: Regional Organizations as Instruments of Russian Foreign Policy

V.M. Gatto

UNINT University, Rome, Italy;
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article explores Russia's institutional strategy in the Eurasian space through the lens of four key regional organizations: the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organization, the Collective Security Treaty Organization, and the Commonwealth of Independent States. Against the backdrop of global systemic transformation, the weakening of Western-centered governance models, and the shift toward multipolarity, Russia seeks to consolidate its interests via institutional

mechanisms that support an alternative architecture of regional coordination. The study offers a comprehensive political analysis of the structure, function, and internal dynamics of these organizations as interrelated instruments of Russian foreign policy. It demonstrates that Moscow has developed a multi-tiered model combining formal mechanisms (CSTO, EAEU) and flexible frameworks (SCO, CIS), tailored to different levels and directions of cooperation. Special attention is given to the comparative roles of Russia, China, and India, as well as to internal contradictions, ranging from legal asymmetries to symbolic practices of leadership. The article's originality lies in interpreting these regional organizations not as isolated entities but as interconnected components of a coherent strategy aimed at shaping a post-Western international order. It examines instruments of currency and labor integration, responses to sanctions, security coordination, and regional power balancing. The analysis concludes that Russia is constructing not a centralized bloc, but a regime-based network unified by a normative framework rooted in sovereignty, non-interference, and strategic autonomy. These structures function as platforms for projecting influence, legitimizing alternative governance norms, and managing contradictions in a fragmented and turbulent global context. The article provides insight into how institutional layering and cross-regional mechanisms underpin Russia's ambition to serve as a civilizational core in the evolving multipolar world.

Keywords: multipolarity; regional integration; Russia's institutional strategy; norm competition; post-Western order; Eurasian cooperation frameworks

For citation: Gatto V.M., *The post-Western order and Eurasian multilayering: Regional organizations as instruments of Russian foreign policy. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025;15(4):23-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35*

ВВЕДЕНИЕ

Формирование новой архитектуры мировой политики сопровождается кризисом универсалистского глобального порядка, базирующегося на доминировании западных институтов и либеральных нормативных установок. Одним из наиболее ярких проявлений этих изменений стала активизация региональных форматов координации, отражающих стремление отдельных государств и цивилизационных блоков к стратегической автономии. На этом фоне Россия занимает особое место: как держава с историческим опытом регионального лидерства и глобальными претензиями, она стремится конструировать собственную модель многоуровневого порядка в Евразии, основанную на принципах суверенитета, невмешательства и полицентричности.

Современная научная литература предоставляет многочисленные исследования отдельных организаций с участием России — таких как ЕАЭС, ОДКБ или ШОС. Однако остается явно недостаточной комплексная интерпретация того, каким образом Россия использует институциональные механизмы для стратегического оформления своего влияния, а также какова взаимосвязь между различными организациями, функционирующими в условиях фрагментированной легитимности, асимметрии интересов и различий в институциональной плотности. Кроме того, существующие подходы нередко анализируют данные структуры изолированно друг от друга, упуская из виду системный характер российской внешнеполитической логики в регионе.

Научная новизна данного исследования заключается в попытке комплексного анализа четырех ключевых региональных организаций как единой институциональной сети, направленной на реали-

зацию российской стратегии формирования многополярного и постзападного порядка в Евразии. Впервые предлагается аналитическая реконструкция этих организаций не как автономных акторов, а как взаимосвязанных элементов общей политико-институциональной конструкции. Данная статья стремится восполнить указанный пробел, представив целостную политико-аналитическую трактовку евразийской архитектуры, где Россия выступает в роли как организующего центра, так и посредника между различными формами регионального управления.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование направлено на теоретическое и эмпирическое осмысление многоуровневой институциональной стратегии России в постсоветском и шире — евразийском пространстве. Основная цель заключается в выявлении логики взаимодействия формальных и неформальных форматов координации, оценке степени их политической и функциональной интеграции, а также в интерпретации роли России как системного конструктора регионального порядка. Особое внимание уделяется тому, как посредством данных организаций осуществляется не только проекция российской власти, но и институционализация альтернативных норм глобального управления, нацеленных на снижение зависимости от западных моделей и утверждение принципов многополярности. Тем самым работа стремится не только описать существующие механизмы регионального лидерства, но и предложить объяснительную модель функционирования перекрывающихся режимов, сочетающих в себе элементы конкуренции, кооперации и символической политики.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование опирается на качественный междисциплинарный подход, сочетающий инструменты сравнительного институционального анализа, политико-стратегической интерпретации и элементов критической геополитики. Эмпирическую базу составляют официальные документы, аналитические доклады, стенограммы и публичные заявления, опубликованные в 2014–2024 гг. организациями ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и СНГ, а также статистические материалы Евразийской экономической комиссии, Совета коллективной безопасности и генеральных секретариатов соответствующих структур.

Важной частью источниковой базы стали научные публикации и экспертные отчеты, охватывающие как российские, так и зарубежные академические перспективы. Среди них — статьи, опубликованные в международных рецензируемых журналах (*Journal of Eurasian Studies*, *East Asia*, *Europe-Asia Studies*, *Journal of Risk and Financial Management* и др.), региональные аналитические издания, а также отчеты авторитетных исследовательских центров, таких как Carnegie Endowment и Российский совет по международным делам (RIAC). Используются как количественные исследования торговли, миграции и цифровой интеграции, так и качественные обзоры институциональной архитектуры и санкционного давления.

Методологически работа сосредоточена на изучении механизмов нормативной институционализации, внутренней асимметрии и режимной адаптации к внешнеполитическим вызовам — таким как санкционное давление, кризисы доверия и миграционные сдвиги. Анализ проводится с учетом степени формализации каждого из объединений, их политико-юридической природы, устойчивости к внешнему давлению и способности к балансировке интересов внутри организаций. Такой подход позволяет выявить не только структурные характеристики, но и функциональную динамику взаимодействий между ключевыми региональными форматами, в которых Россия играет центральную и системообразующую роль.

1. Шанхайская организация сотрудничества

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой ключевую институциональную платформу в формирующейся архитектуре евразийского регионализма и многополярности. Официально учрежденная в 2001 г., ШОС берет свое начало от формата «Шанхайская пятёрка», созданного в 1996 г. и изначально нацеленного на урегулирование пограничных споров и укрепление доверия в сфере безопасности между Китаем, Россией и тремя госу-

дарствами Центральной Азии — Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном¹. Присоединение Узбекистана стало поворотным моментом, после которого формат трансформировался в полноценную международную организацию, мандат которой со временем вышел далеко за пределы военной повестки, охватывая также экономическое, политическое, культурное и технологическое сотрудничество.

Последующее вступление Индии и Пакистана в 2017 г., а также Ирана в 2023 г. существенно изменило геополитический вес организации, превратив ее в одну из крупнейших региональных структур по численности населения и территориальному охвату. В своей сути ШОС функционирует как многоуровневая платформа для региональной координации, особенно в таких областях, как борьба с терроризмом, обеспечение региональной стабильности и формирование альтернативных — преимущественно антизападных — нормативных моделей взаимодействия. Важнейшим инструментом реализации задач ШОС в области безопасности выступает Региональная антитеррористическая структура (РАТС), расположенная в Ташкенте. Данная структура обеспечивает обмен разведывательной информацией, проведение совместных операций и правовую гармонизацию усилий государств-членов в борьбе с так называемыми «тремя злами» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [1].

Несмотря на отсутствие у ШОС институциональной глубины, присущей Европейскому союзу, или степени военной интеграции, характерной для НАТО, организация последовательно развивает механизмы взаимодействия в сфере безопасности, включая регулярные масштабные военные учения (например, серия «Миссия мира»), координацию действий в кризисных ситуациях и сотрудничество в киберпространстве. В экономическом измерении, несмотря на ограниченный уровень интеграции, инициатива «Один пояс — один путь» Китая и концепция «Большого евразийского партнерства» России все более пересекаются в пространстве ШОС, создавая взаимодополняющие рамки для инфраструктурной связанности и обмена ресурсами. С идеологической точки зрения ШОС продвигает принципы многополярного и постлиберального мирового порядка, основанного на уважении государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и легитимности действующих режимов — в противопоставление западным моделям управления и интервенции.

К числу наиболее значимых достижений организации относятся институционализация антитер-

¹ https://mid.ru/en/foreign_policy/rso/1894660/

рористического сотрудничества в регионе, интеграция ведущих южноазиатских держав и укрепление статуса ШОС как форума стратегического диалога между Россией, Китаем и другими государствами Евразии. Таким образом, ШОС выступает не просто как функциональный союз в сфере безопасности, но и как нормообразующая структура, обеспечивающая реализацию стратегических устремлений ведущих участников — в частности, в стремлении к формированию альтернативной модели глобального управления, противостоящей западной гегемонии.

1.1. Роль России в ШОС

Роль России в Шанхайской организации сотрудничества носит как учредительный, так и стратегический характер, отражая ее стремление утвердиться в качестве одного из ключевых центров силы в условиях многополярного мирового порядка. Будучи одним из главных архитекторов организации наряду с Китаем, Россия последовательно рассматривает ШОС как важнейший инструмент формирования архитектуры безопасности и политического устройства Большой Евразии — геополитического пространства, где Москва стремится сохранить и укрепить свое влияние, особенно в Центральной Азии, которая исторически находилась в орбите ее внешнеполитических интересов.

В рамках ШОС Россия играет ведущую роль в определении повестки в сфере безопасности, опираясь на свои военные возможности и дипломатический потенциал для продвижения коллективных подходов к противодействию терроризму, экстремизму и дестабилизации. Посредством таких инициатив, как многонациональные военные учения серии «Миссия мира», а также через активное участие в деятельности Региональной антитеррористической структуры (РАТС) Россия стремится укрепить свой имидж гаранта регионального порядка и надежного партнера в обеспечении устойчивости Евразии [2].

1.2. Российско-китайские отношения в рамках ШОС

Несмотря на официальное стратегическое партнерство между Россией и Китаем в рамках ШОС, их взаимодействие скрывает под собой элементы геополитического соперничества, особенно в вопросе влияния в Центральной Азии — ключевом регионе для обоих государств. Для России ШОС выступает в качестве механизма сохранения традиционного доминирования на постсоветском пространстве, а также как средство закрепления за собой роли главного поставщика безопасности. Москва зани-

мает лидирующие позиции в военном измерении деятельности ШОС, координирует проведение совместных антитеррористических учений, оказывает влияние на деятельность РАТС и продвигает нормативную повестку, основанную на принципах государственного суверенитета и стабильности режимов [3].

Одновременно Россия использует политическую платформу ШОС для продвижения своей концепции Большого евразийского партнерства, позиционируя себя в качестве равноправного партнера Китая и одного из неотъемлемых центров силы в многополярной системе международных отношений. Примечательно, что включение Индии — страны с исторически напряженными отношениями с Китаем — в состав ШОС активно поддерживалось Москвой, что свидетельствует о стремлении сбалансировать китайское влияние в рамках номинально кооперативной структуры.

В то же время Китай все более активно использует экономические инструменты в рамках ШОС, интегрируя инициативу «Один пояс — один путь» в повестку организации и предлагая кредиты, инфраструктурные проекты и торговые стимулы, значительно превосходящие экономические возможности России. Несмотря на формальное признание Пекином ведущей роли Москвы в вопросах безопасности, именно Китай стал предпочтительным экономическим партнером для ряда государств Центральной Азии, что постепенно подрывает позиции России и формирует асимметричную взаимозависимость внутри организации [4].

Таким образом, складывается своеобразное функциональное разделение труда: Россия выступает в качестве гегемона в сфере безопасности, Китай — как лидер в экономике. Однако эта схема порождает стратегическую напряженность: Москва опасается маргинализации, тогда как Пекин проявляет осторожность по отношению к российской напористости и ее попыткам вписать ШОС в контекст более широких евразийских интеграционных амбиций. Их соперничество проявляется не в форме открытого конфликта, а через институциональные маневры, расширение членства и конкурирующие региональные концепции, что превращает ШОС одновременно в арену евразийского сотрудничества и скрытого стратегического соперничества.

1.3. Актуальные события и трансформация ШОС после 2022 года

После начала украинского кризиса в 2022 г. Шанхайская организация сотрудничества столкнулась

с серьезным испытанием своей сплоченности, актуальности и стратегической направленности. Несмотря на то, что организация воздержалась от официальной оценки так называемой «специальной военной операции» России, деятельность ШОС с того времени — включая проведение саммитов и дипломатические контакты — все чаще отражает нарастающие разногласия между ее участниками, обусловленные различием их внешнеполитических ориентиров и национальных интересов.

Особенно показательной в этом отношении стала встреча на высшем уровне в Самарканде в 2022 г., проходившая в условиях резкой глобальной поляризации. В ходе саммита ряд лидеров, включая премьер-министра Индии Нарендра Моди, продемонстрировали сдержанную дистанцию по отношению к действиям Москвы, выражая озабоченность международными последствиями конфликта. Одновременно Россия стремилась использовать ШОС как платформу для демонстрации устойчивости и дипломатической легитимности, позиционируя организацию в качестве противовеса западным коалициям, вводящим санкции и осуществляющим попытки международной изоляции Москвы.

Параллельно с этим возрос интерес к евразийскому пространству как к стратегическому коридору — отчасти из-за нарушений глобальных логистических цепочек, — что придало ШОС дополнительную значимость в качестве площадки для энергетического диалога, развития транспортной связанности и экономического взаимодействия вне рамок западно-центричной системы. Принятие Ирана в качестве полноправного члена в 2023 г., а также активизация сотрудничества с государствами-наблюдателями (в частности, Белоруссией) и странами-партнерами по диалогу, такими как Саудовская Аравия и Египет, свидетельствуют о растущем интересе к ШОС как к неформальной, многополярной платформе в условиях фрагментированной международной системы [2].

Тем не менее вооруженный конфликт также обострил противоречия внутри организации — в особенности между прагматичным и осторожным подходом Китая, стратегической автономией Индии и более конфронтационной позицией России. Несмотря на данные напряженности, ШОС продолжила функционировать, проводя совместные антитеррористические учения и расширяя тематическую повестку. Новыми направлениями стали вопросы кибербезопасности, продовольственной безопасности и климатического сотрудничества, что свидетельствует о способности института адаптироваться к изменяющимся глобальным условиям.

Показательным в этом контексте стал Форум ШОС в Астане в 2024 г., организованный при участии Казахстана как активного посредника между различными политическими центрами организации. Форум обозначил переход ШОС к более открытой, общественно-политической модели взаимодействия, где все большую роль начинают играть не только государства-члены, но и партнерские институты, академическое сообщество и деловые круги. Тематика форума включала не только вопросы традиционной безопасности, но и устойчивого развития, цифровой трансформации и новых технологий, что подчеркивает стремление ШОС оставаться релевантной структурой в эпоху быстро меняющихся глобальных вызовов [5].

Хотя ШОС не предпринимала прямого вмешательства ни в один вооруженный конфликт, ее трансформация после 2022 г. демонстрирует, что региональные организации могут выступать аренами управления геополитическими расхождениями, а не только механизмами выработки единого консенсуса.

2. Евразийский экономический союз

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой региональный интеграционный блок, учрежденный в 2015 г. с целью создания общего рынка и унифицированного регуляторного пространства между рядом постсоветских государств. Его странами-учредителями стали Россия, Беларусь, Казахстан и Армения, к которым впоследствии присоединилась Киргизия. Таким образом, союз охватывает значительную часть евразийского пространства. ЕАЭС является институциональным преемником более ранних форм интеграции — в частности, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, учрежденного в 2010 г. Юридическая и административная база ЕАЭС закреплена в Договоре о Евразийском экономическом союзе, подписанном в Астане в 2014 г. Документ предусматривает свободу перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение согласованной политики в таких сферах, как таможенное регулирование, конкуренция, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и энергетика.

Управление союзом осуществляется через наднациональные органы, прежде всего Евразийскую экономическую комиссию, расположенную в Москве, которая обеспечивает исполнение общих правил и мониторинг их соблюдения государствами-членами. ЕАЭС стал наиболее амбициозной попыткой России

институционализировать свое лидерство на постсоветском пространстве с опорой на экономические механизмы. Несмотря на то что союз пока не представляет собой валютного объединения и характеризуется значительными асимметриями между участниками, он добился ощутимого прогресса в вопросах тарифной гармонизации, взаимного признания технических стандартов и мобильности рабочей силы — особенно важной для стран-экспортеров трудовых мигрантов, таких как Киргизия и Армения [6].

Союз заключил соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Ираном и Сербией, а также продолжает переговоры с Индией, Египтом и рядом других стран, что свидетельствует о его растущих геоэкономических амбициях [7–9]. Вместе с тем, деятельность ЕАЭС сопряжена с рядом вызовов: доминирующая роль России вызывает обеспокоенность у меньших партнеров в отношении их суверенитета, а внешние санкции, экономические потрясения и политическая нестабильность, усугубленные конфликтом на Украине, выявили структурные уязвимости союза. Несмотря на это, ЕАЭС остается ключевым инструментом реализации российской стратегии построения многополярного экономического порядка и альтернативы западноцентричным институтам, рассматривая интеграцию как путь к евразийскому суверенитету и региональной устойчивости.

2.1. Интеграция и макроэкономическая динамика ЕАЭС

На фоне усиливающейся турбулентности мировой экономики Евразийский экономический союз демонстрирует признаки институциональной зрелости и устойчивости своей интеграционной модели. Экономическая стабильность государств-членов в 2023–2024 гг., выражавшаяся в позитивной динамике ВВП², промышленного производства и внутренней торговли, служит не столько свидетельством количественного роста, сколько индикатором способности Союза адаптироваться к внешним вызовам и сохранять координацию в условиях санкционного давления и кризиса глобальных логистических цепочек [10].

Особую роль в этом процессе сыграло развитие реального сектора и повышение сопряженности национальных экономик: восстановление инвестиционной активности, технологическое обновление в промышленности, а также расширение доступа к региональным рынкам и миграционным денежным потокам в наименее развитых странах-членах.

Внутренний товарооборот и особенно обмен услугами демонстрируют растущую взаимозависимость и взаимодополняемость экономических структур, что укрепляет внутреннюю связность Союза [11].

Существенное значение в этом контексте приобретает институциональное оформление интеграции: продвижение к реализации «четырех свобод» — движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, унификация технических регламентов, а также запуск в 2024 г. единой системы таможенного транзита. Эти шаги не только снижают барьеры и транзакционные издержки, но и формируют нормативное пространство, способное противостоять фрагментации мировой экономики и усиливать автономию региона.

Таким образом, макроэкономическая устойчивость ЕАЭС неразрывно связана с его политической миссией: стать опорой для формирования евразийского геоэкономического пространства, альтернативного западноцентричным структурам. Экономическая интеграция в данном случае выступает не как цель сама по себе, а как инструмент стратегического позиционирования в многополярном мировом порядке [6].

2.2. ЕАЭС и Китай: логистика, партнерство и пределы интеграции

Отношения между Евразийским экономическим союзом и китайской инициативой «Один пояс — один путь» трансформировались в стратегически значимое, хотя и асимметричное партнерство, основанное на развитии логистической связности и инфраструктурной интеграции на евразийском пространстве. Российско-китайское сотрудничество в данной сфере было институционализировано в рамках Меморандума о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, подписанного в 2015 г.³ Этот документ выступает в качестве рамочного соглашения, позволяющего координировать усилия без объединения институциональных структур.

Для России данное сопряжение представляет возможность построить собственную концепцию евразийского регионализма в более широкий трансконтинентальный проект, стремясь тем самым уравновесить китайское экономическое влияние путем формирования многосторонних транспортных коридоров, проходящих по территории ЕАЭС. Стратегия Москвы заключается в использовании ее географического положения, развитой транспортной инфраструктуры и таможенного режима для позиционирования России в качестве логистического узла между Китаем

² https://eec.eaeunion.org/en/news/priost-sovokupnogo-vvp-eaes-po-itogam-2023-goda-dostig-3-7/?utm_source

³ URL: https://www.silkroadfund.com.cn/enweb/2015-11/02/article_30395.html

и рынками Европы и Ближнего Востока. Среди ключевых проектов можно выделить китайско-казахстанско-российский транспортный маршрут, коридор «Западная Европа — Западный Китай», а также планы по интеграции цифровых платформ отслеживания грузов и унификации таможенных процедур [12].

Тем не менее это партнерство не лишено напряженности. Китай, как правило, обеспечивает большую часть капитала и технологий, в то время как Россия вносит вклад преимущественно в виде нормативного и геополитического сопровождения, что создает структурный дисбаланс в пользу Пекина, наделяя его преимуществом в формировании повестки — аналогичная тенденция ранее проявлялась и в рамках взаимодействия в ШОС. Кроме того, различия в институциональной логике — гибкий, преимущественно двусторонний характер инициативы ОПОП с одной стороны и наднациональный, нормативно ориентированный характер ЕАЭС с другой — ограничивают глубину возможной интеграции. Наиболее реалистичные и перспективные результаты взаимодействия находятся в области прагматичных, проектно-ориентированных форматов сотрудничества, а не в построении единой евразийской инфраструктурной системы [13].

В конечном итоге взаимодействие между ЕАЭС и Китаем представляет собой сочетание прагматической взаимозависимости и стратегического уравнивания: Россия стремится интегрировать китайские инициативы в собственную региональную архитектуру, одновременно продвигая полицентричную модель евразийского развития, способную сдерживать доминирование Пекина.

2.3. ЕАЭС и западные санкции: последствия и адаптационные механизмы

Введение масштабных санкций со стороны Запада против России оказало значительное влияние не только на внутреннюю экономику самой России, но и на функционирование Евразийского экономического союза в целом, выявив уязвимость объединения, структурно зависящего от российской экономики. Как доминирующий участник, Россия обеспечивает свыше 80% совокупного ВВП ЕАЭС, что делает Союз крайне чувствительным к внешним шокам, затрагивающим российский сегмент⁴.

Санкционные ограничения дестабилизировали финансовые потоки, логистические цепочки и доступ к зарубежным технологиям, вызвав каскадные послед-

ствия для более мелких государств-членов, таких как Армения, Киргизия и Казахстан, экономика которых во многом опирается на торговлю, денежные переводы и транспортную связанность с Россией. В ответ на эти вызовы отдельные члены ЕАЭС предприняли шаги по диверсификации внешнеэкономических связей и снижению риска вторичных санкций. В то же время в таких странах, как Армения и Казахстан, наблюдается резкий рост реэкспорта санкционной продукции в Россию, что превращает их в логистические хабы по обходу санкционных режимов⁵. Эти процессы привлекли внимание западных правительств и подчеркнули хрупкость положения небольших членов ЕАЭС, балансирующих между экономической зависимостью от России и необходимостью сохранять нейтралитет [14, 15].

Параллельно с этим кризис стимулировал обсуждение внутри ЕАЭС вопросов экономической самодостаточности, дедолларизации расчетов и политики импортозамещения, что в значительной степени согласуется с российской стратегией по созданию финансово-экономического пространства, устойчивого к влиянию западных структур. Однако различие в институциональных и экономических возможностях государств-членов затрудняет реализацию этих инициатив в равной степени, препятствуя углублению интеграции.

Таким образом, геополитическое противостояние с Западом существенно осложняет внутреннюю консолидацию ЕАЭС и ставит под вопрос его долгосрочную устойчивость как интеграционного проекта.

2.4. Валютная и финансовая интеграция: между дедолларизацией и цифровыми инновациями

После 2022 г. валютная и финансовая интеграция стала одним из ключевых направлений российской стратегии по укреплению ЕАЭС как экономического блока, устойчивого к внешнему финансовому давлению со стороны Запада. В условиях ужесточения санкционного режима и отключения российских банков от системы SWIFT Москва активизировала усилия по продвижению политики дедолларизации в рамках Союза, настаивая на расширении расчетов в национальных валютах — прежде всего в рублях, а также в тенге, драмах и сомах⁶. Хотя доля внутренней торговли ЕАЭС, осуществляемой в национальных валютах, продемонстрировала умеренный рост,

⁵ URL: <https://www.intellinews.com/comment-how-armenia-helps-russia-bypass-western-sanctions-343999/>

⁶ URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2024/02/03/3033217/de-dollarization-process-led-by-russia-almost-complete-report>

⁴ URL: <https://www.gmfus.org/publications/eurasian-economic-union-expectations-challenges-and-achievements>

данный переход сталкивается с рядом структурных ограничений: высокая волатильность валют, асимметричность торговых потоков и отсутствие единого и глубоко развитого финансового рынка существенно снижают реалистичность полной дедолларизации. На этом фоне Россия и ее партнеры по ЕАЭС все активнее исследуют возможности использования цифровых финансовых инструментов как альтернативы системам, контролируемым Западом.

Цифровой рубль, находящийся в стадии пилотного тестирования⁷, продвигается Москвой как средство повышения устойчивости к санкциям, ускорения трансграничных расчетов и укрепления монетарного суверенитета. Аналогичные инициативы реализуются и в других странах Союза — в частности, в Казахстане и Беларуси, где ведется работа над созданием собственных цифровых валют центральных банков (CBDC). Теоретически это открывает перспективу формирования в будущем совместимой цифровой платежной инфраструктуры в пределах ЕАЭС [16].

Тем не менее для реализации подобных амбиций необходим высокий уровень взаимного доверия, координации в области кибербезопасности и институциональной гармонизации, которые пока остаются на низком уровне. Несмотря на наличие мощного геополитического мотива к достижению финансовой автономии, технические и политические предпосылки для полноценного интегрированного финансового пространства в рамках ЕАЭС пока еще не сформированы и требуют значительного укрепления.

2.5. Трудовая миграция: экономический двигатель и геополитический рычаг

Трудовая миграция является одной из наиболее динамичных и значимых сфер интеграции в рамках ЕАЭС, особенно с учетом правового обязательства о свободе передвижения рабочей силы. Россия, как крупнейшая экономика региона и основная страна назначения, ежегодно принимает миллионы трудовых мигрантов из Центральной Азии — прежде всего из Киргизии, Таджикистана (не является членом ЕАЭС, но тесно вовлечен в экономическое сотрудничество) и Казахстана.

Эти мигранты играют критически важную роль в российской экономике, особенно в трудоемких отраслях — таких как строительство, сельское хозяйство, розничная торговля и сфера услуг, где ощущается острый дефицит рабочей силы из-за стареющего населения и сокращающегося трудоспособного контингента. Экономически миграция обеспечивает

предложение дешевой рабочей силы, стимулирует потребление и способствует региональной экономической активности. Политически Россия использует доступ к своему рынку труда как инструмент влияния на страны-отправители, опираясь на зависимость последних от денежных переводов.

При этом миграционная политика также используется Москвой как элемент мягкой силы: в зависимости от состояния двусторонних отношений вводятся режимы преференций или, напротив, ограничения. Однако данная динамика порождает и значительные вызовы. В странах — экспортерах рабочей силы, таких как Киргизия и Армения, высокая зависимость от денежных переводов (до 30% ВВП в случае Киргизии⁸) делает экономику уязвимой к внутренним шокам или изменениям в миграционной политике России. Кроме того, мигранты часто сталкиваются с дискриминацией, юридической незащищенностью и эксплуатацией, что вызывает негативную реакцию как внутри самих стран-отправителей, так и на уровне межгосударственных отношений [17].

Политически данные государства вынуждены балансировать между необходимостью сохранения доступа к российскому рынку труда и стремлением минимизировать социальные издержки, включая отток молодежи и утечку квалифицированных кадров. Ситуация дополнительно усложнилась после начала военных действий на Украине и частичной мобилизации в России: в ряде стран Центральной Азии наблюдался приток российских граждан, стремящихся избежать участия в боевых действиях, что повлияло на местные рынки труда и демографическую структуру.

Таким образом, трудовая мобильность в рамках ЕАЭС иллюстрирует глубокие асимметрии и зависимости, лежащие в основе евразийской интеграции, а также уязвимость миграции как инструмента геоэкономической и политической стратегии.

3. Организация Договора о коллективной безопасности

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляет собой межправительственный военно-политический союз под эгидой России, созданный на постсоветском пространстве с целью обеспечения коллективной обороны и региональной стабильности среди государств-участников. Ее

⁷ URL: <https://cbr.ru/eng/press/event/?id=20961>

⁸ URL: <https://en.archive.kabar.kg/news/remittance-of-migrants-make-30-of-gdp-of-kyrgyzstan/#:~:text=Remittance%20of%20migrants%20make%2030%20%25%20of%20GDP%20of%20Kyrgyzstan%2C%20according,amounted%20to%202.3%20billion%20soms>

истоки восходят к подписанию Ташкентского договора в 1992 г., который объединил шесть стран — Россию, Армению, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан — и был направлен на поддержание координации в сфере безопасности после распада общей советской военной структуры⁹.

В 2002 г. договор был институционализирован в формате полноценной международной организации — ОДКБ — с постоянным секретариатом, Коллективными силами оперативного реагирования, а также механизмами проведения совместных военных учений, военно-технического сотрудничества и координации в случае внешней агрессии, террористической угрозы или внутренних беспорядков. В настоящее время членами ОДКБ являются Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан; Узбекистан, в свою очередь, неоднократно покидал организацию, окончательно выйдя в 2012 г.

Главной задачей ОДКБ выступает обеспечение коллективной обороны, что зафиксировано в статье 4 Устава, по своей сути аналогичной статье 5 Североатлантического альянса (НАТО), но уступающей ей как по масштабу, так и по эффективности. В соответствии с данной статьей:

«В случае совершения агрессии (вооруженного нападения, угрожающего безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) против одного из государств-членов, это рассматривается как агрессия против всех государств-участников Договора».

В ответ на подобную агрессию другие государства-члены обязаны оказать необходимую поддержку, включая военную помощь, с целью восстановления и обеспечения безопасности подвергнувшегося нападению участника. Однако, в отличие от НАТО, реагирование ОДКБ на подобные вызовы на практике оказывается ограниченным и политически избирательным — что видно на примерах выборочных вмешательств, таких как миссия в Казахстане в 2022 г., и отсутствия помощи Армении в ее конфликтах.

За годы своего существования ОДКБ провела множество совместных военных учений и антитеррористических операций, а также позиционирует себя как структура, готовая к вмешательству по запросу национальных правительств. Самая заметная операция организации состоялась в январе 2022 г., когда была направлена миротворческая миссия в Казахстан для стабилизации ситуации в условиях массовых протестов — первый случай фактической

реализации коллективного механизма безопасности в истории ОДКБ [18].

Тем не менее деятельность ОДКБ сопровождается неоднозначной репутацией: организация подвергалась критике за бездействие во время армяно-азербайджанского конфликта, особенно в ходе Второй Карабахской войны в 2020 г. и в последующий период. Эти события вызвали серьезные сомнения в сплоченности и действенности механизма коллективной обороны. Хотя Россия остается доминирующим участником, функционирование ОДКБ все в большей степени отражает наличие геополитических разломов и расхождение интересов между ее государствами-членами. Таким образом, ОДКБ следует рассматривать как одновременно инструмент российской региональной политики в сфере безопасности и уязвимую платформу многостороннего военного взаимодействия в условиях фрагментированной постсоветской геополитической реальности.

3.1. Хронология военных действий и операций ОДКБ

Анализ хронологии военных действий и операций ОДКБ позволяет выявить ключевые закономерности в поведении организации, понять, в каких случаях она действительно готова к использованию коллективных военных ресурсов, а в каких — предпочитает воздерживаться от вмешательства. Эти события иллюстрируют институциональные ограничения, политические соображения и правовые амбигуитеты, влияющие на принятие решений. Включение как случаев активного вмешательства, так и случаев отказа демонстрирует неоднозначность роли ОДКБ как механизма коллективной безопасности и служит эмпирической базой для более широких выводов о ее эффективности и восприятии в странах-членах.

2003–2020 гг. — Совместные военные учения. ОДКБ регулярно проводила масштабные маневры под названиями «Рубеж», «Нерушимое братство» и «Боевое братство», направленные на отработку антитеррористических сценариев, охрану границ и повышение уровня оперативной совместимости. В большинстве случаев эти мероприятия носили символический и демонстрационный характер.

2010 г. — Беспорядки в Киргизии (отказ от вмешательства). Во время этнического насилия и политического кризиса в южной Киргизии временное правительство страны запросило военную помощь со стороны ОДКБ. Однако организация отказалась вмешиваться, назвав ситуацию внутренним делом государства, что нанесло ущерб ее авторитету.

⁹ URL: <https://en.odkb-csto.org/30-let-odkb/istoriya/>

2020 г. — Армяно-азербайджанский конфликт (отказ от вмешательства). Несмотря на членство Армении в ОДКБ, во время Второй карабахской войны она не получила военной поддержки. Организация объяснила свою позицию тем, что боевые действия происходили не на международно признанной территории Армении, тем самым обнажив правовую неоднозначность положений о коллективной защите.

Январь 2022 г. — Протесты в Казахстане (первая вооруженная миссия). В ответ на волну насилия и беспорядков ОДКБ направила в Казахстан около 2 500 военнослужащих по запросу президента Токаева. Это стало первой оперативной миссией, проведенной в соответствии со статьей 4. Интервенция длилась чуть более недели, стабилизировала обстановку и была воспринята Москвой как успешный прецедент.

Сентябрь 2022 г. — Пограничные столкновения Армении и Азербайджана (отказ от вмешательства). После новых вооруженных столкновений на армяно-азербайджанской границе Ереван вновь запросил помощь от ОДКБ. Организация направила миссию по оценке ситуации, но воздержалась от военного вмешательства, что окончательно подорвало доверие Армении к альянсу.

3.2. Внутренние расхождения: Россия и Индия

Продолжая анализ Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и ее геополитической динамики, необходимо рассмотреть, каким образом российское видение коллективной безопасности в Евразии пересекается — и в некоторых аспектах расходится — с подходами других ведущих региональных держав, прежде всего Индии. Россия воспринимает ОДКБ, наряду с такими структурами, как ШОС, в качестве краеугольного элемента континентальной архитектуры безопасности, призванной оградить евразийское пространство от деструктивного внешнего вмешательства морских держав — прежде всего Соединенных Штатов и их союзников. Это видение носит институциональный, «сверху вниз» характер и отражает стремление Москвы закрепить свое лидерство посредством формальных альянсов и правовых механизмов, усиливающих многополярность и сдерживающих западное влияние.

Индия, напротив, несмотря на общую критичность в отношении западной гегемонии, демонстрирует более прагматичный и децентрализованный подход к вопросам региональной безопасности. В отличие от России, Индия предпочитает гиб-

кие и незакрепленные договорными обязательствами партнерства, а ее участие в таких форумах, как Четырехсторонний диалог по безопасности (Quad), обусловлено не столько идеологическими установками, сколько прагматическим балансированием интересов. Эта разница указывает на более глубокий стратегический разрыв: Россия стремится к пересмотру существующего порядка через формализованные механизмы, тогда как Индия, находящаяся на подъеме, ориентируется на постепенные адаптационные изменения в рамках действующей системы¹⁰.

Тем не менее такие расхождения не ведут к прямому конфликту. Напротив, они стали основой стратегической взаимной аккомодации, при которой обе стороны признают легитимность подходов друг друга, сохраняя при этом взаимодействие в рамках многополярных институтов, таких как ШОС. Для России такое сосуществование структурированных и гибких моделей представляет собой необходимый компромисс в стремлении к лидерству на глубоко неоднородном евразийском пространстве.

4. Содружество Независимых Государств

Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное в декабре 1991 г. на основе Беловежских соглашений, первоначально рассматривалось как инструмент управления распадом СССР и минимизации политических и экономических рисков на переходном этапе. Оно объединяло 12 бывших союзных республик, включая Россию, Украину, Белоруссию и республики Центральной Азии, в попытке сохранить базовую инфраструктуру сотрудничества в области безопасности, торговли и культурных связей без возрождения единой государственности. На раннем этапе СНГ выполняло функции переходного механизма: поддержание общего пространства безвизового передвижения, координация внешней миграционной политики, а также создание правовой базы для двустороннего и многостороннего сотрудничества. Тем не менее отсутствие наднациональных институтов, обязательных процедур и общей стратегической повестки привело к постепенному снижению его роли как реального интеграционного проекта. Политическая значимость СНГ стала особенно уязвимой в условиях конфликтов между государствами-участниками. Выход Гру-

¹⁰ Kortunov A. Collective Security in Eurasia: Views from Moscow and from New Delhi. Russian International Affairs Council (RIAC). URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/collective-security-in-eur-asia-views-from-moscow-and-from-new-delhi>

зии в 2008 г., а затем де-факто разрыв отношений Украины с организацией после 2014 г. показали неспособность СНГ выступать в качестве механизма предотвращения и урегулирования конфликтов. Украина, хотя и не ратифицировала устав СНГ, использовала его институты до 2018 г. [19].

В XXI в. СНГ все больше утрачивает свои координационные функции, уступая место более специализированным и политически управляемым структурам, таким как ОДКБ и ЕАЭС, где доминирующая роль России реализуется институционально. В этом контексте СНГ превращается скорее в инструмент «инерционного» взаимодействия, предоставляя минимальную платформу для сохранения дипломатических каналов и подписания технических соглашений. Несмотря на это, определенные форматы сотрудничества — в частности, в гуманитарной сфере, в области стандартизации и признания образовательных документов — продолжают функционировать, что придает СНГ административно-поддерживающий и символический характер, особенно для стран, заинтересованных в сохранении лояльных связей с Москвой без жесткой политической привязки. Таким образом, СНГ сегодня — это не столько организация интеграционного типа, сколько реликт постсоветской архитектуры, позволяющий участникам сохранять формальные связи без обязательств, а России — демонстрировать номинальное единство пространства, которое фактически давно перестало быть однородным.

5. Стратегическая логика российской региональной архитектуры

Участие России в СНГ, ОДКБ, ШОС и ЕАЭС отражает цельную стратегическую установку — формирование сети взаимоперекрывающихся региональных институтов, служащих противовесом западным моделям глобального управления и закладывающих основы многополярного мирового порядка. В рамках каждой из этих структур Россия выступает либо в качестве основного архитектора (как в случае с ОДКБ и ЕАЭС), либо как равноправный крупный актор (в ШОС), опираясь на свои политические, военные и экономические ресурсы для консолидации влияния на постсоветском и более широком евразийском пространстве.

Эти организации выполняют функцию региональных «центров силы», не только закрепляя российское лидерство, но и воплощая альтернативные нормы глобального управления — на основе суверенитета, невмешательства и полицентричности — в противовес западным либеральным моделям.

ОДКБ представляет собой военно-политический щит, ЕАЭС — формализованную экономическую взаимозависимость, СНГ — административный контур постимперской преемственности, а ШОС — канал дипломатического взаимодействия с Китаем, Индией и другими азиатскими державами.

В совокупности эти структуры не сводятся лишь к инструментам доминирования, но являются частью долгосрочной стратегии России по оформлению фрагментированной, плюралистической международной системы, в которой ни один центр силы — и особенно США — не обладает монополией на глобальное лидерство. Институционализируя свое влияние по различным направлениям, Россия стремится позиционировать себя не только как возвращающую лидирующие позиции державу, но и как цивилизационное ядро, способное стать основой альтернативных региональных порядков.

ВЫВОДЫ

Проанализированные в статье структуры — ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и СНГ — представляют собой неразрывно связанные, но функционально дифференцированные компоненты российской стратегии в Евразии. Каждая из них отвечает на разные вызовы: ЕАЭС обеспечивает экономическое взаимодействие и институционализирует торговую взаимозависимость; ШОС формирует дипломатическую и идеологическую коалицию с участием азиатских держав; ОДКБ воплощает коллективную безопасность под российским руководством; а СНГ продолжает выполнять роль административной и символической оболочки постсоветского пространства.

При этом данные организации не образуют единой системы, а скорее представляют собой перекрывающиеся зоны влияния, через которые Россия выстраивает гибкую, модульную конфигурацию регионального лидерства. Эта архитектура позволяет учитывать внутренние противоречия, адаптироваться к асимметриям между участниками и избегать прямой конфронтации с другими центрами силы. Однако успех подобной модели зависит от множества факторов — от устойчивости экономики и способности к институциональной модернизации до внешнеполитической гибкости и умения строить компромиссы с такими странами, как Китай и Индия.

На сегодняшний день можно констатировать, что Россия, несмотря на санкционную изоляцию и геополитическое давление, сумела сохранить и даже укрепить свое влияние на евразийском пространстве за счет институциональных механиз-

мов, которые не только отражают ее интересы, но и задают параметры допустимого взаимодействия для других участников. Вместе они составляют инфраструктуру альтернативного международного порядка, в котором Россия не столько конкурирует с Западом, сколько предлагает иную логику глобального устройства — основанную не на универсализме, а на множественности цивилизационных центров.

Таким образом, институциональный вектор российской внешней политики в Евразии следует рассматривать не как временную реакцию на внешнее давление, а как долгосрочный проект по формированию нового регионального баланса, в рамках которого Россия стремится позиционировать себя не только как стратегического игрока, но и как организующую силу в становлении многополярного мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Alimov R. The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018;9(2):114–124. DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001
2. Yenikeeff Sh., Lukin A., Novikov D. The Shanghai Cooperation Organisation in new geopolitical realities. *International Organisations Research Journal*. 2024;19(1):129–148. DOI: 10.17323/1996–7845–2024–01–06
3. Aris S. Russian-Chinese Relations through the Lens of the SCO. *Russie Nei Visions*. 2008;(34). URL: <https://www.ifri.org/en/papers/russian-chinese-relations-through-lens-sco>
4. Perskaya V.V., Khairov B.G., Revenko N.S., et al. Role of the People’s Republic of China in the Activities of the Shanghai Cooperation Organisation. *East Asia*. 2022;39:149–160. DOI: 10.1007/s12140–021–09373-y
5. Ünaldirar Kocamaz S. The Rise of New Powers in World Politics: Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization. *Uluslararası İlişkiler*. 2019;16(61):127–141. DOI: 10.33458/uidergisi.541542
6. Yilmaz S. Eurasian integration and its challenges. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2017;4(2). DOI: 10.15549/jecar.v4i2.166
7. Vu Dinh Khoa, Agarwal S., Rincon Aponte G.J., Nguyen THN, Solanki V.K., Ziemba E, eds. *Proceedings of the 2021 International Conference on Research in Management & Technovation*. ACSIS. 2021;28:91–98. DOI: 10.15439/2021KM53
8. Adarov A., Ghodsi M. The impact of the Eurasian Economic Union–Iran preferential trade agreement on mutual trade at aggregate and sectoral levels. *Eurasian Economic Review*. 2021;11(1):125–157. DOI: 10.1007/s40822–020–00161–2
9. Jović-Lazić A, Lađevac I. The Eurasian Economic Union (EAEU) and its Relations with Serbia. *International Organizations*. 2022;2:38–55. DOI: 10.18485/IIPE_IOSCW.2022.2.CH2
10. Hakhverdyan D., Tadevosyan R., Pakhlyan A., Ratner S. The Impact of Eurasian Economic Union Membership on Mutual Trade in Services: What are the Challenges for Small Economies? *Journal of Risk and Financial Management*. 2025;18(3):143. DOI: 10.3390/jrfm18030143
11. Burnasov A., Ilyushkina M., Kovalev Y., Stepanov A. V. Logistics infrastructure of the Eurasian Economic Union (EAEU) in providing transit from China to the European Union. *Studies of the Industrial Geography Commission of the Polish Geographical Society*. 2020;34. DOI: 10.24917/20801653.344.9
12. Ковалёв В.С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023;17(3):15–24. DOI: 10.22394/2073–2929–2023–03–15–24
Kovalev V.S. The EAEU and China: Partnership in the interests of self-sufficiency. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023;17(3):15–24. (In. Russ.). DOI: 10.22394/2073–2929–2023–03–15–24
13. Libman A. Chapter 16: EAEU and economic sanctions. In: *The Elgar Companion to the Eurasian Economic Union*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing; 2024. DOI: 10.4337/9781800375000.00027
14. Ишуков А.А., Бедрина Е.Б. Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2020;(4):80–95. URL: <https://www.elibrary.ru/inirri>
Ishukov A.A., Bedrina E.B. European and Eurasian integration: Similarities and differences. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Ser.: Humanities and Social Sciences*. 2020;(4):80–95. URL: <https://www.elibrary.ru/inirri> (In. Russ.).
15. Mozaffari Falarti M, Naqvi FH. Eurasia’s Economic Shift: The rise of de-dollarization and the quest for financial autonomy. *Journal of Iran and Central Eurasia Studies*. 2024;7(1):95–110. DOI: 10.22059/jices.2024.98941

16. Prokopenko A. Can the digital ruble shield Russia from western sanctions? *Carnegie Endowment for International Peace*. 2024. 30 p. URL: <https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/Russia's%20Digital%20Ruble.pdf>
17. Tsibulina A. Labour Migration in the EAEU: Any Similarities with the EU? *SSRN*. 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3509288
18. Kropatcheva E. Russia and the Collective Security Treaty Organisation: Multilateral policy or unilateral ambitions? *Europe-Asia Studies*. 2016;68(9):1526–1552. DOI: 10.1080/09668136.2016.1238878
19. Abramova M, Vilisov M. The Post-Soviet transition: Constitutional structuring and political reality (case-study de la CEI). *Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana De Derecho Constitucional*. 2020;1(42):3–38. DOI: 10.22201/ij.24484881e.2020.42.14335

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Вирджиния Морена Гатто — магистр по международной безопасности, Университет UNINT, Рим, Италия; аспирант кафедры международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Virginia Morena Gatto — Master's Degree in International Security, UNINT University, Rome, Italy; PhD candidate in International Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-5020-8173>

viriniagatto98@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.07.2025; принята к публикации 01.08.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 07.07.2025; accepted for publication 01.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-36-41
УДК 911.52:327:338.12(045)

Стратегия России в Арктике: энергетика, инфраструктура и безопасность

Н.В. Михайлова^а, Л.О. Мурадян^б, Ф. Папаратто^с

^{а,б} Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация;
^с Пизанский университет, Пиза, Италия

АННОТАЦИЯ

Арктический регион, ранее воспринимавшийся как отдаленная и труднодоступная территория, в последние десятилетия приобрел ключевое геополитическое и экономическое значение, особенно для России, рассматривающей его как зону стратегических интересов. Климатические изменения и таяние льдов открывают новые перспективы в области транспортных маршрутов, доступа к ресурсам и безопасности, что заставляет Москву пересматривать арктическую политику. Стратегические приоритеты России в регионе включают усиление военного присутствия, освоение углеводородных месторождений и развитие Северного морского пути (СМП). Управление Арктикой формально осуществляется семью приполярными государствами через Арктический совет, однако его полномочия ограничены экологическими и социально-экономическими вопросами, исключая военно-политическую сферу. Внешнее влияние на регион усиливается со стороны неарктических государств, особенно Китая, позиционирующего себя как «почти арктическое государство». Стремление КНР расширить свое присутствие в регионе, несмотря на декларируемую приверженность научному и экономическому сотрудничеству, вызывает озабоченность у арктических стран и может привести к усилению конкуренции и потенциальной дестабилизации ситуации в регионе.

Ключевые слова: Арктика; энергетическая безопасность; Северный морской путь; военная инфраструктура; геополитика; Россия; Китай; США; Европа

Для цитирования: Михайлова Н.В., Мурадян Л.О., Папаратто Ф. Стратегия России в Арктике: энергетика, инфраструктура и безопасность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):36-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-36-41

ORIGINAL PAPER

Russia's Arctic Strategy: Energy, Infrastructure and Security

N.V. Mikhaylova^а, L.O. Muradyan^б, F. Papatatto^с

^{а,б} Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation;
^с University of Pisa, Pisa, Italy

ABSTRACT

The Arctic, traditionally perceived as a remote and inaccessible territory, has acquired key geopolitical and economic importance in recent decades, especially for Russia, for which this region remains a zone of strategic interests. Melting ice caused by climate change is opening up new prospects for transport routes, access to resources and security, prompting Moscow to reconsider its Arctic policy with an emphasis on military presence, hydrocarbon development and the development of the Northern Sea Route.

Governance of the Arctic is formally carried out by eight circumpolar states within the framework of the Arctic Council, but its mandate is limited to environmental issues and sustainable development, excluding the military-political sphere. In recent years, the influence of extra-regional actors has been growing, in particular China, which, positioning itself as an “almost Arctic state,” seeks to strengthen its presence in the region. Despite statements of commitment to scientific and economic cooperation, China's activity raises concerns among Arctic countries, exacerbating competition and potentially destabilizing the situation in high latitudes.

Keywords: Arctic; energy security; Northern Sea Route; military infrastructure; geopolitics; Russia; China; USA; Europe

For citation: Mikhaylova N.V., Muradyan L.O., Papatatto F. Russia's arctic strategy: Energy, infrastructure and security. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):36-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-36-41

ВВЕДЕНИЕ

Арктический регион остается одним из последних крупных нефтегазоносных бассейнов мира с существенными неразработанными запасами углеводородов. Согласно оценке Геологической службы США (USGS, 2008), в Арктике сосредоточено порядка 412 млрд бр нефтяного эквивалента, включая 90 млрд бр нефти, 47 трлн м³ природного газа и 44 млрд бр газового конденсата. При этом около 84% этих ресурсов расположены в шельфовой зоне [1].

Российская Федерация владеет доминирующей долей арктических углеводородных запасов, контролируя приблизительно 58% всего природного газа региона, основные месторождения которого сосредоточены в Западной Сибири и Баренцевом море. Для Российской Федерации освоение Арктики имеет многофакторное стратегическое значение, что отражено в ключевых государственных документах, включая «Энергетическую стратегию России до 2035 года» (ЭС-2035)¹.

Аспекты глобального значения включают:

1) геополитический инструмент: усиление позиций России как энергетической сверхдержавы и расширение влияния на глобальных энергорынках;

2) экономическую безопасность: снижение зависимости бюджета от традиционных месторождений Западной Сибири, где наблюдается истощение ресурсной базы;

3) внешнеполитическое влияние: использование энергоресурсов как рычага давления на страны-импортеры, особенно в условиях санкционного давления.

Согласно ЭС-2035, к 2035 г. доля арктической нефти в общероссийской добыче должна возрасти с 17,3% (2018 г.) до 26%, в то время как доля добычи арктического газа сохранится на уровне 79%, что подчеркивает критическую роль региона в поддержании энергетического баланса страны [2].

Для реализации ресурсного потенциала Россия активно развивает арктическую инфраструктуру, включая добывающие комплексы, СПГ-заводы и логистические маршруты:

- Ямал СПГ (НОВАТЭК, с 2017 г.) — мощность 17,45 млн т в год, обеспечивает более половины российского производства сжиженного газа;

- Arctic LNG 2 (Гыданский полуостров) — запланированная мощность 19,8 млн т в год, первый технологический модуль запущен в I кв. 2024 г.;

- Murmansk LNG — проект на 20,4 млн т в год с использованием гравитационных платформ, ввод в эксплуатацию ожидается к 2027 г.;

- Portovaya LNG (Газпром, 2022 г.) — маломасштабный терминал (1,5 млн т в год), успешно осуществляющий поставки в Китай по Северному морскому пути (СМП);

- Восток Ойл (Роснефть) — нефтедобывающий проект с целевым объемом 115 млн т в год к 2030 г., включающий строительство терминала Бухта Север и 770-километрового трубопровода.

Несмотря на амбициозные планы, развитие арктических проектов сталкивается с рядом структурных и внешнеполитических ограничений:

- технологические санкции: ограничение доступа к западным технологиям, включая турбинное оборудование для СПГ;

- климатические условия: экстремально низкие температуры, вечная мерзлота и ледовые нагрузки усложняют добычу и транспортировку²;

- логистические риски: зависимость от Северного морского пути (СМП), требующего ледокольного сопровождения [3].

Российская Арктика играет ключевую роль в долгосрочной энергетической стратегии страны. Однако успешная реализация проектов требует не только инвестиций и технологий, но и адаптации к санкционному режиму и экстремальным условиям региона. В случае преодоления этих вызовов Арктика может стать новым глобальным энергетическим хабом, укрепляющим позиции России на мировом рынке углеводородов [4].

ПЛАНИРУЕМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

1. Инвестиционные планы в сфере производства сжиженного природного газа (СПГ). Стратегические амбиции Российской Федерации в Арктике подкрепляются масштабными инвестиционными программами, направленными на увеличение национальных мощностей по производству сжиженного природного газа (СПГ). Согласно планам, к 2030 г. объемы производства СПГ должны возрасти с 30,3 млн т (2024 г.) до 100 млн т, что позволит России занять около 20% мирового рынка. Данный тренд отражает переориентацию с традиционных трубопроводных поставок (преимущественно

¹ Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности до 2035 года».

² Ло Б. Игра на адаптацию — Россия и изменение климата. Россия. Евразия. Видение. URL: <https://www.ifri.org/en/papers/adaptation-game-russia-and-climate-change>

в Европу) на морские поставки, ориентированные на азиатские рынки [5].

Среди ключевых проектов, формирующих основу данной стратегии, можно выделить следующие:

- Arctic LNG 1 и 3 — проекты мощностью 19,8 млн т СПГ в год каждый, находящиеся на начальных стадиях реализации;

- Обский СПГ — изначально разрабатывавшийся как комплекс по производству газа и голубого аммиака, проект временно приостановлен, но сохраняет значимость в долгосрочной перспективе;

- Якутский СПГ (ЯТЭК) и расширение «Сахалин-2» — дальневосточные терминалы, призванные усилить позиции России на азиатских энергетических рынках;

- Тамбейский СПГ — перспективное, но спорное месторождение, за разработку которого конкурируют Газпром и НОВАТЭК [6].

Несмотря на амбициозность планов, их реализация может столкнуться с рядом вызовов, включая финансовые ограничения, технологические барьеры, а также усиление конкуренции со стороны Катара и США, что способно повлиять на сроки и рентабельность российских проектов.

2. Северный морской путь: логистическая артерия и инструмент геополитического влияния. Северный морской путь (СМП) приобретает ключевое значение в транспортной стратегии России, обеспечивая сокращение маршрута между Европой и Азией на 30–40% по сравнению с традиционными маршрутами через Суэцкий канал. Объемы грузоперевозок по СМП демонстрируют устойчивый плавный рост: с 10,7 млн т в 2017 г. к 37,9 в 2024 г. [7]

СМП выполняет двойную функцию: с одной стороны, он облегчает экспорт энергоресурсов в Азию, минуя геополитически нестабильные регионы, с другой — укрепляет позиции России в Арктике за счет контроля над судоходством. Иностранные суда обязаны согласовывать маршруты с российскими властями и в большинстве случаев следовать правилам лоцманской проводки, что вызывает недовольство западных стран.

Однако текущая инфраструктура СМП близка к пределу пропускной способности, что стимулирует Россию к активным инвестициям в развитие арктической логистики, включая модернизацию ледокольного флота (включая атомные ледоколы Росатомфлота) и навигационных систем [8].

Особый интерес к СМП проявляет Китай, рассматривающий его как часть «Полярного шелкового пути». Однако возможен конфликт интересов:

Россия настаивает на суверенном контроле над маршрутом, тогда как Китай выступает за его интернационализацию [9].

3. Роль НОВАТЭКа в развитии арктического СПГ. Компания трансформировала российский рынок СПГ, став ключевым игроком благодаря низкой себестоимости добычи, устойчивости к санкциям и эффективному внедрению модульных технологий строительства. Среди последних ее стратегических шагов:

- приобретение доли Shell (27,5%) в проекте «Сахалин-2» (2023 г.);

- использование либерализации экспорта СПГ;

- конкуренция с Газпромом за право разработки Тамбейского месторождения.

Проекты «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2» не только укрепили позиции России на мировом рынке, но и превратили Арктику в стратегический энергетический коридор.

Несмотря на санкции, НОВАТЭК продолжает реализацию проектов благодаря государственной поддержке и сотрудничеству с иностранными партнерами (Китай, TotalEnergies) [10]. Однако сохраняются риски, связанные с технологическими ограничениями и глобальной конкуренцией³.

4. Военно-стратегическое значение Арктики. Арктическая стратегия России включает не только экономические, но и военно-политические аспекты. Ключевые направления:

- 1) обеспечение ядерного сдерживания: Кольский полуостров остается центром базирования Северного флота, включая подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ). Модернизируется система А2/АД (запрет доступа и маневра) с развертыванием комплексов С-400, береговых ракетных систем «Бастион» и подразделений радиоэлектронной борьбы [11];

- 2) расширение операционных возможностей: в 2021 г. Северный флот получил статус отдельного военного округа, что усилило координацию между военно-морскими, сухопутными и аэрокосмическими силами;

- 3) защита экономических интересов: Военная инфраструктура вдоль СМП (базы в Тикси, Певеке) обеспечивает безопасность энергетических проектов⁴.

³ Арбатов А., Стефановский Д. Военная безопасность России в Арктике. Москва: Карнеги Москва Центр; 2019.

⁴ Корчунов Н. URL: <https://otr-online.ru/programmy/severnuy-morskoy-put/lyudi-arktiki-nikolay-korchunov-75195.html?ysclid=mejuh307kk781764742>.

5. Геополитическая конкуренция в Арктике.

Интерес США к региону, включая дискуссии о возможном приобретении Гренландии, подчеркивает растущее стратегическое соперничество. Для России ключевыми вызовами остаются: усиление присутствия НАТО в Арктике; необходимость балансирования между сотрудничеством с Китаем и защитой суверенитета над СМП [9, 10].

Арктика становится ключевым направлением экономического и военно-стратегического развития России. Успех арктических проектов будет зависеть от способности преодолеть финансовые, технологические и геополитические вызовы. В случае их реализации Россия сможет укрепить свои позиции как на энергетических рынках, так и в глобальной системе безопасности [12].

ВЫВОДЫ

Арктическая стратегия представляет собой не просто набор мер по освоению ресурсов или развитию транспортных коридоров, а комплексный пересмотр геополитической идентичности страны в условиях глобальных трансформаций. Через призму Арктики Россия переосмысливает свою роль в мировой экономике и системе безопасности, формируя стратегию, основанную на трех взаимосвязанных элементах: ресурсном доминировании, логистической трансформации и военно-политической секьюритизации.

В условиях кризиса традиционных моделей энергетического экспорта, особенно в Европу, Арктика становится для России пространством экономической адаптации. Переход от трубопроводной зависимости к морским поставкам, воплощаемый проектами НОВАТЭКа, демонстрирует сдвиг в сторону гибкой, технологичной и азиатско-ориентированной энергетики. Однако этот переход сопряжен с вызовами: технологическая зависимость, климатические риски и необходимость балансировать между сотрудничеством с Китаем и защитой суверенитета.

Секьюритизация Арктики — не возврат к логике холодной войны, а ответ на новые угрозы, включая климатическую нестабильность и геополитическую конкуренцию. Развертывание систем А2/АD, создание Арктического командования и доктрина «бастионной обороны» подчеркивают двойственную природу российской стратегии: защита экономи-

ческих активов через военное доминирование. Это превращает Арктику в плацдарм для проекции силы, но одновременно увеличивает риски эскалации с НАТО и Китаем.

СМП — ключевой элемент российской стратегии, сочетающий экономические выгоды и геополитические трения. Регулирование судоходства на основе статьи 234 UNCLOS и требования лоцманской проводки укрепляют квази-суверенитет России, но сталкиваются с сопротивлением Запада и растущими амбициями Китая. Потенциальные конфликты интересов, особенно в сфере контроля над инфраструктурой и свободы навигации, могут превратить Арктику в новую точку противостояния.

Будущее российской арктической стратегии будет определяться несколькими ключевыми факторами:

- отношения с Китаем: сотрудничество в области инвестиций и логистики постепенно сменяется конкуренцией за влияние;
- технологическая автономия: санкции стимулируют развитие собственных технологий, но отставание в критических секторах сохраняется;
- климатические риски: таяние мерзлоты и экстремальные погодные явления угрожают инфраструктурной устойчивости;
- международно-правовые споры: борьба за интерпретацию UNCLOS и статус СМП будет обостряться по мере роста судоходства.

Арктика для России — не просто регион, а стратегическое зеркало, отражающее ее подход к суверенитету, безопасности и глобальной интеграции. Это пространство, где ею предпринимаются попытки совместить оборонительную жесткость с экономической адаптацией, используя ресурсы, географию и военную мощь для компенсации давления в других регионах. Однако успех этой стратегии зависит от способности России балансировать между конфронтацией и сотрудничеством, инновациями и изоляцией, климатическими рисками и инфраструктурной устойчивостью.

В долгосрочной перспективе Арктика может стать либо краеугольным камнем российского влияния в XXI в., либо зоной стратегической перегрузки, где амбиции столкнутся с непредвиденными вызовами. Ответ на этот вопрос определит не только будущее региона, но и место России в меняющемся мировом порядке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Conley H.A., Melino M. America's Arctic moment: Great power competition in the Arctic to 2050. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies (CSIS); 2021. DOI: 10.5771/9781538140147

2. Buchanan E. Russian Arctic strategy: Intervention, investment, and regulation. *Laboratorium Russian Review of Social Research*. 2021;16(2):167–171. DOI: 10.25285/2078-1938-2024-16-2-167-171
3. Keil K., Knecht S., eds. *Arctic governance: Energy, living marine resources, and shipping*. London: Palgrave Macmillan; 2017. DOI: 10.1017/S 0032247418000499
4. Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности. *Арктика и Север*. 2022;(49):105–124. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.49.105
Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. The Russian Arctic in the period of sanctions pressure and geopolitical instability. *Arctic and North*. 2022;(49):105–124. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.49.105
5. Krivorotov A., Finger M. State-owned enterprises in the Arctic. In: Finger M, Heininen L, eds. *The GlobalArctic Handbook*. Cham: Springer; 2019:65–78. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_4
6. Lasserre F. Arctic shipping: A contrasted expansion of a largely destinational market. In: Finger M, Heininen L, editors. *The GlobalArctic Handbook*. Cham: Springer; 2019:101–20. DOI: 10.1007/978–3–319–91995–9_6
7. Østhagen A. *Geopolitics and security in the Arctic: Regional dynamics in a global world*. London: Routledge; 2020. DOI: 10.1177/1478929916677772
8. Sørensen CTN, Klimenko E. *Emerging Chinese-Russian cooperation in the Arctic*. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI); 2017. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-06/emerging-chinese-russian-cooperation-arctic.pdf>
9. Tsygankov A., ed. *Routledge handbook of Russian foreign policy*. 1st ed. London: Routledge; 2018. DOI: 10.4324/9781315536934
10. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2024;16(3):127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152
Konyshev V.N., Sergunin A.A. Military security in the Arctic: New threats for Russia. *Bulletin of the Moscow University. Episode 25. International relations and world politics*. 2024;16(3):127–152. (In Russ.). DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152
11. Laruelle M. *Russia’s Arctic strategies and the future of the far north*. Armonk, NY: M. E. Sharpe / Routledge; 2020. DOI: 10.4324/9781315700939
12. Загорский А.В. Сотрудничество и безопасность в Арктике. Москва: ИМЭМО РАН; 2020. DOI: 10.20542/978-5-9535-0570-3
Zagorskiy A.V. *Cooperation and security in the Arctic*. Moscow: IMEMO RAS; 2020. (In Russ.). DOI: 10.20542/978-5-9535-0570-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Вячеславовна Михайлова — доктор политических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Natalia V. Mikhailova — Dr. Sci. (Political), Prof. at the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2842-9143>
mikhaylova_nv@pfur.ru

Лусине Овакимовна Мурадян — соискатель кафедры публичной политики и истории государства и права; педагог дополнительного образования института русского языка, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Lusine O. Muradyan — Applicant for the Department of Public Policy and History of State and Law; teacher of additional education at the Russian Language Institute, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1367-2223>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
Muradyan_lo@pfur.ru

Федерико Папаратто — магистр, факультет политологии, Пизанский университет, Пиза, Италия; аналитик, Институт аналитиков международных отношений (IARI), Италия

Federico Paparatto — Magister, Department of Political Sciences (International Relations), University of Pisa, Italy; analyst, Istituto Analisi Relazioni Internazionali (IARI), Italy

<https://orcid.org/0009-0008-4246-7967>

fedepapa1997@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Н.В. Михайлова — руководство исследованием, методология, редакция итоговой статьи.

Л.О. Мурадян — разработка концепции, интерпретация данных, подготовка итоговой статьи.

Ф. Папаратто — методика сбора данных, сбор и интерпретация данных, написание первоначального текста.

Authors` contributions:

N. V. Mikhaylova — research management, methodology, redaction of the final article.

L. O. Muradyan — concept development, interpretation of data, preparation of the final article.

F. Paparatto — data mining and it's interpretation, original draft.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.06.2025; принята к публикации 11.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.06.2025; accepted for publication on 11.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Исторические и неоколониальные аспекты территориальных споров: влияние колониальных границ на современность

Мехмет Ачикгёз^а, Н.А. Медушевский^б

^{а,б}Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация;

^бРоссийский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся ролью колониального наследия в формировании современных территориальных споров и конфликтов. Цель работы – анализ влияния колониальных границ на современные территориальные конфликты с учетом исторических, политических и социально-экономических факторов. Методология исследования включает сравнительный анализ территориальных споров в различных регионах мира, изучение влияния колониального наследия на современные конфликты, а также анализ эффективности международного права в разрешении пограничных вопросов. Основные результаты показывают, что искусственные колониальные границы, установленные европейскими державами без учета этнических и культурных особенностей, стали источником длительных конфликтов в Африке, Южной Азии и на Ближнем Востоке. Принцип *uti possidetis juris*, примененный в постколониальный период, не решил проблему территориальных споров, а лишь усилил этническую напряженность. В неоколониальную эпоху экономическое влияние бывших метрополий через транснациональные корпорации усложнило решение пограничных вопросов. Научная новизна заключается в выявлении региональных особенностей развития территориальных конфликтов: в Азии и на Ближнем Востоке они часто перерастают в военные столкновения, тогда как в Африке остаются локализованными. Практическая значимость работы состоит в обосновании необходимости комплексного подхода к решению территориальных споров с учетом исторических, социокультурных и политических аспектов.

Ключевые слова: территориальные споры; колониальный период; неоколониальный период; исторические претензии; Африка; Азия; Ближний Восток

Для цитирования: Ачикгёз Мехмет, Медушевский Н.А. Исторические и неоколониальные аспекты территориальных споров: влияние колониальных границ на современность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):42-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-42-48

ORIGINAL PAPER

Historical and Neocolonial Dimensions of Territorial Disputes: The Impact of Colonial Borders on the Present

Mehmet Açıkgöz^а, N.A. Medushevsky^б

^{а,б}Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation;

^бRussian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article examines the historical evolution of border formation, emphasizing the critical influence of political, economic, and social factors across the colonial, postcolonial, and neocolonial eras. During the colonial period, European powers imposed artificial boundaries with little regard for indigenous ethnic, cultural, or geographic realities, creating enduring fault lines in regions such as Africa, South Asia, and the Middle East. The postcolonial era saw the application of the principle of *uti possidetis juris*, which sought to preserve colonial boundaries to avoid territorial chaos but inadvertently exacerbated ethnic tensions and territorial disputes. In the neocolonial phase, although direct political control diminished, former colonial powers maintained influence through economic mechanisms and multinational corporations, further complicating boundary issues. The article highlights how weaker states, driven by national identity and prestige, often pursue boundary claims against more powerful actors, resulting in persistent regional instability. Comparative analysis reveals

that in Asia and the Middle East, border disputes tend to escalate into militarized conflicts more frequently than in Africa, where confrontations often remain localized. Although international law provides a framework for maintaining borders, the colonial legacy continues to challenge its effectiveness. The study argues for the necessity of integrated solutions that address historical, socio-cultural, and political dimensions to achieve sustainable peace and regional cooperation.

Keywords: territorial disputes; colonial period; neocolonial period; historical claims; Africa; Asia; Middle East

For citation: Açıkgöz M., Medushevsky N.A. Historical and neocolonial dimensions of territorial disputes: The impact of colonial borders on the present. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):42-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-42-48

ВВЕДЕНИЕ

Территориальные споры на протяжении всей истории были одной из основных причин напряженности между государствами, формируясь под влиянием политических, экономических и социальных факторов различных эпох. В колониальный период европейские державы, игнорируя этнические, культурные и исторические связи местного населения, произвольно устанавливали границы в соответствии со своими интересами. Это привело к многочисленным конфликтам, особенно в Африке, Южной Азии и на Ближнем Востоке, где искусственно созданные границы не учитывали сложные демографические и этнографические реалии.

С окончанием колониального правления начался постколониальный период, в котором развились неоколониальные практики. Хотя бывшие колониальные державы утратили прямой политический контроль, они продолжили влиять на бывшие колонии через экономическую зависимость, эксплуатацию природных ресурсов транснациональными корпорациями и дипломатическое давление. В этот период недавно обретшие независимость государства пытались пересмотреть границы, чтобы укрепить свой суверенитет, но глобальный баланс сил ограничивал их возможности.

В постколониальный период территориальные споры все чаще решаются через международные суды и дипломатические механизмы. Однако многие конфликты остаются в замороженном состоянии из-за исторических претензий, этнической напряженности и стратегической важности спорных территорий. Эти неурегулированные споры не только дестабилизируют регионы, но и влияют на международные отношения, подчеркивая необходимость комплексного подхода, который учитывает не только правовые, но и исторические, экономические и социальные аспекты.

В этом исследовании используется структурный и исторический методы для анализа роли старых колониальных государств в территориальных конфликтах. Структурный метод позволяет изучить, как социальная, экономическая и политическая слабость государств формирует их участие в территориальных

спорах, в то время как исторический метод исследует, как эти конфликты развивались в историческом контексте и как колониальное наследие влияет на них. Кроме того, используется метод анализа конкретных случаев, который позволяет проводить глубокий анализ отдельных территориальных споров.

Что касается историографии, исследования роли слабых государств в территориальных конфликтах составляют значительную часть литературы. Хербст (Herbst, 2000) [1] рассматривает способность слабых государств управлять своими территориальными претензиями, в то время как Фредерик и его коллеги (Frederick, Hensel, Macaulay, 2017) [2] изучают связь территориальных претензий с войнами. Альтман (Altman, 2020) [3] обсуждает эволюцию территориальных завоеваний после 1945 г. и ограничения нормы территориальной целостности. Чен (Chen, 2018) [4] анализирует мотивацию слабых государств к началу территориальных конфликтов, а Галеано (Galeano, Galeano, 1997) [5] и Уэллер (Weller, 1992) [6] исследуют влияние колониального наследия на современные территориальные конфликты. Эти источники составляют основу исследования и помогают понять роль слабых государств в территориальных спорах.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В колониальный период европейские державы вступили в гонку за территориальное расширение, стремясь максимизировать свои политические и экономические интересы. Такие события, как «Большая игра» XIX в. и Берлинская конференция 1884–1885 гг., сыграли решающую роль в установлении границ колоний, особенно в Африке и Азии. Однако в процессе проведения границ этнические, культурные и исторические связи местного населения были в значительной степени проигнорированы. Такой подход европейских держав не только изменил политическую карту мира, но и заложил основу для множества современных пограничных конфликтов.

Одной из главных причин территориальных споров является искусственная природа границ,

определенных в колониальный период. Начиная с конца XIX в. европейские государства устанавливали границы, не учитывая волю местного населения, что стало основным источником многих современных конфликтов. Особенно в таких регионах, как Африка, Южная Азия и Ближний Восток, наследие случайных границ продолжает оставаться важным фактором напряженности во внутренней и внешней политике государств. Границы, сформированные после Первой мировой войны без учета этнических, культурных и исторических связей народов, стали причиной долгосрочных конфликтов. Пограничные споры между Афганистаном и Пакистаном, Пакистаном и Индией, а также Китаем и Индией являются одними из наиболее ярких примеров продолжающихся территориальных конфликтов, корни которых уходят в колониальный период.

Еще одно важное влияние колониального прошлого заключается в том, что пограничные споры оставили глубокие следы не только в военной и политической сферах, но и на социальном и культурном уровнях. Границы, установленные европейскими колониальными державами, разделили исторические миграционные маршруты, торговые сети и традиционные системы управления местных сообществ. Это стало одной из основных причин этнических конфликтов, гражданских войн и региональной нестабильности. Даже в наши дни этнические идентичности и политическая принадлежность продолжают формироваться в рамках, определенных колониальными границами. Это привело к тому, что помимо физических международных границ сохраняются также психологические и социополитические границы, влияющие на межгосударственные отношения и внутреннюю политику.

Когда колониальные администрации прекратили свое существование, оставленные ими границы привели к серьезным пограничным спорам между независимыми государствами. Для управления этой ситуацией на африканском континенте был принят принцип *uti possidetis juris*, согласно которому границы после обретения независимости сохранялись в том виде, в каком они были установлены в колониальный период [1]. Хотя это решение было направлено на юридическое закрепление границ новых независимых государств, на практике оно не уменьшило региональную напряженность, а сделало существующие территориальные споры постоянными. Запрет на изменение границ усилил разделение этнических групп и административные

проблемы, что привело к продолжению межгосударственных и внутригосударственных конфликтов.

Например, пограничные споры между Руандой и Бурунди, Суданом и Южным Суданом, Нигерией и Камеруном напрямую связаны с границами, установленными в колониальный период [2, р. 100]. Хотя правовые принципы, принятые для предотвращения изменения границ в Африке, в некоторых случаях способствовали региональному миру, на практике они мешали реализации права народов на самоопределение и создавали условия для гражданских войн. Разделение Судана, независимость Эритреи и вопрос Западной Сахары являются примерами того, как колониальные границы представляют собой политический и юридический вызов в современный период.

Понимание современного влияния границ, установленных в колониальный период, подчеркивает важность исторического контекста при рассмотрении территориальных споров в международных отношениях. Пограничный порядок, сформированный европейскими государствами в соответствии с их экономическими и политическими интересами, привел к долгосрочным конфликтам не только между государствами, но и внутри обществ после обретения независимости. Хотя современное международное право пытается управлять этим наследием, юридические механизмы оказываются недостаточными для решения проблем, вызванных искусственными разделениями, установленными колониальными границами. В этом контексте обеспечение устойчивого мира и стабильности возможно не только путем сохранения физических границ, но и путем учета исторических и социокультурных требований народов.

НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ

С середины XX в., когда официально завершилось колониальное правление, бывшие колониальные державы, потеряв прямой политический контроль, продолжили сохранять свое экономическое и политическое влияние. В этот период территориальные споры формировались не через военные оккупации, а посредством различных механизмов. Экономическая зависимость, использование земель транснациональными корпорациями и манипуляции международно-правовым статусом затрудняли полное установление суверенитета недавно обретших независимость государств.

Особенно в регионах, богатых стратегически важными природными ресурсами, бывшие колониальные державы и крупные экономические игроки ограничивали политическое простран-

во независимых государств, создавая косвенные механизмы контроля над территориями. Одним из наиболее ярких примеров этой ситуации является Ближний Восток. Стратегическая значимость энергетических ресурсов региона для западных государств усложнила разрешение пограничных споров и еще больше углубила региональную нестабильность [3, p. 501–507].

Аналогично в Латинской Америке международные корпорации и поддерживаемые Западом режимы оказывали влияние на земельную политику, углубляя экономическую зависимость и создавая почву для новых типов территориальных конфликтов [5]. В этом процессе территориальные споры перестали быть исключительно межгосударственной проблемой и превратились в вопрос, связанный с динамикой глобальной капиталистической системы, в котором значительную роль играют транснациональные акторы.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЯХ

На протяжении XX в. замечено, что многие территориальные конфликты инициировались не великими державами, а более старыми колониальными государствами. Данные Корреляций вопросов войны (Issue Correlates of War — ICOW) за 1816–2001 гг. показывают, что более слабые государства выдвигали территориальные претензии против акторов с большим количеством колоний [4, p. 341]. Причинами таких рискованных шагов со стороны слабых государств были не только экономические факторы, но и стремление защитить свой суверенитет, укрепить региональный статус и позиционировать себя в международной системе.

Это свидетельствует о том, что особенно в бывших колониальных регионах государства рассматривали территориальные претензии как часть процесса построения нации. Одним из наиболее заметных примеров территориальных претензий относительно слабого государства к более сильному сопернику является конфликт в Кашмире. Этот спор представляет собой не просто пограничный конфликт между Индией и Пакистаном, но и вопрос, оказывающий непосредственное влияние на международный баланс сил и региональную безопасность.

Влияние религиозных, этнических и исторических факторов делает проблему Кашмира не только конкуренцией двух государств, но и элементом глобальной системы безопасности. Территориальные споры в неоколониальный период связаны не

только с военными факторами, но и с трансформацией экономической, политической и международной систем.

Сохранение влияния бывших колониальных держав не посредством прямой оккупации и военных методов, а через экономическую зависимость и транснациональные акторы является ключевым фактором, определяющим динамику современных территориальных конфликтов.

Кроме того, несмотря на дисбаланс сил, склонность слабых государств инициировать территориальные споры свидетельствует о том, что международная система определяется не только военным потенциалом, но и такими аспектами, как политическая идентичность, исторические претензии и национальный суверенитет. В этом контексте территориальные споры следует рассматривать не только с географической или экономической точки зрения, но и в аспектах национального самосознания и политического престижа.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЭСКАЛАЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ СПОРОВ

После Второй мировой войны в мире возникли заметные региональные различия в уровне милитаризации. Ближний Восток и Азия оказались среди наиболее милитаризованных регионов, в то время как территориальные претензии, возникшие в Африке в постколониальный период, в основном оставались ограниченными и редко приводили к прямому военному вмешательству. Несмотря на частое возникновение пограничных споров в Азии, их эскалация в крупномасштабные вооруженные конфликты оставалась относительно низкой [2, p. 105].

С 1960-х гг. начали появляться новые подходы к функции границ в международных отношениях, и распространилось мнение о том, что территориальные споры стали менее определяющими по сравнению с прошлым [7]. Однако эта тенденция развивалась неравномерно в глобальном масштабе. Рост пограничных конфликтов в Азии, Африке и на Ближнем Востоке во время холодной войны был тесно связан с процессом международного признания и укрепления суверенитета новообразованных государств.

В то же время в Европе и Западном полушарии новые территориальные претензии оставались значительно более ограниченными. В постэпоху холодной войны в целом наблюдалось сокращение территориальных претензий, однако в Азии эта тенденция сохранялась более явно [2, p. 103].

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ СИЛОВОГО ПОДХОДА И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

При этом международное сообщество реагировало на территориальные споры непоследовательно и противоречиво [6, р. 606]. Чаще всего в оценке подобных конфликтов доминировали силовые подходы, однако такая перспектива оказывается недостаточной для объяснения современных пограничных споров [8, р. 433]. Несмотря на изменяющиеся динамики, территориальные споры продолжают оставаться одним из важнейших источников напряженности между государствами [9].

Политика государств в отношении территориальных споров формируется в соответствии с глобальными и региональными балансами сил. Длительный конфликт между Китаем и Индией вокруг Аксай Чина является ярким примером того, как территориальные вопросы могут влиять на глобальное распределение сил и безопасность. Китай стремится расширить свое влияние в международной системе, тогда как Индия находится в процессе перехода от регионального актора к глобальной державе.

Это соперничество превращает пограничный спор между двумя странами в часть глобального геополитического противостояния. Проблема Аксай Чина не только создает военную напряженность, но и имеет критические последствия с точки зрения национального суверенитета, экономических интересов и стратегического баланса. Такие конфликты следует рассматривать не только на локальном уровне, но и как структурные проблемы, оказывающие прямое влияние на глобальную безопасность и геополитические балансы.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПРОДОЛЖАЮЩАЯСЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

В постколониальный период пограничные споры между новыми независимыми государствами в основном пытались разрешать через международные суды и арбитражные процессы. Однако во многих регионах продолжают существовать этнические конфликты, исторические претензии и требования о пересмотре границ.

В частности, споры вокруг Аксай Чина и Аруначал-Прадеша на китайско-индийской границе демонстрируют, что пограничные линии, унаследованные с колониального периода, продолжают вызывать конфликты и в наше время [10, р. 1790]. Аналогично пограничные конфликты в странах к югу от Сахары обусловлены искусственными границами, созданными в колониальный период, что

приводит к серьезным этническим и политическим столкновениям [11].

Несмотря на усилия таких институтов, как Международный суд ООН (ICJ), направленные на юридическое урегулирование пограничных споров, многие конфликты продолжают оставаться «замороженными» из-за исторических неопределенностей [12, р. 288–301]. Особенно линии границ, унаследованные с колониального периода, способствуют сохранению напряженности во многих регионах.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ

Международный суд ООН (ICJ), определяя современные государственные границы, основывается на административных границах, созданных колониальными властями, что юридически усложняет их изменение. Однако в некоторых делах наблюдается, что фактический контроль выходит за пределы этих границ, что делает судебные процессы более сложными [10, р. 1790].

Пограничные споры представляют собой многомерные явления, находящиеся на пересечении исторических, политических, экономических и стратегических факторов. Искусственная природа границ, установленных в колониальный период, продолжающаяся экономическая зависимость в неоклониальный период и баланс сил в современной международной системе затрудняют разрешение этих конфликтов.

Особенно в развивающихся регионах пограничные споры не только создают напряженность между государствами, но и препятствуют развитию регионального сотрудничества. В этом контексте подход международного сообщества к пограничным спорам должен быть более целостным и основанным на принципах справедливости.

Попытки сохранить существующие границы исключительно правовыми методами могут игнорировать реальную ситуацию на местах и исторические требования народов. Следовательно, механизмы разрешения пограничных споров должны учитывать не только уровень государств, но и уровень народов и сообществ, а также анализировать их в экономическом, культурном и политическом контексте.

ВЫВОДЫ

На протяжении колониального периода, постколониального периода и в рамках неоклониальных практик территориальные споры проявлялись не только в виде физических разногласий о границах, но и, под влиянием политических, экономических

и культурных факторов, принимали различные формы.

Произвольное установление границ в колониальный период стало одной из основных причин межгосударственных конфликтов и внутренних столкновений. В постколониальный период, несмотря на обретение независимости, многие государства столкнулись с сохранением экономической зависимости и влияния бывших метрополий через неоколониальные механизмы, что способствовало продолжению территориальных разногласий.

В современную эпоху территориальные споры остаются важной частью международной системы, оказывая влияние не только на межгосударст-

венную конкуренцию, но и на глобальный баланс безопасности и будущее международного права.

Для эффективного разрешения таких конфликтов недостаточно лишь юридических и дипломатических механизмов; необходим более комплексный подход, который учитывает историческую справедливость, региональное сотрудничество, экономическое равновесие и стремление к устойчивому миру.

В целях достижения глобального мира и устойчивого развития важно решать территориальные споры мирными средствами, содействовать международному сотрудничеству и учитывать права и интересы затронутых народов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Herbst J. States and power in Africa: Comparative lessons in authority and control. *Princeton University Press*. 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/247640980_States_and_Power_in_Africa_Comparative_Lessons_in_Authority_and_Control
2. Frederick BA, Hensel PR, Macaulay C. The Issue Correlates of War Territorial Claims Data, 1816–2001. *Journal of Peace Research*. 2017;54(1):99–108. DOI: 10.1177/0022343316676311
3. Altman D. The evolution of territorial conquest After 1945 and the limits of the territorial integrity norm. *International Organization*. 2020;74(3):490–522. DOI: 10.1017/S 0020818320000119
4. Chen C. Territorial dispute initiation by weaker states. *The Chinese Journal of International Politics*. 2018;11(3):339–372. DOI: 10.1093/cjip/poy009
5. Galeano EH, Galeano E. Open veins of Latin America: Five centuries of the pillage of a continent. New York: *NYU Press*; 1997.
6. Weller M. The international response to the dissolution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. *American Journal of International Law*. 1992;86(3):569–607. DOI: 10.2307/2203972
7. Brunet-Jailly, E. Preface. *Border Disputes: A Global Encyclopedia (3 Volumes)*. California: ABC–Clio. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/301649487_Border_Disputes_A_Global_Encyclopedia
8. Forsberg T. Explaining territorial disputes: From power politics to normative reasons. *Journal of Peace Research*. 1996;33(4):433–449. DOI: 10.1177/0022343396033004005
9. Prorok A.K., Huth P.K. International law and the consolidation of peace following territorial changes. *The Journal of Politics*. 2015;77(1):161–174. DOI: 10.1086/678529
10. Sumner BT. Territorial disputes at the international court of justice. *Duke Law Journal*. 2004;53(6):1790–1836. URL: <https://ssrn.com/abstract=665304>
11. Hensel P. Charting a course to conflict: Territorial issues and interstate conflict, 1816–1992. *Conflict Management and Peace Science*. 1996;15(1):43–73. DOI: 10.1177/073889429601500103
12. Carter D.B., Goemans H.E. The making of the territorial order: New borders and the emergence of interstate conflict. *International Organization*. 2014;68(4):288–301. DOI: 10.1017/S 0020818311000051

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Мехмет Ачикгёз — аспирант, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Mehmet Açıkgöz — PhD student, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

<https://orcid.org/0000-0001-8953-7725>

maliacikgoz@yandex.ru

Николай Андреевич Медушевский — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, факультет востоковедения и африканистики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; доцент, кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Nikolay A. Medushevsky — Dr. (Polit.), Prof. of the Department of Modern Oriental and African Studies, Faculty of Oriental Studies and African Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Comparative Political Science, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0475-6713>

lucky5659@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.05.2025; принята к публикации 31.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 11.05.2025; accepted for publication 31.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-49-56
УДК 339.56.055+339.92:355.01(045)

Военно-техническое сотрудничество России и Индии

П.С. Селезнев, К.А. Татулян, К.Р. Гафурова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Военно-техническое сотрудничество в современном мире выступает ключевым элементом международных торговых отношений, особенно в условиях нарастания как затяжных конфликтов, так и новых очагов напряженности. Глобальные вызовы современности во многом определяются стремительным научно-техническим прогрессом, который существенно влияет на динамику гонки вооружений. Появление инновационных технологий и научных открытий способствует созданию все более совершенных образцов военной техники, что побуждает государства к активному развитию и модернизации своих оборонных комплексов. Стратегическое партнерство России и Индии представляет особый интерес в контексте военно-технического сотрудничества. Являясь крупным экспортером и импортером вооружений соответственно, эти страны связаны длительными и плодотворными отношениями в военной сфере. Такое сотрудничество играет критически важную роль для обеих сторон, способствуя укреплению национальной безопасности, технологическому прогрессу, экономическому развитию и усилению геополитических позиций. Предмет исследования данной статьи охватывает широкий спектр направлений российско-индийского взаимодействия в военно-технической сфере. Особое внимание уделяется вопросам поставок вооружения и военной техники, технологического обмена, лицензионного производства, а также особенностям экономического и геополитического сотрудничества в области военно-промышленного комплекса. Кроме того, рассматриваются ключевые аспекты внутренней политики государств в контексте их военно-технического взаимодействия.

Ключевые слова: товарооборот России и Индии; импорт; экспорт; стратегическое партнерство; военная промышленность; оборонная промышленность; вооруженные силы; атомная отрасль; уран

Для цитирования: Селезнев П.С., Татулян К.А., Гафурова К.Р. Военно-техническое сотрудничество России и Индии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):49-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-49-56

ORIGINAL PAPER

Military and Trade Co-operation Between Russia and India

P.S. Seleznev, K.A. Tatulyan, K.R. Gafurova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Military-technical co-operation between countries represents an important aspect of trade relations in the context of escalation of both long-standing conflicts and recent confrontations. The modern world is faced with challenges, the main of which is scientific and technological progress, which has a significant impact on the arms race. With the development of new technologies and scientific discoveries, better and more effective weapons are emerging, which stimulates countries to create and improve their military systems. These and other issues explain the importance of military-technical co-operation at present. Russia and India are major arms exporters and importers respectively. The countries share a long history of military co-operation, which is strategically important to both nations as it enhances security, technology development, economic growth and strengthens the geopolitical position of the parties. This article examines the areas of cooperation between Russia and India, including the supply of arms and military equipment, exchange of equipment and technology, licensing cooperation, the specifics of economic and geopolitical interaction between the countries in the military-industrial complex, and the states' domestic policy goals and objectives.

Keywords: commercial exchange between Russia and India; imports; exports; strategic partnership; military industry; defence industry; armed forces; nuclear industry; uranium

For citation: Seleznev P.S., Tatulyan K.A., Gafurova K.R. Military and trade co-operation between Russia and India. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):49-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-49-56

ВВЕДЕНИЕ

Начавшееся в 1960-х гг. военно-техническое сотрудничество между Россией и Индией продолжается и в настоящее время. Взаимоотношения в области обороны и торговли, связанные с такими важными аспектами, как общие геополитические интересы, технологические знания, обеспечение безопасности, экономические потребности и стратегическое партнерство, определяют динамику и характер военного и торгового сотрудничества между Россией и Индией. Однако в последние несколько лет наблюдается снижение объемов поставок российской военной техники в Индию. С одной стороны, это объясняется обострением конкуренции на индийском рынке военной техники и вооружений, с другой — целью Индии поднять собственный военно-промышленный комплекс и сменить статус импортера видов вооружений на экспортера.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ИНДИИ

По данным отчета Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI)¹ с 2018 по 2022 г. Индия была крупнейшим в мире импортером основных видов вооружений, занимая 11% в общем объеме. С 2019 по 2023 г. Индия нарастила ввоз вооружений на 4,7% [1, 2].

Стоит отметить, что с 2013 по 2022 г. Россия была крупнейшим поставщиком оружия в Индию (*рис. 1*), но постепенно доля в общем объеме индийского импорта вооружений сократилась с 64 до 45% [3]. В 2023 г. Россия удерживала лидирующие позиции в поставках для Индии, но уже с долей в 36% от всех импортированных Индией вооружений [4].

Несмотря на это, общий товарооборот России и Индии в первом полугодии 2023 г. вырос почти в 2,9 раза (*рис. 2*) до 33,5 млрд долл. по сравнению с аналогичным периодом в 2022 г. (11,5 млрд долл.)².

Ввоз российских товаров в Индию вырос в 3 раза до 31,5 млрд долл. Россия является крупнейшим торговым партнером Индии (*рис. 3*).

Возникает вопрос, почему в Индии импорт военной продукции снижается, несмотря на увеличение общего товарооборота с Россией? Чтобы найти ответ, необходимо рассмотреть внешнеполитические отношения Индии со стратегически важными странами.

¹ URL: <https://www.statista.com/chart/27055/russian-arms-exports-destination-countries/>

² Товарооборот между Россией и Индией в первом полугодии вырос втрое. URL: <https://ria.ru/20230828/tovarooborot-1892594051.html>

Индия занимает 4-е место в мире по расходам на военные нужды³, уступая лишь США, Китаю и России, а ее оборонный бюджет составляет 2,15% от общего ВВП страны [4]. В 2022–2023 гг. экспорт оборонной продукции Индии достиг рекордного уровня в 15 920 крор индийских рупий (176 млрд руб.). В бюджете на 2023–2024 гг. отрасль получила 5,94 крор индийских рупий (66 млн руб.), что на 13% больше, чем в предыдущем году. В частности, в течение следующих 5–7 лет правительство Индии планирует потратить 130 млрд долл. на модернизацию во всех видах вооруженных сил.

Индия, страна с одной из крупнейших в мире армий, находится в весьма напряженных отношениях с соседями — Китаем и Пакистаном [5]. Индия и Китай не смогли разрешить давний (с 1960 г.) пограничный спор, касающийся района Аксай-Чин. Конфликтующие страны усиливают военную инфраструктуру, особенно вдоль приграничных районов. Кроме того, Индия обеспокоена стратегическими отношениями Китая с Пакистаном, с которым у Индии также остается неразрешенный территориальный конфликт (спор за Кашмир) [2].

Именно поэтому Индия стремится к развитию собственного ВПК, т. е. к своего рода импортозамещению в военно-промышленной сфере [5]. Эта тенденция также прослеживается в том, что при заключении контрактов на закупку вооружений Индия стремится локализовать их производство на своей территории и получить лицензии на изготовление тех или иных видов военной техники с доступом к проектной документации и технологиям [5]. В рамках военно-торгового сотрудничества Индии с Россией стоит отметить лицензионное производство при участии Рособоронэкспорта и предприятий Ростеха⁴ и компании Hindustan Aeronautics Limited (ведущая индийская авиастроительная компания) многофункциональных истребителей Су-30МКИ, основных боевых танков Т-90С, авиадвигателей РД-33 для истребителей МиГ-29, а также соглашение о создании совместных предприятий по производству вертолетов Ка-226Т и автоматов Калашникова⁵.

Партнерство России и Индии переориентируется на совместную разработку и производство передо-

³ Оборонное производство Индии. Статистика. URL: <https://www.investindia.gov.in/ru-ru/sector/defence-manufacturing>

⁴ Об истории российско-индийских отношений и роли предприятий Ростеха в них. URL: <https://www.rostec.ru/news/rossiya-i-indiya-75-let-druzhyby/>

⁵ Двусторонние отношения: Индийско-российские отношения. URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/bilateral-relations-india-russia.php>

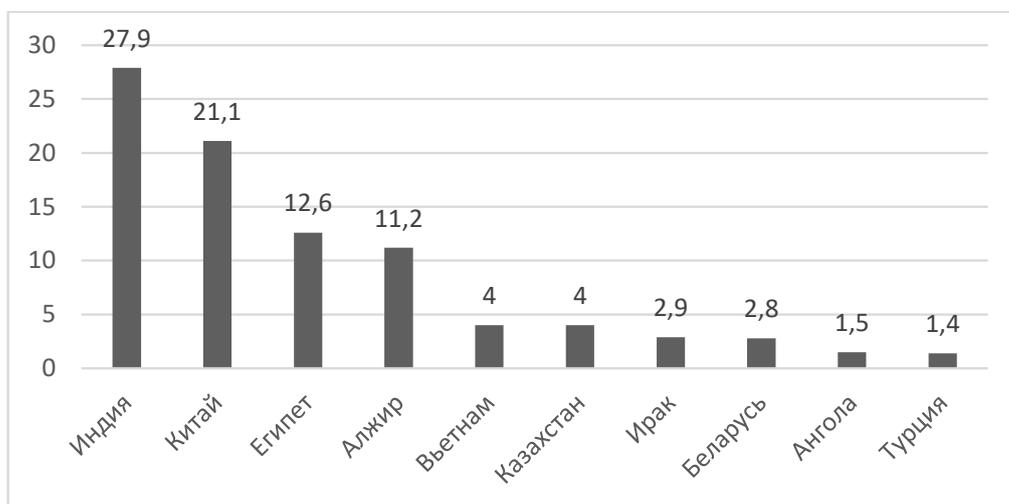

Рис. 1 / Fig. 1. Страны, импортирующие российское оружие (2017–2021; %) /
The countries importing Russian arms (2017–2021; %)

Источник / Source: Stockholm International Peace Research Institute.

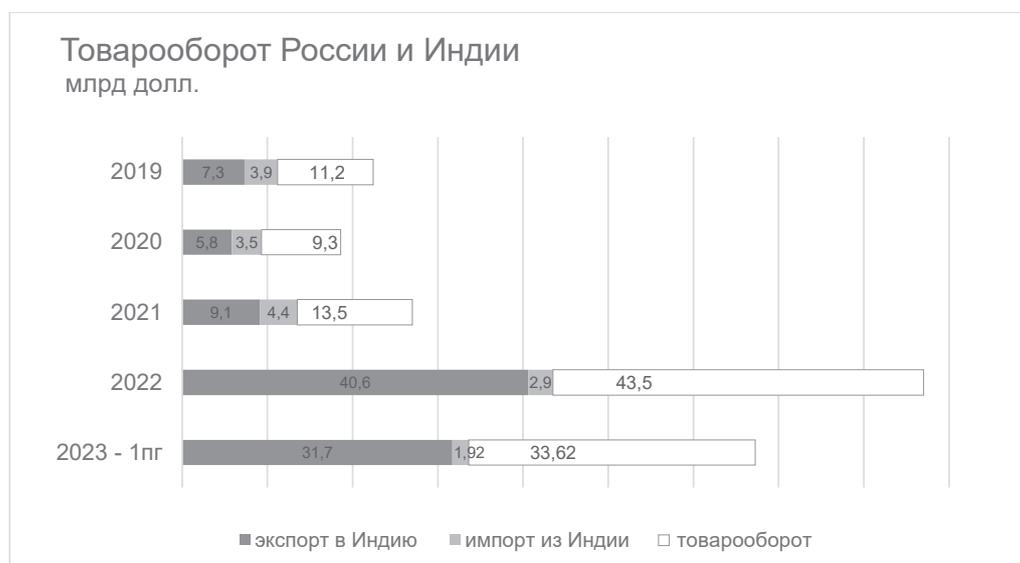

Рис. 2 / Fig. 2. Товарооборот России и Индии (2019–2023 гг.; млрд долл.) /
Trade turnover between Russia and India (2019–2023; billion USD)

Источник / Source: URL: <https://comtrade.un.org>

вых оборонных технологий и систем [6]. Страны отметили успешное осуществление программы военно-технического сотрудничества (ВТС) 2011–2020 гг.⁶ и подписали соглашение о программе ВТС с 2021 по 2031 г.⁷

«Стороны еще раз заявили о своем намерении укрепить оборонное сотрудничество, в том числе

содействовать совместной разработке и производству военной техники, компонентов и запасных частей, совершенствовать систему послепродажного обслуживания и двигаться к взаимному признанию контроля качества и регулярным совместным учениям вооруженных сил двух стран», — отмечено в совместном заявлении⁸.

Важно учесть, что обе страны являются крупными ядерными державами. Например, две поставки

⁶ Россия и Индия подписали соглашение о программе ВТС на 2021–2031 гг. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/13123683>

⁷ Fleurant A., Wezeman P.D., Wezeman S.T., Nan T. Trends in International Arms Transfers, 2016. SIPRI Fact Sheet; 2017. 12 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf>

⁸ Совместное заявление по итогам XXI российско-индийского саммита «Россия — Индия: партнерство во имя мира, прогресса и процветания». URL: <http://kremlin.ru/supplement/5745>

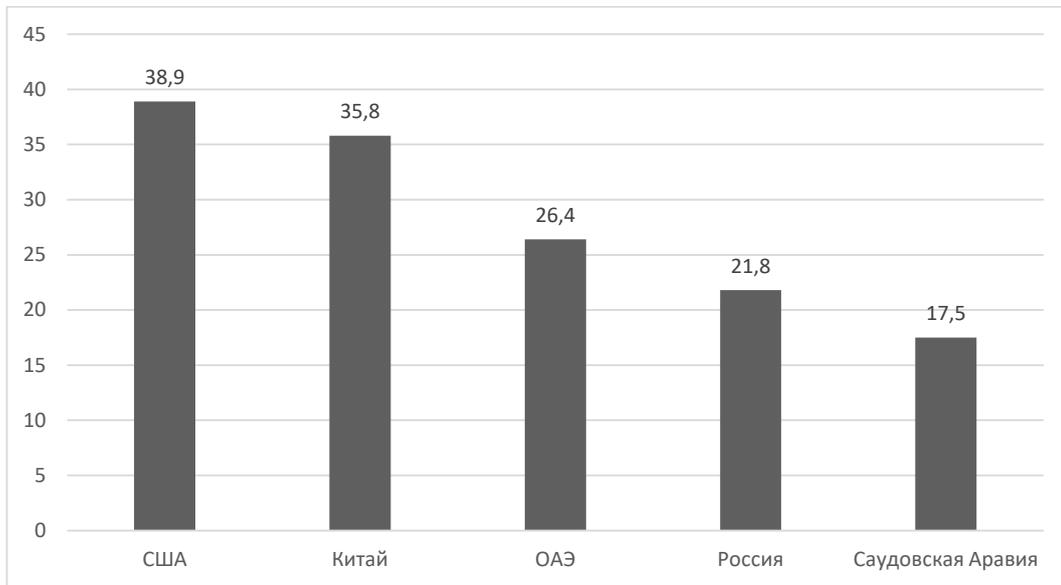

Рис. 3 / Fig. 3. Крупнейшие торговые партнеры Индии (январь–апрель 2023 г.; млрд долл.) / India's Top Trading Partners (January–April 2023; USD billion)

Источник / Source: BCS Express. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/tovarooborot-rossii-i-indii-v-ianvare-aprele-2023-goda-vyros-pochti-vchetvero>

урана из России в Индию составили: 1,77 тыс. т урана на сумму 101,6 млн долл. (9,3 млрд руб.) в 2019 г.; объемом в 118 т на сумму 13,5 млн долл. (1,2 млрд руб.) в июне 2023 г.⁹ По мнению исследователей Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), правительство Индии крайне редко публикует информацию и делает публичные заявления о закупке и целях применения урана [5].

Вспомним тот факт, что по инициативе правительства Индии в стране в 2014 г. запущена программа «Make in India» для увеличения темпов роста промышленности до 12–14% в год¹⁰, а также увеличения производственного сектора в ВВП до 25% к 2022 г. (продлена до 2025 г.) и создания более 100 млн дополнительных рабочих мест. Значительное место в Make in India отведено военно-промышленному комплексу. В программе по развитию ВПК закреплена цель — повышение доли производимых в Индии компонентов закупаемых вооружений с 10 до 50%. С чем связана именно такая цель? Это объясняется тем, что Индия, претендующая на роль, как минимум, региональной державы, не

может полагаться только на поставки вооружений из-за рубежа, поскольку настоящие международные политические и экономические отношения нестабильны, даже «аполитичная» Индия должна полагаться на свое военное производство, развивая ВПК самостоятельно.

В рамках программы в соответствии с приказом Министерства оборонного производства (DDP) Министерство обороны Индии в 2017 г. установило 127 товаров, предпочтение при покупке которых отдается местным поставщикам [7]. Однако уже 21 мая 2020 г. правительство обязало закупающие организации 26 из 127 позиций закупать только у индийских поставщиков. Теперь это уже не рекомендация, а обязательство, установленное правительством Индии. Кроме того, закупки должны производиться независимо от стоимости покупки¹¹.

Важно учесть, что американские и британские производители и разработчики вооружений тоже готовы к совместной с индийскими партнерами разработке военной техники, т.е. к тому уровню взаимодействия, который является приоритетным для Индии с точки зрения достижения целей программы «Make in India». Также стоит сказать, что США своими поставками старается занять целую

⁹ Данные индийского министерства торговли и промышленности. URL: <https://tradedstat.commerce.gov.in/meidb/cntbrc.asp?ie=i>

¹⁰ McKinsey Global Institute. India's Labour Market: A new emphasis on gainful employment. Discussion paper. URL: <https://www.mckinsey.com/indias-labour-market-a-new-emphasis-on-gainful-employment.pdf>

¹¹ Sarkar M. Make in India: Defence Ministry reserves 26 items only for local defence companies. URL: <https://www.merisarkar.com/defence-news-india/make-in-india-defence-ministry-reserves-26-items-only-for-local-defence-companies/3106/?amp>

нишу БПЛА, импортируемых Индией [8]. Так, США 2 февраля 2024 г. одобрили поставку Индии 31 модульного разведывательно-ударного беспилотника Sky Guardian («Страж неба»), ракет «воздух — земля» Hellfire и другого оборудования на общую сумму 3,99 млрд долл. (365,5 млрд руб.), а компания Boeing объявила об открытии в Индии завода по сборке истребителей, оборонных вертолетов Apache или Chinook, а также о производстве F/A-18 Super Hornet. Однако Индия все же направляет военный импорт на диверсификацию поставщиков, поэтому не стремится отдавать США всю нишу поставок БПЛА¹².

Еще одной немаловажной причиной сокращения объема военно-торгового оборота между Россией и Индией являются тесные связи России и Китая, которые негативно сказываются на позициях России на индийском рынке вооружений. Противостояние Индии и Китая накладывает определенный отпечаток на российско-индийские отношения. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, что Запад пытается втянуть Индию в антикитайские игры, продвигая индо-тихоокеанские стратегии, и ослабить партнерские, стратегические отношения России с Индией¹³. Так, в журнале International Affairs «India's multi-alignment management and the Russia-India-China» США определяется как более позитивный партнер для Индии, а Китай, наоборот, как все более враждебный игрок [9].

Одной из главных причин, влияющих на развитие торгового сотрудничества России и Индии в военно-технической сфере, является начало специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г.

Несмотря на то, что Индия заняла сдержанную позицию в данном вопросе и не присоединилась к санкциям против России, с высокой долей вероятности можно предположить, что страны Запада будут предпринимать попытки повлиять на индийскую позицию, в том числе в отношении закупок Индией российских вооружений. В свою очередь Россия, успешно выдерживающая санкционное «давление» Запада, стремится к расширению новых путей сотрудничества на Востоке — лидирующие позиции в этом вопросе занимают Китай и Индия [3].

Очевидно, что индийское руководство будет действовать исходя в первую очередь из интересов обеспечения обороноспособности страны. Так, в 2020 г. Индия выделила средства на приобретение у России 21 нового самолета МиГ-29¹⁴ (наряду с модернизацией 59 состоящих на вооружении МиГ-29), 12 — Су-30МКИ, 10 вертолетов радиолокационного дозора Ка-31, зенитных ракетных установок С-400 (завершение поставок намечено на первую половину 2025 г.) и др. [5].

Стоит отметить, что в середине апреля 2022 г. Индия неожиданно приняла решение отказаться от планов по закупке 48 российских вертолетов Ми-1746; формально решение было принято в целях поддержки программы «Make in India» и задолго до начала конфликта, однако это никак не объясняет непоследовательности такого решения. Стоит отметить, что Россия, которая в настоящее время де-факто противостоит коллективному Западу и военно-политическому блоку НАТО, готова продолжать поставки оружия в рамках как ранних договоренностей, так и возможных новых соглашений.

На международном военно-техническом форуме «Армия-2023» представлено современное оружие России, такое как: складной дрон-разведчик «Гром», боевой дрон «Аква-22», дрон-разведчик «Шершень», дрон-бомбардировщик «Гранат», боевой робот «Маркер», робот-сапер «Шмель», комплекс разведки «Пенициллин», снайперская винтовка «Астарта», боевой вертолет Ми-28НМ и обновленный разведывательно-ударный Ка-52М, многофункциональный мобильный комплекс (ММК) «Рать», БМП «Курганец-25», оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер-М». Эти данные говорят об активном развитии ВПК России, которое в большей мере направлено на разработку беспилотных аппаратов и роботов с использованием искусственного интеллекта, что показывает высокую вовлеченность инноваций в процесс производства. Стоит отметить, что по заявлению Минобороны РФ главной целью мероприятия является обеспечение обороны и безопасности государства, т.е. выставка ориентирована не на внешнюю торговлю, а на привлечение инвестиций в отрасль. Так, Минобороны РФ заключило контрактов на 400 млрд руб.,¹⁵

¹² Boeing all for made-in-India F-18s fighter jets for IAF. URL: <https://www.hindustantimes.com/business/boeing-all-for-made-in-india-f-18s-fighter-jets-for-iaf/story-meDpNjskKl2560VZWZHMWJ.html>

¹³ Из заявления Министра иностранных дел РФ С. Лаврова на открытии 2021–2022 уч. г. в МГИМО. URL: <https://ria.ru/20210901/lavrov-1748129701.html>

¹⁴ Минобороны Индии одобрило закупку 21 истребителя МиГ-29 у России. URL: <https://ria.ru/20200702/1573803497.html>

¹⁵ МО РФ на форуме «Армия-2023» заключило госконтракты на сумму более 400 млрд руб. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/18522625>

а Новикомбанк (опорный банк Госкорпорации «Ростех») подписал соглашения с предприятиями и организациями промышленности на общую сумму более 300 млрд руб.¹⁶

Несмотря на успешное развитие ВПК России для обеспечения собственной обороноспособности военная промышленность России во многом работает и на экспорт. В настоящее время разрабатывается новый перспективный самолет Су-75 одномоторный, который рассчитан исключительно на внешнюю торговлю и не предусматривает работу в ВС РФ, то есть оборонная промышленность России во многом работает именно на экспорт.

ВЫВОДЫ

Анализ ситуации на мировом рынке вооружений и политических интересов России и Индии позволил определить перспективные направления развития военно-технического сотрудничества между странами. В современных условиях Россия активно развивает оборонную промышленность, внедряя инновационные разработки и совершенствуя существующие образцы военной техники. Однако экспорт вооружений на международный рынок осуществляется в ограниченном объеме. Такая стратегия обусловлена

¹⁶ Новикомбанк на форуме «Армия-2023» заключил соглашения на 300 млрд руб. URL: <https://novikom.ru/press-center/news/novikombank-na-armii-2023-zaklyuchil-soglasheniya-na-300-mlrd-rublej/>

сложной геополитической обстановкой, в связи с чем российский ВПК сосредоточен на укреплении обороноспособности страны. При этом Россия воздерживается от поставок наиболее передовых разработок, что позволяет сохранять технологическое преимущество и уникальность военно-технического потенциала [3].

Индия, в свою очередь, демонстрирует потребность в современных вооружениях и не заинтересована в приобретении устаревших образцов военной техники. Военно-техническое сотрудничество с Индией представляет значительный интерес для России. Помимо существенной экономической выгоды от экспорта вооружений Россия получает возможность контролировать технические разработки, находящиеся в распоряжении индийской стороны, как посредством прямых поставок, так и через лицензионное производство. Для сохранения позиций ведущего поставщика вооружений для Индии России необходимо активизировать разработку экспортных образцов вооружения и предлагать привлекательные условия для заключения новых лицензионных соглашений. Особую значимость приобретает программа «Make in India», инициированная премьер-министром Нарендрой Моди и направленная на создание рабочих мест и сокращение оттока иностранной валюты. В рамках этой программы Индия стремится стать глобальным производственным центром, что открывает дополнительные возможности для развития двустороннего сотрудничества в военно-технической сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ревенко Н.С. Экономические аспекты военно-технического сотрудничества России со странами Азии и Ближнего Востока. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017;9:59-72. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1940>
2. Валуева И.А. Коновалова Ю.А. Военно-техническое сотрудничество двух региональных держав: новые вызовы для России и Индии. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2018;26(1):28-37. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-28-37
3. Рязанцева И.И. Современное состояние военно-технического сотрудничества Индии и США. *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2018;3(99):196-204. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-3-196-204
4. Власов Г.Д. Индийский рынок вооружений: история и перспективы. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022;15(2):154-172. DOI: 10.31249/kgf/2022.02.08
5. Спартак А.Н. Приоритезация Индии как торгово-экономического партнера России. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023;10:7-38. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-7-38
6. O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle. *International Affairs*. 2021;97(3). DOI: 10.1093/ia/iiab036
7. Лихачев К.А. Особенности политики правительства Индии в сфере экспорта вооружений в контексте реформирования военно-промышленного комплекса. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2024;24(1):92-106. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-92-106
8. Волынчук А.Б. Особенности военно-технического сотрудничества России и Индии: динамика, риски и перспективы партнерства. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2024;26(3):94-115. DOI:10.24866/1813-3274/2024-3/94-115

9. Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;7:7-29. DOI: 10.24412.2072-8042-2022-7-7-29

REFERENCES

1. Revenko N.S. Economic aspects of military-technical cooperation between Russia and the countries of Asia and the Middle East. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2017;9:59-72. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1940> (In Russ.).
2. Valueva I.A. Konovalova Yu.A. Military-technical cooperation between the two regional powers: New challenges for Russia and India. *Bulletin of the RUDN University. Series: Economics*. 2018;26(1):28-37. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-28-37
3. Ryazantseva I.I. The current state of military-technical cooperation between India and the USA. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2018;3(99):196-204. (In Russ.). DOI: 10.21686/2413-2829-2018-3-196-204
4. Vlasov G.D. The Indian arms market: History and prospects. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2022;15(2):154-172. (In Russ.). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.08
5. Spartak A.N. Prioritization of India as a trade and economic partner of Russia. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2023;10:7-38. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-7-38
6. O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle. *International Affairs*. 2021;97(3). (In Russ.). DOI: 10.1093/ia/iiab036
7. Likhachev K.A. Specifics of the Indian government's policy in the field of arms exports in the context of reforming the military-industrial complex. *Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations*. 2024;24(1):92-106. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-92-106
8. Volynchuk A.B. Features of military-technical cooperation between Russia and India: Dynamics, risks and prospects of partnership. *Asia-Pacific region: Economics, politics, law*. 2024;26(3):94-115. (In Russ.). DOI:10.24866/1813-3274/2024-3/94-115
9. Spartak A.N. Transition to a new World economic order: Stages, key features, challenges and solutions for Russia. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2022;7:7-29. (In Russ.). DOI: 10.24412.2072-8042-2022-7-7-29

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Pavel S. Seleznyov — Dr. Sci. (Pol.), Assoc. Prof., Dean of the Faculty of International Economic Relations, Prof. of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>
PSeleznev@fa.ru

Каринэ Артуровна Татулян — студентка факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Karine A. Tatulyan — Student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0002-6075-8369>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

230619@edu.fa.ru

Карина Ринатовна Гафурова — студентка факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Karina R. Gafurova — Student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0006-7047-8722>

230621@edu.fa.ru

Заявленный вклад авторов:

П.С. Селезнев — руководство исследованием, методология, редакция итоговой статьи.

К.А. Татулян — формулировка научной проблемы, сбор данных, статистический анализ данных, написание итогового текста статьи.

К.Р. Гафурова — сбор данных, интерпретация и визуализация данных, написание итогового текста статьи.

Authors` contributions:

P.S. Seleznev — research management, methodology, editing of the final article.

K.A. Tatulyan — formulation of the scientific problem, data collection, statistical data analysis, writing the final text of the article.

K.R. Gafurova — data collection, data interpretation and visualization, writing the final text of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.05.2025; принята к публикации 01.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 29.05.2025; accepted for publication on 01.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-57-64
УДК 159.9:005.32(045)

Модели соотношения корпоративной и индивидуальной идентичности

Н.С. Пряжников, Е.В. Камнева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются варианты соотношения корпоративного и индивидуального имиджа в сознании работника. Нередко у работника возникают противоречия между собственным видением личного имиджа и имиджа организации (или коллектива), в которой он работает. Это порождает сложности, связанные с утратой профессиональной идентичности, рисками профессиональных деструкций, а также с ошибочными кадровыми решениями, если имидж работника основан не на деловых успехах, а на ложной оценке его реальной квалификации и сомнительных личностных характеристиках. В связи с этим авторами уточнено само понятие «имидж» и выделены его компоненты; предлагается обобщенная модель соотношения индивидуального и корпоративного имиджа, основанная на учете принятия или неприятия конкретным работником своего имиджа и имиджа своей организации, что позволяет выделить четыре основных статуса: статус «чужой» для работника в организации; гармоничный; внешнего и внутреннего конфликта идентичности работника; когда сам работник воспринимает себя как «чужого» в организации. По каждому из этих статусов предлагаются обобщенные рекомендации: варианты управленческих решений для руководителей, имеющих дело с «дезориентированными» в имиджах работниками; варианты карьерных действий для работников, стремящихся либо сохранить свои «гармоничные» статусы, либо старающихся разрешить свои противоречия между индивидуальным и корпоративным имиджем.

Ключевые слова: индивидуальный и корпоративный имидж работника; статусы имиджа; принятие или неприятие имиджа на личностном уровне

Для цитирования: Пряжников Н.С., Камнева Е.В. Модели соотношения корпоративной и индивидуальной идентичности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):57-64. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-57-64

ORIGINAL PAPER

Models of the Relationship Between Corporate and Individual Identity

N.S. Pryazhnikov, E.V. Kamneva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article discusses options for the relationship between corporate and individual images in the minds of an employee. The very understanding of “image” is clarified and its components are highlighted. The main problem, as seen by the authors of this article, is that often an employee has contradictions between his own vision of his image and the image of the organization (or team) in which he works. This gives rise to difficulties associated with the loss of professional identity, the risks of professional destruction, as well as erroneous personnel decisions if the employee’s image is not based on business success, but on a false assessment of his real qualifications and dubious personal characteristics. A generalized model of the relationship between individual and corporate image is proposed, based on taking into account the acceptance or rejection by a specific employee of his image and the image of his organization, which allows us to distinguish four main statuses: the status of “alien” for an employee of the organization; harmonious status; the status of the employee’s external and internal identity conflict; status when the employee himself perceives himself as an “alien” in the organization. For each of these statuses, generalized recommendations are offered: options for management decisions for managers dealing with employees who are “disoriented” in their images; options for career actions for employees seeking to either maintain their “harmonious” statuses, or trying to resolve their contradictions between their individual and corporate image.

Keywords: individual and corporate image of the employee; image statuses; acceptance or non-acceptance of the image at the personal level

For citation: Pryazhnikov N.S., Kamneva E.V. Models of the relationship between corporate and individual identity. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):57-64. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-57-64

ВВЕДЕНИЕ

Проблема имиджа активно обсуждается в научной литературе. Корпоративный и индивидуальный имидж зависят не только от различных факторов, но и влияют на деловую эффективность и производительность организации [1]. Корпоративный имидж во многом обуславливает успех подбора персонала. В научной литературе он определяется как набор убеждений соискателей работы относительно атрибутов организации. Сотрудники приносят в работу множество различий: взгляды, личности и ценности, восприятие ситуаций, реакция на стресс и методы решения проблем [2].

Само понятие «имидж» имеет много синонимов, а также его часто связывают с «репутацией», с «доверием», с «авторитетом» работника. В данной статье не ставится задача уточнения соотношения между этими понятиями, поскольку многое определяется имеющимися на данный момент традициями использования этих терминов в определенных контекстах. Например, А. Шабельник опубликовал статью с символическим названием «Имидж и репутация — две большие разницы», где он указывает на различие имиджа и репутации, отмечая, что репутация складывается уже в процессе позиционирования имиджевого объекта в той или иной системе координат, в том или ином контексте¹. Но все же в статье сделана попытка обозначить специфику имиджа по отношению к наиболее близкому понятию репутации. Традиционно термин «имидж» используют применительно и к конкретным людям, и к организациям. А термин «репутация» чаще используют применительно к людям. Хотя и обозначенное нами различие не абсолютно, но в дальнейшем мы будем придерживаться этих различий.

ПРОБЛЕМА И АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМИДЖА

Часто имидж рассматривается как некий привлекательный образ в глазах своих партнеров или конкурентов² [2–8]. Также имидж связывают с репутацией работника, с его лидерскими качествами или даже с харизмой [4; 9]. А президент Лиги профессиональных имиджмейкеров В.М. Шепель отмечает, что в самом общем виде имидж — это «умение нравиться людям», умение производить на

них нужное впечатление³. При этом сам имидж может основываться на реальных и даже объективных характеристиках деятельности или каких-то качествах работников, но имидж может быть и ложным, созданным искусственно, когда человека, даже не обладающего ценными деловыми качествами, научили успешно презентовать себя [2]. Подобным образом и организации, которые не очень эффективны и чья продукция низкого качества, с помощью успешных пиар-технологий или путем недобросовестной рекламы, могут повышать свой имидж в глазах потребителей и власти. Политологи все чаще отмечают, что такие технологии (включая и «черный пиар», направленный на дискредитацию конкурентов) используются и в большой политике. Проблема имиджа осложняется еще и тем, что связана с субъективным отношением к человеку или к организации, и эта субъективность не всегда основана на зрелых оценках людей и, соответственно, часто бывает подвержена случайным (или целенаправленным) воздействиям на представления о тех или иных работниках, руководителях или организациях, что может приводить к разнообразным ошибкам, связанным и с неудачными кадровыми назначениями, и с выбором ненадежного партнера как в самих организациях, так и во внешних контактах. Но также это порождает и проблемы, связанные с неверной оценкой своего реального уровня мастерства у конкретных работников и руководителей, что выражается в искаженной профессиональной и личностной идентичности, а в крайних случаях и в прогрессирующих профессиональных деструкциях [10, 11].

Имидж нередко отражает и статус конкретного работника в коллективе, и статус организации в той или иной сфере производства. Усилия, направленные на повышение своего статуса, нередко определяют главный смысл деятельности руководства, коллективов, конкретных работников и различных специалистов: «имиджмейкеров», психологов, социологов и т.п.

Часто авторы разделяют деловой имидж на два основных типа: индивидуальный имидж, связанный с деловыми и личностными характеристиками конкретного работника, и корпоративный имидж, отражающий степень доверия к данной организации в деловой среде и в глазах потребителей [9]. Иногда к основным типам добавляют:

- *функциональный имидж* (конкретизируемый в «зеркальном» имидже, связанном с готовностью

¹ URL: <https://www.sostav.ru/articles/2002/03/25/pr250302/>

² Жижина М.В. Психология имиджа. Саратов: Наука, 2016. 281 с.; 3. Логинова А.К. Имиджология — СПб.: Лань, 2024.

³ Шепель В.М. Имиджология. М.: Народное образование, 2002. 254 с.

работника к рефлексии, в «текущем» имидже, отражающем готовность человека увидеть внешние оценки о себе, и в «желаемом» имидже, как некий идеал, к которому следует стремиться);

- *контекстный имидж* (основанный на учете конкретных условий взаимодействия с партнерами) и сопоставительный имидж (когда есть возможность сравнивать и выбирать для себя наиболее подходящих партнеров).

И уже здесь возникает *главное противоречие*: не всегда имидж конкретного работника совпадает с имиджем коллектива, в котором он работает, и тем более с имиджем его «родной» организации. Это порождает, с одной стороны, недовольство руководства, считающего, что этот работник «не соответствует оказанному ему доверию» (не обладает требуемой квалификацией, авторитетом или другими требуемыми и ожидаемыми от специалиста характеристиками), а с другой стороны, сам работник может испытывать дискомфорт, если считает, что организация «не соответствует ему» самому (что нередко побуждает к поиску иного места работы и т.п.). Осознание этих проблем позволяет нам сформулировать основные задачи исследования: 1) уточнить соотношение индивидуального и корпоративного имиджа на понятийном уровне; 2) выделить возможные варианты (статусы) соответствия и несоответствия имиджа организации и конкретного работника; 3) ориентировочно наметить варианты управленческих решений при явном несоответствии индивидуального и корпоративного имиджа; 4) определить основные стратегии карьерного поведения работника, переживающего из-за явного несоответствия своего индивидуального имиджа и имиджа своей организации (или коллектива).

БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ СООТНОШЕНИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ ИДЕНТИЧНОСТИ

Условно можно выделить следующие *основные подтипы корпоративного имиджа*: 1) внешний имидж включает: имидж бренда и выпускаемой продукции; представление людей о характеристиках предлагаемых продуктов и услуг; особенности основных потребителей товаров, их социальный статус и финансовое положение; 2) внутренняя составляющая корпоративного имиджа отражает: оценку действий и компетентности управляющего персонала; визуальный имидж компании предполагает оценку офиса, интерьера, фирменной символики и дресс-кода сотрудников.

Исследовательский центр International Reputation Institute под руководством Ч. Фомбруна вы-

делил шесть основных компонентов имиджа организации: 1) эмоциональная привлекательность компании, отражающая гордость, приверженность своей фирме; 2) качество продукции и услуг; 3) финансовые показатели, отражающие стабильность фирмы и социальные гарантии для работников; 4) лидерство на рынке; 5) привлекательные условия работы; 6) социальная ответственность фирмы, ее сопричастность общественным интересам через благотворительность, экологические программы и т.п. [9; 12].

Также можно выделить специфические *подтипы индивидуального имиджа работника*, в частности: 1) внешний вид человека (включая дресс-код и варианты чрезмерной заботы о своей внешности); 2) «средовый имидж» (люди, с которыми человек общается; жилище, офис/кабинет, личный автомобиль, варианты досуга и отдыха); 3) формальные характеристики (должность, уровень образования, опыт и стаж работы, социальная (а иногда и национальная) принадлежность данного человека, нередко проявляющаяся в произношении); 4) ментальный имидж (общая эрудиция, наличие своего мнения); 5) фоновый имидж (мнение о данном человеке других людей, включая его знакомых и родственников); 6) имидж в интернете, отражающий активность человека в сети.

Заметим также, что и для корпоративного, и для индивидуального имиджа можно было бы выделить и уровни развития каждого компонента (фактора) имиджа и даже определить общую логику возможного их развития в разных условиях деловой и житейской активности личности.

Сочетания разных подтипов корпоративного и индивидуального имиджа могут порождать как гармоничные, так и противоречивые варианты, осложняющие взаимодействие человека с окружающими (с коллегами, руководством, друзьями и родственниками), а также разрушающие его собственную идентичность и «Я-концепцию», если эти противоречия носят слишком выраженный характер. А если еще учитывать и разный, изменчивый характер тех или иных компонентов имиджа, о чем было сказано выше, то получается довольно сложная картина. В реальной жизни и трудовой деятельности люди часто опираются при оценке имиджа и его противоречий на свой опыт и интуицию, хотя нередко при этом и ошибаются. Подробный анализ всех возможных сочетаний этих составляющих индивидуального и корпоративного имиджа не входит в нашу задачу и требует дополнительных исследований. Но мы можем выделить обобщен-

ную модель таких соотношений и, уже опираясь на эту модель, выстраивать более конкретные линии анализа проблемы. Также использование более обобщенных моделей имеет и такое преимущество, как возможность видеть общую картину, выделять сущность тех или иных противоречий, вместо того, чтобы безнадежно «закапываться» во множестве мелких вопросов (о влиянии малозначимых факторов и учете множества условий).

Как уже отмечалось, реально можно выделять разные типы и уровни как для корпоративного, так и для индивидуального имиджа. И здесь очень важно принятие работником на личностном уровне собственного имиджа или имиджа своей организации, с соответствующей гордостью (если имидж высокий и непротиворечивый), или же с соответствующими переживаниями, если имидж (свой и корпоративный) вызывает на личностном уровне работника какие-то сомнения. Если у конкретного человека (или у целых коллективов) нет серьезных оснований для того, чтобы гордиться собой или своей организацией, то у них часто возникает чувство ущемленного достоинства. Это недовольство может стимулировать работников к развитию себя и своей деятельности, т.е. стремление к определенному идеалу, на основе чего чувство собственного достоинства возрастает. Либо такие огорчения могут приводить к отчаянию, апатии или социально сомнительным поступкам (например, предательство своей фирмы, своей профессии или отказ от самого себя, от своей культуры, своей веры). Заметим, что часто именно «чувство собственного достоинства» рассматривается некоторыми авторами как «первичное благо», лежащее в основе многих карьерных и личностных выборов [13, с. 385]. На наш взгляд, важными факторами развития такого достоинства являются и авторитет работника, и его репутация, и его имидж, а также его чувство сопричастности к тем организациям, в которых не стыдно работать, или к тем проектам, в которых не стыдно участвовать.

Вероятно, на этом основаны усилия конкурентов по переманиванию ценных работников из одних подразделений в другие, или из одних организаций — в другие, более престижные. Можно даже предположить, что это относится и к переманиванию местных элит на уровне целых государств, особенно если эти элиты чувствуют свою ущербность по сравнению с элитами более «престижных» (рейтинговых, имиджевых) государств. Недаром именно представители элиты (включая и преподавателей университетов, и представителей студенчества) часто оказываются главным объектом «промыывания мозгов» и вербовки

со стороны представителей спецслужб враждебных государств через всякие «престижные» гранты, фонды, именные стипендии и т.п. Можно предположить, что в группу подобного риска входят и некоторые представители руководства отдельных организаций и управленческих структур, считающих, что их явно недооценили в родных учреждениях, и надеющихся получить большее признание у своих недавних конкурентов или врагов.

Таким образом, выделение главного противоречия, вместо бесконечного «погружения» в малозначительные факторы и условия, позволяет, на наш взгляд, концентрировать усилия на наиболее существенных вопросах. Также это позволит не совершать многих ошибок, когда на фоне высокой активности упускается что-то более важное. При этом если держать в фокусе внимания сущностные моменты, то на этой основе можно переходить и к более частным исследованиям, когда и корреляционные исследования, и разработка каких-то образовательных или управленческих проектов будет осуществляться в контексте верно выбранного вектора работы. И тогда уже важной становится задача построения обобщенной модели противоречий корпоративного и индивидуального имиджа.

Такую модель, можно построить на пересечении двух основных координат: 1) принятие или непринятие работником на личностном уровне своего имиджа, когда он рассматривается работником как справедливый и приемлемый для него; 2) принятие или непринятие работником на личностном уровне имиджа своей организации (коллектива, профессии и т.п.), когда этот имидж считается достойным того, чтобы в этой организации (коллективе) работать с чувством собственного достоинства. Данная модель представлена на *рисунке*. Понятно, что само это принятие или непринятие во многом зависит от готовности работника рефлексировать свою деятельность честно и умело, т.е. от готовности быть полноценным субъектом. Соответственно, если субъектность не развитая, то ошибки и противоречия между видением своего индивидуального и корпоративного имиджа только усугубятся. И это уже предполагает учет уровня развития у личности такой субъектности, что, к сожалению, не входит в задачи данного нашего исследования и в нашей модели не отражено. Хотя в ходе беседы с таким работником можно быстро определить, насколько он готов к объективному (честному и квалифицированному) оцениванию имиджа и его разных компонентов, а также, насколько он готов обосновывать их противоречия или соответствия.

Рис. / Fig. Общая модель разных статусов соотношения принятия работником своего индивидуального имиджа и имиджа своей организации / The general model of different statuses is the ratio of an employee's acceptance of his individual image and the image of his organization

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Варианты управленческих решений при несовпадении индивидуальной и корпоративной идентичности

На основании предложенной модели соотношения корпоративного и индивидуального имиджа по всем возможным четырем выделенным статусам можно предложить в обобщенном виде основные варианты управленческих решений для руководителей, имеющих дело с сотрудниками, испытывающими трудности в случае сильного рассогласования этих имиджей. По выделенным статусам можно предложить варианты карьерного поведения для работников, если сами они осознают эти противоречия, осложняющие их жизнь и трудовую деятельность.

Варианты управленческих решений для руководителей

1. При статусе «чужой» для работника организации рекомендуется:

1) мероприятия по приобщению сотрудников к корпоративной культуре, повышению у них чувства сопричастности и лояльности, включая и приобщение к управлению организацией через развитие системы «психологических контрактов», через соучастие в управлении организацией и т.п.;

2) консультация у специалистов по планированию более привлекательных карьерных перспектив для данного сотрудника в рамках данной организации (включая и повышение квалификации и т.п.);

3) «мягкое» увольнение сотрудника (по возможности с поиском для него новой работы, чтобы у работника не оставалось чувства обиды, что важно для повышения имиджа организации и руководства в глазах оставшихся сотрудников).

2. При гармоничном статусе: 1) укрепление положительного образа организации через усиление принципа справедливости по отношению к старательным работникам; 2) укрепление положительного имиджа самого работника через расширение для него возможностей творческой самореализации; 3) не вмешиваться в ситуацию.

3. При статусе внешнего и внутреннего конфликта идентичности работника: 1) создание условий для развития и самореализации имеющегося потенциала работника через повышение квалификации или его перемещение на более привлекательную работу; 2) мероприятия по изменению образа организации через приобщение работника (желательно и коллектива, где он работает) к ценностям корпоративной культуры данной организации; 3) «мягкое» увольнение работника.

4. При статусе, когда работника воспринимают как «чужого» для данной организации и он сам это чувствует, хотя к самой организации претензий не имеет: 1) профконсультация с целью подбора более подходящего места работа в рамках данной организации, но с учетом реальных компетенций и личностных характеристик работника; 2) помощь и стимулирование работника к повышению квалификации и занятию более привлекательных должностей в организации; 3) «мягкое» увольнение в случае, если работник не проявляет активности по адаптации к данной организации.

Предложенные варианты носят очень обобщенный характер и не учитывают множества конкретных обстоятельств, имеющих в реальной трудовой деятельности и деловых отношениях. Например, иногда руководители идут на компромисс с сотрудниками, по некоторым параметрам явно несоответствующим существующим в компании требованиям. Но обычно это касается не существенных моментов работы, а каких-то особенностей поведения отдельных специалистов (вольностей по дресс-коду, частых опозданий и т.п.). Обычно это касается тех, кто проявляет высочайшее творчество и самоотверженность в своем деле. А некоторые «поблажки» иногда даже подчеркивают «особый» статус данной организации, и, как ни парадоксально, даже иногда повышают ее имидж как организации «демократичной», «справедливой» по отношению к старательным специалистам и т.п.

Особый статус неординарного человека (при условии, что это ценный и даже незаменимый работник) несколько расширяет привычные представления о деловом имидже и, в каком-то смысле, создает его новые образы.

Варианты карьерных шагов для работников

1. При статусе «чужой» для работника организации: 1) выходить к руководству с предложениями по подбору другой работы, где работник мог бы проявить себя более творчески; 2) повышение квалификации или переобучение (без отрыва от производства); 3) обращение к местным организационным консультантам (коучам) со своей проблемой; 4) увольнение, желательно с предварительным подбором вариантов другой работы.

2. При гармоничном статусе: 1) не вмешиваться в ситуацию; 2) упреждающим образом повышать квалификацию, расширять свой кругозор; 3) по согласованию с руководством браться за более творческие задачи, не останавливаться на достигнутом,

так как именно деловая пассивность («успокоенность достигнутым») часто становится причиной серьезных профессиональных деструкций [10].

3. При статусе внешнего и внутреннего конфликта идентичности работника: 1) пересмотреть свое отношение к себе, к своей работе и к своей организации (при условии, что работник готов к такой профессиональной рефлексии); 2) обратиться за помощью к местным организационным психологам (коучам) с целью построения новых карьерных перспектив в данной организации; 3) увольнение, желательно с предварительным подбором вариантов другой работы.

4. При статусе, когда работника воспринимают как «чужого» для данной организации и он сам это чувствует, хотя, к самой организации претензий не имеет: 1) откровенный разговор с руководителем или с уважаемым лидером своего коллектива с целью помощи со стороны коллектива в изменении своего статуса; 2) обращение за помощью и советом к организационным консультантам (психологам, коучам) в данной организации или в специализированные карьерные центры; 3) по возможности, предложение руководству своего проекта, где бы данный работник мог реализовать себя с большей пользой для организации и с интересом для себя; 4) увольнение, желательно с предварительным подбором вариантов другой работы.

ВЫВОДЫ

Предложенные варианты для работника не охватывают всех нюансов конкретных деловых отношений и специфики работы в реальных организациях, но они могут стать не только общим ориентиром в решении проблем несоответствия индивидуального и корпоративного имиджа, но и спровоцировать несогласие с какими-то вариантами. Опыт показывает, что на основе такого несогласия (и даже критики) нередко у руководителей и рядовых работников рождаются собственные идеи. В этих вопросах иногда бывает полезно от чего-то отказаться, а может быть, и чем-то пожертвовать, опираясь на собственный опыт. Это позволяет надеяться, что предложенная обобщенная модель и выделенные на этой основе статусы соотношения корпоративного и индивидуального имиджа для кого-то могут стать основой для более конкретных идей как по осмыслению этого соотношения, так и по разрешению возможных противоречий, в том числе и через построение собственных альтернативных моделей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on research conducted with the use of budget funds under a government assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Osman Z., Samad R.R., Alwi N.H., Khan B.N.A. Direct and indirect relationship of employee engagement, corporate image, employee loyalty, and business performance among private business organizations. *International Journal of Academic Research in Economics and Management and Sciences*. 2022;11(3):483–498. DOI: 10.6007/IJAREMS/v11-i3/14976
2. Adeel A., Asim M. Impact of socialization on employee's reputation. *International Journal of Human Resource Studies*. 2019;9(2):225–238. DOI: 10.5296/ijhrs.v9i2.14619
3. Гусева Т.Г., Садофьев А.А. Имидж и харизма как важнейшие инструменты лидера. *Вестник АГУ. Серия: Экономика*. 2019;4 (250):161–167. URL: <https://elibrary.ru/fppfwj>
4. Younis R.A.A., Hammad R. (2021) Employer image, corporate image and organizational attractiveness: The moderating role of social identity consciousness. *Personnel Review*. 2021;1(50);244–263. DOI: 10.1108/PR-02-2019-0058
5. Белобрагин В.В. Проблемы «Имиджологии в сервисе» в контексте социально-психологической науки. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2021;2(159):45–53. DOI: 10.17922/2071-5323-2021-20-2-45-53
6. Провоторова О.А. Современные методы формирования имиджа организации (учебной группы) как элемента маркетинговой стратегии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(S 1):110–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-с-110-113
7. Bain K., Hicks N. Building social capital and reaching out to excluded groups: The challenge of partnerships. CELAM meeting on The Struggle Against Poverty Towards the Turn of the Millenium, Washington D.C. 1997:241–258.
8. Nix J., Pickett J.T., Baek H., et al. Police research, officer surveys, and response rates. *Policing and Society*. 2019;29(5):530–550. DOI: 10.1080/10439463.2017.1394300
9. Почебут Л.Г., Чикер В.А., Захарова М.С. Доверие и репутация как компоненты когнитивного социального капитала организации. *Социальная и экономическая психология*. 2018;4(12):150–177. URL: <https://elibrary.ru/yorchb>
10. Александрова Ю.Ю., Миронова Е.В., Камнева Е.В., Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Перспективы развития и риски деформации профессиональной идентичности в условиях «цифровизации» трудового процесса. *Организационная психология*. 2023;4(30):213–235. DOI:10.17323/2312-5942-2023-13-4-213-235
11. Александрова Ю.Ю., Карловская Н.Н., Небродовская-Мазур Е.Ю., Пряжников Н.С. Морально-психологические основания для типологии деловой репутации в контексте развития профессиональной идентичности. *Мир психологии*. 2023;4(115):175–187. DOI: 10.51944/20738528_2023_4_175
12. Fombrun C., Van Riel C.B.M. *Fame and Fortune: How successful companies build winning reputations*. Financial Times Prentice Hall books; 2004. DOI: 10.1057/palgrave.crr.1540007
13. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 536 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003344755?ysclid=me2svp79xj466510867>

REFERENCES

1. Osman Z., Samad R.R., Alwi N.H., & Khan B.N.A. Direct and indirect relationship of employee engagement, corporate image, employee loyalty, and business performance among private business organizations. *International Journal of Academic Research in Economics and Management and Sciences*. 2022;11(3):483–498. DOI: 10.6007/IJAREMS/v11-i3/14976
2. Adeel A., Asim M. Impact of socialization on employee's reputation. *International Journal of Human Resource Studies*. 2019;9(2):225–238. DOI: 10.5296/ijhrs.v9i2.14619

3. Guseva T.G., Sadofiev A.A. Image and charisma as the most important tools of a leader. *Bulletin of ASU. Series: Economics*. 2019;4(250):161–167. URL: <https://elibrary.ru/fppfwj> (In Russ.).
4. Younis R.A.A., Hammad R. Employer image, corporate image and organizational attractiveness: The moderating role of social identity consciousness. *Personnel Review*. 2021;1(50):244–263. DOI: 10.1108/PR-02–2019–0058
5. Belobragin V.V. Problems of “Imagology in service” in the context of socio-psychological science. *Scientific notes of the Russian State Social University*. 2021;2(159):45–53. (In Russ.). DOI: 10.17922/2071-5323-2021-20-2-45-53
6. Provotorova O.A. Modern methods of forming the image of an organization (study group) as an element of a marketing strategy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(S 1):110–113. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-c-110-113
7. Bain K., Hicks N. Building social capital and reaching out to excluded groups: The challenge of partnerships. CELAM meeting on The Struggle Against Poverty Towards the Turn of the Millennium, Washington D.C. 1997:241–258.
8. Nix J., Pickett J. T., Baek H., et al. Police research, officer surveys, and response rates. *Policing and Society*. 2019;29(5):530–550. DOI: 10.1080/10439463.2017.1394300
9. Pochebut L.G., Chiker V.A., Zakharova M.S. Trust and reputation as components of the cognitive social capital of an organization. *Social and economic psychology*. 2018;4(12):150–177. URL: <https://elibrary.ru/yorchb> (In Russ.).
10. Alexandrova Yu.Y., Mironova E.V., Kamneva E.V., Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E. Y. Development prospects and risks of professional identity deformation in the context of the “digitalization” of the labor process. *Organizational psychology*. 2023;4(30):213–235. (In Russ.). DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-4-213-235
11. Alexandrova Yu.Y., Karlovskaya N.N., Nebrodovskaya-Mazur E. Yu., Pryazhnikov N.S. Moral and psychological foundations for the typology of business reputation in the context of professional identity development. *The world of psychology*. 2023;4(115):175–187. (In Russ.). DOI: 10.51944/20738528_2023_4_175
12. Fombrun C., Van Riel C.B.M. *Fame and Fortune: How successful companies build winning reputations*. Financial Times Prentice Hall books; 2004. DOI: 10.1057/palgrave.crr.1540007
13. Rawls J. *The theory of justice*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University; 1995. 536 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003344755?ysclid=me2svp79xj466510867> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Николай Сергеевич Пряжников — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Nikolay S. Prjazhnikov — Dr. Sci. (Pedagogical), Prof., Prof. of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-9909-7372>
nsp-22@mail.ru

Елена Владимировна Камнева — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena V. Kamneva — Cand. Sci. (Psychological), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-6165-1339>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
ekamneva@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.11.2023; принята к публикации 30.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.11.2023; accepted for publication on 30.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-65-79
УДК 330.101.54

Траектория экономического развития России: доктрины Фалина – Квицинского, Примакова и Караганова

И.И. Гринивецкий, С.Г. Капканщиков

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Севастополь, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена системной оценке политико-экономического и стратегического пути развития России. **Актуальность** статьи вызвана несовершенством долгосрочного, рационального и комплексного подходов в стратегическом целеполагании, накладывающем свой отпечаток на внешнюю и внутреннюю экономическую и политическую деятельность Российской Федерации. **В ходе анализа выявлено**, что успешная деятельность Правительства Е.М. Примакова вывела государство из глубочайшего экономического кризиса. Это создало фундамент для выстраивания последовательной внешнеполитической деятельности, опирающейся на столпы примаковской доктрины. При этом российские политические деятели не использовали «исторический шанс», позволяющий за счет нефтегазового сырья придать ускорение интенсификации и эволюции экономической системы страны. «Фиаско государства» привело к неутешительным экономическим результатам, что делает релевантным постепенное и грамотное применение «ядерной» доктрины Караганова. Можно говорить, что российская действительность сегодня такова: угрожаем доктриной Караганова, мечтаем о доктрине Примакова, а живем по доктрине Фалина-Квицинского.

Ключевые слова: стратегические ориентиры; экономическое развитие; доктрина Караганова; доктрина Примакова; доктрина Фалина – Квицинского; путь России; экономика Российской Федерации

Для цитирования: Гринивецкий И.И., Капканщиков С.Г. Траектория экономического развития России: доктрины Фалина – Квицинского, Примакова и Караганова. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):65-79. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-65-79

ORIGINAL PAPER

The Trajectory of Russia's Economic Development: The Doctrines of Falin – Kvitsinsky, Primakov and Karaganov

I.I. Grinivetsky, S.G. Kapkanschikov

The Branch Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russian Federation

ABSTRACT

The paper is devoted to the system analysis of political-economic and strategic path of Russia's development. The relevance of the article is caused by the lack of a long-term, rational and comprehensive approach in strategic goal-setting, which imposes its imprint on the external and internal economic and political activities of the Russian Federation. The analysis reveals that the successful activity of E.M. Primakov's Government was able to lead the state out of the deepest economic crisis. This created a foundation for building a consistent foreign policy activity based on the pillars of the Primakov doctrine. At the same time, Russian politicians did not use the «historical chance», which allowed them to give an impetus to the intensification and evolution of Russia's economic system at the expense of oil and gas resources. The «fiasco of the state» led to disappointing economic results, which makes the gradual and competent application of Karaganov's «nuclear» doctrine relevant. We can say that the Russian reality today is as follows: we threaten the Karaganov doctrine, we dream of the Primakov doctrine, and we live by the Falin-Kvitsinsky doctrine.

Keywords: strategic guidelines; economic development; Karaganov doctrine; Primakov doctrine; Falin – Kvitsinsky doctrine; Russia's Path; Economy of the Russian Federation

For citation: Grinivetsky I.I., Kapkanschikov S.G. The trajectory of Russia's economic development: The doctrines of Falin – Kvitsinsky, Primakov and Karaganov. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):65-79. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-65-79

ВВЕДЕНИЕ

Путь развития современной России является предметом дискурса многих отечественных и зарубежных научных деятелей. В национальных стратегических документах ставятся грандиозные цели и задачи, которые в перспективе должны привести к возрождению величия Российской Федерации. Выстраивая амбициозную внешнюю политику с глобальными ориентирами, российское государство стремится стать самобытной и суверенной опорой Евразии, что в соответствии с концепцией «Географическая ось истории» Х. Макиндера (1904) может сделать Россию «сердцем мира», биоритмы которого определяют жизнеспособность мирового политико-экономического организма [1].

Реструктуризация и реформация мировой политико-экономической и валютно-финансовой архитектуры подразумевает наличие определенных ресурсов, а также качественного симбиоза внутренней и внешней политики. При таком несколько «авантюрном» и глобальном целеполагании нужно учитывать все сферы общественной жизни и множество аспектов. Это затруднительно сделать в рамках одного конкретного документа, так как горизонт планирования и количество охватываемых сфер настолько велики, что отследить исполнение и оценить эффективность реализации по определенным показателям не представляется возможным. В этой связи разумным и **актуальным** видится использование доктринального подхода, отражающего идеолого-стратегические ориентиры развития государства и позволяющего системно рассмотреть и проанализировать успешность выбранной стратегии эволюции России. Релевантность исследований подтверждается наблюдениями А.А. Аузана, неоднократно отмечавшего, что «боязнь будущего» и неспособность грамотного долгосрочного планирования — фундаментальные проблемы России, не позволяющие ей закрепиться в когорте развитых стран [2].

В настоящей статье рассмотрены три разноплановые, но в то же время тесно связанные между собой доктрины, концептуально отражающие парадигму принимаемых стратегических инициатив: доктрина Караганова (ядерное сдерживание или устрашение), доктрина Примакова (прагматично-градуалистская самобытная внутренняя и равноправно-транспарентная многополярной внешней политике) и доктрина Фалина — Квицинского (нефтегазовое могущество).

Цель работы — анализ и оценка на основе доктринального подхода действующей траектории

развития Российской Федерации, а также предложение путей совершенствования социально-экономических и политико-стратегических механизмов отечественного преобразования. Для реализации намеченной цели в работе поставлены следующие **задачи**: выявить предпосылки избранного курса развития России, учитывая опыт советских экономико-политических преобразований; проанализировать и сравнить экономическую политику, имеющиеся ресурсы и способы распоряжения ими в Российской Федерации и СССР; оценить результаты внедрения «нефтегазовой доктрины» Фалина — Квицинского и ее реальный экономический эффект; проанализировать влияние Е.М. Примакова на внешнеполитическую и внутривнутриполитическую деятельность России; оценить необходимость применения доктрины Караганова и выявить ее возможные последствия; сформировать комплексную оценку итогов выбранной траектории развития России и дать соответствующие рекомендации по сочетанию исследуемых доктрин и повышению эффективности проводимой экономической политики.

Методология исследования: информационной базой исследования послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации, труды различных зарубежных и отечественных мыслителей, материалы Росстата и Минфина России, Банка России, ФТС России, Министерства обороны США, сборников МАГАТЭ и иных статистических ресурсов. В качестве **объекта** анализа рассматривалась траектория развития современной России. В исследовании применялись аналитические, статистические, эконометрические методы, методы систематизации, контент-анализа, сравнения, дедукции, индукции (построение целостной модели российского пути развития) и обобщения, а также методы структурирования статистических данных.

Степень разработанности проблемы. Проанализированы работы, посвященные дефектам ГРЭ России (С. Г. Капканщиков, Е. М. Примаков, С. Ю. Глазьев, С. Губанов, А. Селезнев, А. Н. Шулунов, В. В. Земсков). Произведено сравнение экономической политики, имеющихся ресурсов и способов распоряжения ими в РФ и СССР (С. Г. Капканщиков, С. Губанов, И. Г. Калабеков, С. А. Гончаров, В. В. Волков, А. Н. Шулунов). Макроэкономические и геополитические сценарии российского развития широко представлены в работах С. Г. Капканщикова, Е. М. Примакова, С. А. Караганова, С. Губанова, С. Ю. Глазьева, В. В. Герасимова, Н. В. Акиндиновой, С. В. Алексашенко, Е. Г. Ясиной, Д. Тренина, С. Авакянца, А. Н. Панова. В отечественной и зарубежной

литературе рассматриваются различные подходы к формированию стратегических ориентиров, а также их практическое воплощение в российской политико-экономической системе. Однако комплексного анализа на основе доктринального подхода в контексте траектории развития России пока не представлено, что и является **научной новизной** данного исследования, а также подчеркивает **оригинальность авторского подхода**.

ДОКТРИНА ФАЛИНА – КВИЦИНСКОГО

Доктрина Фалина — Квицинского — советская концепция замены «танков на газ» в качестве ведущего инструмента реализации геостратегических и политико-экономических отечественных инициатив¹. В 1967 г. запущены трубопроводы «Дружба» и «Братство», а в 1970-х гг. по предложению А.А. Громыко между СССР и ФРГ подписан контракт века «газ-трубы». Это стало отправной точкой построения русско-европейского нефтегазового сотрудничества². В 1970-х гг. газовые ресурсы СССР составляли 40% мировых запасов, добывалось 320 млрд м³ в год, из которых в Европу поставлялось 19,3 млрд м³ в год [3]. В 1988 г. СССР стал мировым лидером по добыче газа и нефти — 770 млрд м³ и 624 млн т в год соответственно. При этом доля внутреннего потребления газа и нефти составляла более 75% добытых ресурсов, что обеспечивало отечественный рынок дешевым топливно-энергетическим сырьем. Действовали экспортные пошлины, отсутствовал налог с оборота, антимонопольные комитеты не давали добывающим предприятиям взвинчивать цены, крупные национальные предприятия были основными налогоплательщиками, а советский ВПК был основой развития ключевых наукоемких отраслей [4]. Такое сочетание формировало вторую экономику мира, где доля отраслей материального производства составляла около 60%, а удельный вес экспорта готовой продукции варьировался в пределах 75–80%³.

Сегодня российские запасы газа и нефти находятся на уровне 25 и 6% (12% при СССР) от мировых значений соответственно, а на внутреннее потребление приходится лишь 50% добытых энергоресурсов. Экспорт газа и нефти в 1991–2000 гг. варьировался в пределах 110–190 млрд м³ в год и 120–174 млн т в год соответственно, а в 2000–

2025 гг. — в пределах 170–240 млрд м³ в год и 145–265 млн т соответственно. Такой всплеск вывоза нефтегазового сырья неслучаен.

Постсоветская Россия 1990-х оказалась идеологически незрелой, деморализованной и ослабленной страной, попавшей под западное влияние, охваченной внутривнутриполитическими интригами, с процветающими чиновничьим оппортунизмом и коррупцией. В результате из евразийской стратегической опоры, самостоятельного экономического центра силы, инициатора СЭВ и хранителя биполярного миропорядка, создавшего сопоставимую по силе и мощи альтернативу НАТО — Организацию Варшавского договора, Россия как государство пришло к недопустимой конверсии ВПК⁴ (за период 1992–1997 гг. объем продукции ОПК сократился в 7 раз), желанию вступить в НАТО, нужде в кредитах от МВФ, тотальной промышленной импортозависимости и финансовой десоверенизации. Это привело к дефолту и глубочайшему экономическому кризису в 1998 г. Помимо поистине уникальных достижений примаковской команды в 1999 г., активно набирала популярность сформулированная в годы распада СССР доктрина Фалина — Квицинского, которая была актуализирована и применена на практике избранным на пост Президента РФ в 2000 г. В.В. Путиным.

Если в 1991 г. экспорт газа из России составлял около 110 млрд м³, то к 2000 г. он увеличился практически в 2 раза — до 194 млрд м³ в год. В 2003 г. утверждается «Энергетическая стратегия до 2020 года», где отмечено, что «Роль страны на мировых энергетических рынках во многом определяет ее геополитическое влияние»⁵. Уже к 2005 г. эффект данной Стратегии отчетливо отображают значительные изменения объемов экспорта газа — до 209 млрд м³ в год, но еще заметнее выделяется скачок объемов экспорта нефти — со 144,4 до 252,2 млн т в год соответственно. Фактически В.В. Путин несколько видоизменил доктрину и помимо газа начал активно внедрять нефть в качестве ведущего экономико-стратегического российского инструмента. Такие нефтегазовые «экспансионные метаморфозы» привели к тому, что зависимость Федерального бюджета Российской

¹ Skubiszewski K. Polska polityka zagraniczna w 1991 r. S. 21.

² Квицинский Ю.А. Время и случай: заметки профессионала. М., 1999.

³ Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. URL: <https://su90.ru/gdp.html>

⁴ Шулунов А.Н. Состояние оборонной промышленности и пути выхода из системного кризиса. ЭНЕР. <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:172408921>

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2003 № 1234-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2020 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901872984>

Рис. 1 / Fig 1. Зависимость Федерального бюджета РФ от нефтегазовых доходов в период 1995–2023 гг. / Dependence of the Federal Budget of the Russian Federation on oil and gas revenues in the period 1995–2023

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Минфина России Росстата / Compiled by the author on the basis of data from the Ministry of Finance of the Russian Federation and Rosstat.

Федерации от нефтегазовых доходов возросла в 3 раза — до 40–50% ежегодно (рис. 1).

После событий в Афганистане и Ираке в 2001 и 2003 гг. цены на нефть значительно выросли, и к 2005 г. нефтегазовые доходы составили 2,585 трлн руб. (увеличение в 18 раз по сравнению с 2001 г.). В связи с таким колоссальным нефтегазовым «обогащением» принимаются два судьбоносных для дальнейшего социально-экономического развития Российской Федерации решения.

В 2004 г. по инициативе экс-министра финансов А.Л. Кудрина, с целью аккумуляции «излишков» нефтяных доходов и сглаживания тем самым циклических колебаний экономики, создается **Стабилизационный фонд**⁶. Он пополнялся за счет экспортных пошлин, изымаемых при мировых ценах на нефть, превышающих установленный Минфином базовый индикатор. С тех пор Фонд, созданный с целью «ослабления зависимости» от западных кредиторов, стал субъектом сбора около 75% сверхдоходов нефтяного экспорта, которые вкладывались в облигации стран G7 под крайне невысокий процент. По сути действовал следующий механизм: Россия продает свои важнейшие

стратегические ресурсы Западу — получает за это нефтедоллары — вкладывает эти доллары в облигации G7 — Запад получает и ресурсы, и свою валюту обратно — Россия получает 1–3% годовой доходности в малообеспеченных долларах, контроль эмиссии которых осуществляет ФРС США [5]. При низком коэффициенте монетизации российской экономики (45–55% против 75% в развитых странах), норме накопления в ВВП РФ (20–25% против 45–50% в Китае) и инфляции предложения [6], процветающей в интересах финансовых спекулянтов и монополистов, Минфин России использует бюджетное правило не как «встроенный стабилизатор», а как резерв на «черный день». Правда, решение о том, наступил ли «черный день» или нет, принимается странами не на основе объективно отражающих социально-экономическую ситуацию пороговых показателей, рассчитанных независимыми экспертами и экономистами, а МВФ, «рекомендующим» (сопровождая это политико-экономическими угрозами и возможными санкциями) тратить средства ФНБ⁷, когда они превышают 7%

⁶ С 2008 г. Фонд национального благосостояния (ФНБ) и Резервный фонд; с 2018 г. объединены в ФНБ. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/?ysclid=meifnme36u40712639>

⁷ Губанов С. Автономная рецессия, как финальная фаза системного кризиса России. Экономист. 2013;9:3–23. URL: <https://spblib.ru/en/catalog/-/books/12172945-avtonomnaya-retsessiya-kak-final-naya-faza-sistemnogo-krizisa-rossii?ysclid=mecj6hnmq276797029>

объема ВВП⁸. Иначе невозможно объяснить, почему при крупнейшем экономическом кризисе современной истории 2008 г. объем ФНБ с февраля по декабрь того же года увеличился практически в 3 раза — с 783 (1,9% ВВП) до 2108 (5,1% ВВП) млрд руб. соответственно, а Резервного фонда — с 3058 (7,4% ВВП) до 3661 (8,9% ВВП) млрд руб. соответственно. Аналогично в период COVID-19 — с октября 2019 г. по декабрь 2021 г. объем ФНБ вырос с 7 927 (7,2% ВВП) до 13 886 (10,2% ВВП) млрд руб. соответственно⁹. Активные траты «накопительного» фонда России во время нефтяного кризиса (2015) и СВО на Украине (2022) — это скорее исключение из правил, так как министр финансов РФ А.Г. Силуанов неоднократно заявлял, что ФНБ рассматривается в качестве главного инструмента накопительно-стабилизационной стратегии, что позволит стране сохранять экономическую устойчивость при повышенной волатильности на нефтяных рынках¹⁰. В целом средства в ФНБ должны накапливаться на стадии подъема, а в условиях нахождения страны в низкой экономической конъюнктуре при неполной занятости — тратиться. В российских реалиях происходит избыточное накопление средств, которые обесцениваются из-за инфляции и не инвестируются в экономику [7].

Концепция преждевременного погашения внешнего государственного долга. На начало 2002 г. внешний государственный долг Российской Федерации составлял около 36% ВВП. При благоприятных для России нефтегазовых внешнеэкономических результатах у Минфина возникла дилемма: в условиях пребывания страны на стадии оживления после глубочайшего кризиса 1998 г. направить нефтегазовые сверхдоходы на инвестиции, стимулирование потребления, запуск мультипликативного эффекта при неполной занятости и повышение уровня жизни населения или на сокращение задолженности перед Парижским клубом и МВФ. Экс-министр финансов А.Л. Кудрин принял решение в пользу второго варианта еще и с премией кредиторам за досрочное погашение.

Необходимость выбранного курса бывший советник Президента А.Н. Илларионов аргументировал

⁸ В 2021 г. Государственной Думой РФ принято решение повысить порог до 10%. URL: <http://duma.gov.ru/news/52732/>

⁹ Объем Фонда национального благосостояния. В: Минфин РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya.

¹⁰ URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=32245-vyskazyvaniya_a.g_siluanova_informatsionnym_agentstvam_na_press-konferentsii_v_minfine_rossii&ysclid=meifslz7d9336906201

тем, что с помощью оттока избыточной долларовой массы одновременно произойдет нейтрализация «голландской болезни» и отечественная финансовая суверенизация. Уже к 2008 г. внешний госдолг государства сократился до 7% от ВВП. Но из-за значительного недополучения автономных инвестиций экономикой страны динамика ее реального ВВП заметно замедлилась. Стоит также отметить, что монетарные власти в тот период традиционно проводили рестрикционную денежно-кредитную политику (ДКП) [8], что ужесточало требования внутреннего кредитования отечественных предприятий.

Корпоративный сектор активно начал кредитоваться у иностранных банков, оставляя в залог наиболее важные активы и размещая облигации с привлекательной для нерезидентов доходностью. Это привело к тому, что опорные российские предприятия стали наращивать корпоративный долг практически в четыре раза быстрее, чем Россия погашала внешний госдолг. В 2008 г. их долг нерезидентам составил около 413 млрд долл. [9], а к 2014 г. совокупный внешний долг достиг 729 млрд долл. В дальнейшем государству пришлось направить значительную часть средств из ФНБ на погашение этого долга, чтобы стратегически важные отечественные компании не обанкротились [10].

Стоит также сказать о том, что резкое снижение цен на нефть в 2014–2015 гг. привело к ослаблению курса рубля, падению ВВП, снижению потребительского спроса, росту инфляции и уровня бедности [11]. Банк России вынужден был потратить около 85 млрд долл. в рамках валютной интервенции, чтобы стабилизировать курс рубля. Израсходовав около 20% золотовалютных резервов, Банк России ушел от валютного коридора и перешел к плавающему курсу и инфляционному таргетированию. Как можно заметить, такая политика привела к удручающим результатам: если средняя ежемесячная стоимость потребительской корзины в 2014 г. составляла 3 800 руб.¹¹, то в 2024 г. — уже около 6 200 руб.¹² Курс доллара к рублю за этот период вырос с 32 до 100 соответственно.

Безусловно, сырьевые экспортеры выигрывают от ослабленного рубля, запуская все новые и новые диссипативные циклы, максимизируя свою прибыль

¹¹ URL: <https://aif.ru/dontknows/actual/1407358?ysclid=meigmrbzql843879244>; https://www.hse.ru/data/2015/01/14/1106378619/Vyp_2_finz.pdf

¹² URL: <https://iz.ru/1684776/2024-04-19/v-rusprodsioize-soobshchili-o-roste-stoimosti-minimalnoi-mesiachnoi-korziny-produktov>

и присваивая себе сверхдоходы после налогового маневра. Недостаточно активное вмешательство федеральной антимонопольной службы (ФАС) и стимулирующие развитие добывающих производств бюджетно-налоговая политика (БНП) и ДКП приводят к тому, что рентабельность сырьевых компаний находится на уровне 20–40% (а то и более), что в развитых странах было бы просто аномальным показателем. Логично, что инвестиции преимущественно пойдут в эту отрасль, так как выплачиваемые дивиденды уж слишком привлекательны для акционеров. С учетом того, что обрабатывающие производства страдают то от излишнего укрепления рубля (так как их продукция становится не востребовавшейся на внутренних и мировых рынках из-за слишком высокой цены), то от избыточной девальвации (так как стоимость закупки необходимого высокотехнологичного оборудования возрастает). А нефтегазовые монополии мало того, что собирают все «сливки» и имеют сверхдоходность, так еще и цены топлива на внутреннем рынке для одной из крупнейших держав по запасам нефтепродуктов находятся на запредельном уровне, так как издержки от ужесточения монетарной и фискальной политик сырьевика перекалывают на обрабатывающие производства и конечного потребителя (70% цены топлива составляют налоги на добычу полезных ископаемых (НДПИ), на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (НДД), на добавленную стоимость (НДС) и акцизы). При этом, вместо субсидирования и льгот конечным производителям, накапливаются средства в ФНБ и золотовалютные резервы (ЗВР), что впоследствии приводит к незаконной заморозке 300 млрд долл. российских резервов (около 15% ВВП). По итогу, в период турбулентной геополитической обстановки, когда Российская Федерация ограничена в средствах и вынуждена наращивать расходы бюджета, вместо использования ЗВР и внешних заимствований ей приходится пожирать плоды излишней «честности» при преждевременном погашении госдолга перед западными кредиторами и выпускать высокодоходные облигации, вытесняющие инвестиции и заглушающие потребление при низкой экономической конъюнктуре.

Концептуальная проблема заключается в том, что в ходе различных экономических форумов и конференций («ПМЭФ», «Валдай», «Форум будущих технологий» и др.) Президент РФ регулярно заявляет об интенсификации российской экономики и приводит различные весомые аргументы в пользу реальной эволюции в данном направлении. Но эти

точечные инициативы не могут коррелировать с вопиющими дискоординированными и нерациональными действиями тандема Минфина и Банка России. Такой «симбиоз» безошибочно работает при ежегодном планировании доходов Федерального бюджета, где уровень инфляции умышленно занижается на 30–300% (так, в Законе «О федеральном бюджете на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов»¹³ прогнозировался уровень инфляции, не превышающий 4%, реальная инфляция составила 12%, в аналогичных документах и в последующих 2023¹⁴ и 2024 гг.¹⁵ уровень инфляции должен был составить не более 5,5% и 4,5%, фактический показатель — 7,4% и 9,5% соответственно). Очевидно, что «инфляционные излишки» доходов идут не на развитие экономики, а на «распил» чиновников.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что Минфин и Банк России не воспользовались нефтегазовым «историческим шансом» для российского неиндустриального прорыва и своими действиями завели экономику страны в автономную рецессию, длящуюся уже более 10 лет. Для сравнения: ВВП Китая и Индии в период 2013–2024 гг. вырос практически в 2 раза, а ВВП России снизился с 2,3 до 2,1 трлн долларов. Конечно, ни о какой «структурно-технологической перестройке» не может идти речи — в структуре экспорта государства доля сырья уже долгое время находится на уровне 55–60% (в СССР — 15–20%). Не говоря уже о том, что подобные диспропорции с каждым годом все более явно подчеркивают мультипликативную низкоэффективность вложений в сырьевой сектор. Для создания одного рабочего места в нефтегазовой отрасли требуются инвестиции в размере около 4,5 млн руб., а в легкой промышленности — 550 тыс. руб. Приведем статистические данные и проведем расчеты.

Численность работников в легкой промышленности на 2023 г. — 292 тыс. чел.¹⁶; на 2025 год — 308 тыс.

¹³ Федеральный закон от 06.12.2021 № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403071045/?ysclid=meiids58108422876>.

¹⁴ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <https://base.garant.ru/405874129/?ysclid=meiiekkql2534350099>.

¹⁵ Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407979281/?ysclid=meiigebeem917409427>.

¹⁶ URL: https://znaniyurussia.ru/articles/Lёгкая_промышленность_России#cite_note-35

чел.¹⁷. Итого: 308–292 = 16 тыс. новых раб. мест. 125 млрд / 16 тыс. новых раб. мест = 7,812 млн руб. инвестиций на новое рабочее место в этой отрасли в период 2023–2025 гг.¹⁸

За этот же период в нефтегазовом комплексе численность работников увеличилась на 4,4 тыс. чел.¹⁹, а инвестиции в нефтяную отрасль только за 2023 г. составили 2,7 трлн руб.²⁰ Итого: 2,7 трлн руб. / 4,4 тыс. чел. = 613,64 млн руб. инвестиций на новое рабочее место за аналогичный период, что превышает суммарные плановые инвестиции всех проектов легкой промышленности с 2023 по 2032 гг. (125 млрд руб.) практически в 22 раза. Очевидно, что добавленная стоимость, генерируемая конечной продукцией обрабатывающих производств, в разы выше, чем в нефтегазовом секторе, но «непоколебимый сырьевой курс» деструктуризации отечественной экономической системы уже долгие годы демонстрирует игнорирование этого факта российскими чиновниками.

Стоит обратить внимание, что в политико-стратегическом аспекте доктрина оказалась успешной. По данным Евростата, зависимость Евросоюза от импорта нефтепродуктов составляет около 90%. К 2021 г. доля российских нефтепродуктов в импорте ЕС была почти 75%²¹. Европе было выгодно получать сырье быстро и по доступным ценам. После начала СВО на Украине в 2022 г., под давлением США, страны ЕС были вынуждены отказаться от российского рынка нефтепродуктов и понесли огромные финансовые потери из-за более высоких цен на СПГ, поставляемый США, и вынужденной инфраструктурной регазификации. Это привело к тому, что в 2024 г. Европа снова стала активно импортировать российские нефтепродукты (причем по высоким ценам), несмотря на «враждебную» по отношению к РФ политику. Россия за это время успела перенаправить экспортные потоки на Восток, поставляя более 80% нефти в КНР и Индию. Таким образом, Россия подсадила на «нефтегазовую иглу»

Европу и одновременно с этим развернула свой экспорт в сторону дружественных стран. Однако КНР и Индия покупают российские нефтепродукты со значительным дисконтом, что снижает эффективность отечественного сырьевого экспорта. Увеличивать доходы бюджета приходится за счет наращивания объемов поставок, так как нефтяных хранилищ в России крайне мало (10–15 млн т нефти в год при добыче в 525 млн т в год), что не позволяет складировать нефтепродукты в ожидании повышения цены [12].

ДОКТРИНА ПРИМАКОВА

Доктрина Е. М. Примакова — это философия, определившая основные внешнеполитические и внутриэкономические векторы развития России. Еще в конце 90-х г. Примаков говорил о недопустимости однополярного мира. Он ратовал за последовательное, рациональное и прагматичное отстаивание национальных интересов России на международной арене [13]. В 1998 г. Е. М. Примаков во время визита в Дели озвучил идею создания «стратегического треугольника Россия–Индия–Китай (РИК)». По мнению главы МИД РФ С. В. Лаврова, именно «треугольник Примакова» лежит в основе формирования БРИКС, а впоследствии и многополярного мира. Основные столпы доктрины Примакова:

1. Курс на лавирование и компромиссы. России требуется избегать конфликтов на международной арене и путем прагматичного и рационального построения дипломатических связей вернуть статус мировой державы. При этом Примаков категорически отрицал подчинение Российской Федерации кому-либо и всегда говорил, что только самобытность и суверенность отечественного развития может привести Россию к величию.

2. Региональная интеграция и переориентация на Восток. Примаков — прагматик и реалист, осознававший, что ресурсов на поддержание гегемонистского политического авторитета у России нет, поэтому принявший далеко не популярное для дипломатической риторики отечественных политических элит 90-х гг. решение о развороте на Восток [12]. По его мнению, именно континентальные евразийские страны смогут поддержать регулярно подрываемый англосаксонской «мягкой силой» потенциал России и направить его в сторону наращивания политико-экономического суверенитета. Так, Е. М. Примаков сделал важный шаг к укреплению интеграционных связей на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а впоследствии и созданию ЕАЭС, ШОС,

¹⁷ <https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/korporatsiya-msp-bolee-4-4-tysyach-novykh-msp-v-sfere-legproma-poyavilis-v-rossii-v-2025-godu>

¹⁸ URL: <https://investprojects.info/sectors/light-industry>

¹⁹ <https://orngp.ru/wp-content/uploads/2024/12/Мониторинг-2024.pdf>

²⁰ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Добыча_нефти_в_России?ysclid=meioktxilc956941459; <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/29/1017159-investitsii-v-neftyanuyu-otrasl-v-rossii-v-2023-godu?ysclid=meiopolwme821415784>

²¹ URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20240415-1>

РИК (а затем и БРИКС)²². Внешняя торговля РФ с 1999 по 2023 гг. выросла в 7,5 раз — с 95 до 710 млрд долл. соответственно. А основными партнерами Российской Федерации сегодня являются страны Азии и Ближнего Востока, на которые приходится более 70% российского товарооборота.

3. Недопущение продвижения НАТО на Восток и формирование справедливого многополярного мира. Примаков отчетливо понимал, что экспансия Запада в восточном направлении будет напрямую противодействовать реализации национальных интересов страны. Исходя из этого, в его доктрине предусмотрен ряд действий, следование которым не только затруднит продвижение НАТО к российским границам, но и позволит России укрепить свои геостратегические позиции [14]. Во-первых, это усиление лидерства государства на постсоветском пространстве и постепенное расширение своего влияния на районы Средней Азии и Ближнего Востока. Во-вторых, ослабление позиций НАТО в регионе. В-третьих, заключение партнерства с КНР и Индией. Из-за индийско-китайских противоречий того времени идея «треугольника Примакова РИК» не нашла должного отклика со стороны Восточных партнеров. Кардинально изменили ситуацию события в Косово (1999), во время начала которых Е. М. Примаков совершил свой знаменитый «Атлантический разворот». «Петля Примакова» отчетливо дала понять о незападных геостратегических убеждениях Российской Федерации. Стремление США стать тотальным гегемоном на глобальной арене перешло допустимые мировым сообществом границы и встревожило незападный мир. События в Афганистане (2001), а затем и в Ираке (2003) заставили индийско-китайских партнеров всерьез задуматься об интеграции [15]. Можно сказать, что Примаков, как истинный приверженец соблюдения международных норм права, единолично создал тот оппозиционный по отношению к Западной системе плацдарм, давший старт суверенному российско-азиатскому сотрудничеству. Так, Россия начала четко и жестко отстаивать свои национально-стратегические интересы: успешная российско-грузинская спецоперация 2008 г.; проведение военных реформ Сердюкова — Шойгу; создание «концепции Герасимова»²³, ставшей в основе внедрения доктрины Примакова на оперативном уровне в ходе

присоединения Крыма к России в 2014 г., военной операции в Сирии в 2015 г. и СВО на Украине. Также стоит отметить эффективность российской дипломатии, позволившей в 2017 г. заключить с Турцией кредитное соглашение на покупку ЗРК С-400, что внесло дестабилизирующие коррективы в союз Анкары и Вашингтона и усилило русско-турецкое сотрудничество.

Реализация Россией доктрины Примакова вынудила арабский регион включать нашу страну в свои политические расчеты. Сирия послужила некой отправной точкой для политического контакта с Египтом, Саудовской Аравией, Ираном, Катаром, ОАЭ и Турцией. Все это стало предпосылками многостороннего сотрудничества на Ближнем Востоке. Эти государства присоединились к БРИКС (за исключением Турции, имеющей на данный момент статус страны-партнера), а с Саудовской Аравией и ОАЭ Россия развивает энергетическое сотрудничество в формате ОПЕК+.

При этом Е. М. Примаков отлично понимал, что следование такому смелому политическому курсу, заданному его доктриной, требует наличия серьезной опоры в виде стабильной и устойчивой национальной экономической системы. Будучи председателем Правительства РФ, он вместе с Ю. Д. Маслюковым и В. В. Геращенко за восемь месяцев вывел страну из постдефолтной и кризисной пропасти (1998). С. Ю. Глазьев отмечал, что это настоящее «экономическое чудо»²⁴. Среди примаковских реформ можно выделить: введение экспортных пошлин на нефтепродукты; поддержку и льготирование отечественных производственных отраслей, позволяющую частично заменить импортируемую продукцию российской, что позволило как увеличить ВВП, так и сократить расходы бюджета; проведение социально-ориентированной политики, при которой в реальном выражении увеличились пенсии, пособия и зарплаты; использование девальвации в качестве драйвера экономической активности (отечественные товары были востребованы на мировых рынках). Примаков также предложил снижение НДС до 13–14%, чтобы сократить издержки сырьевиков от косвенных налогов, которые они перекладывали на конечного производителя; использовать внешний, а не внутренний долг в качестве источника финансирования бюджета в условиях вынужденного повышения

²² Панов А. Н. О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.

²³ Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении. Военно-промышленный курьер. 2013;8(476). URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632>

²⁴ URL: https://tsargrad.tv/news/glazev-nazval-dvuh-geroev-kotorye-realno-sovershili-jekonomicheskoe-chudo_360373?yclid=mer524mz2x899770450

Таблица / Table

Общее финансово-экономическое состояние РФ в 1998–1999 гг. (млрд руб.) / The general financial and economic condition of the Russian Federation in 1998–1999 (billion rubles)

Год	ВВП	Федеральный бюджет / Federal budget			ИПЦ/ CPI*, %	Госдолг / National debt	
		Доходы	Расходы	Дефицит		Внутренний	Внешний
1998	2684,5	299,3	468,1	168,8	184,4	757,9	3233,8
1999	4476,1	611,7	674	62,3	136,5	583,6	4287,4

Источник/ Source: Составлено автором на основе данных Минфина РФ / Compiled by the author based on data from the Ministry of Finance of the Russian Federation.

*Примечание / Note: Индекс потребительских цен (ИПЦ) / consumer price index, CPI.

расходов, что позволило найти точки роста и активизировать внутреннее потребление в условиях низкой экономической конъюнктуры. Благодаря реформам примаковской команды ВВП и доходы федерального бюджета выросли в 1,66 и 2,05 раза соответственно (см. таблицу).

Данные таблицы отражают, что наращивание внешнего долга не только не усугубило финансовое положение России, но и позволило снизить процент госдолга к ВВП (в 1998–1999 гг. данный показатель уменьшился с 148,7% до 108,8% соответственно)²⁵. В этот период был наглядно продемонстрирован пример социально-ориентированной экспансионной политики на экономическую систему, находящуюся на кейнсианском отрезке кривой предложения. Механизм действия: экономика находится на стадии кризиса — происходит увеличение пенсий, субсидий, льгот, зарплат, выдача дешевых кредитов и проведение эмиссии денег (денежная масса (M2) увеличилась на 20%) — экономическая активность возрастает, и в условиях неполной занятости начинает действовать эффект мультипликатора — ВВП вырастает более чем в 2 раза — инфляция предложения снижается и ИПЦ сокращается почти в 2,5 раза. Такой же подход, по мнению профессора Н. А. Кричевского, применим и в нынешних реалиях, но на данный момент ЦБ РФ борется с инфляцией предложения рестриктивными инструментами, противодействующими инфляции спроса.

В целом, доктрина Примакова — оптимальный и самобытный путь российского ренессанса, проявивший свои сильные стороны в тяжелейший для

современной отечественной истории момент — дефолт 1998 г. Идеи Примакова не просто успешны: их внедрение восстановило экономическое положение России и заложило фундамент для дальнейшего прогресса. Все это — опора проведения последовательной внешнеполитической деятельности, вернувшая Российскую Федерацию в список ведущих игроков мировой арены. Как сказал Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в 2022 г.: «иллюзия того, что мы можем рассчитывать на западных партнеров — исчезла»²⁶. Примаков это понял еще в конце 90-х гг., и в то время, как подавляющее большинство отечественной политической элиты смотрело в сторону Запада, «русский Киссинджер» чертил самобытный национальный курс развития России, пеленги которого в нынешних реалиях необходимо не потерять.

ДОКТРИНА КАРАГАНОВА

Доктрина С. А. Караганова — концепция, предполагающая понижение порога применения ядерного оружия для восстановления убедительности «ядерного сдерживания» и минимизации рисков нанесения ударов по территории России. По убеждениям С. А. Караганова, такие радикальные меры в кратчайшие сроки заставят Запад считаться с политикой Российской Федерации, что поспособствует смещению баланса сил на международной арене в сторону глобального большинства. Тем самым сформируется мировой уклад, где главными катализаторами всеобщего экономического роста выступят КНР и Индия, а военно-политической опорой этого механизма будет Россия. В рамках «карагановского» подхода решение «украинского кризиса» не заставит себя долго ждать, и РФ вместе

²⁵ Об итогах исполнения Федерального бюджета в 1999 г. и задачах органов финансовой системы на 2000 г. Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=5060-ob_itogakh_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_v_1999_godu_i_zadachakh_organov_finansovoi_sistemy_na_2000_god

²⁶ URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1805134/

с другими развивающимися странами окончательно избавят себя от компрадорско-колониальной роли в прозападной валютно-финансовой модели²⁷.

Если в убеждениях Примакова фигурирует только «ядерное сдерживание», благодаря которому можно поддерживать «единство мира»²⁸, а распространение ядерного оружия, по его мнению, «одна из самых больших угроз человечества» [16], то идеи Караганова по этому вопросу более фундаментальны. Так, он не раз говорил, что ядерное сдерживание должно трансформироваться в «ядерное устрашение США и их сателлитов» [17]. Караганов считает, что «мы замешкались с упреждающим ударом». Отдельного внимания заслуживает высказывание: «Применение ядерного оружия может уберечь человечество от глобальной катастрофы». При этом Караганов хоть и выражает надежду, что «мы никогда не используем ядерное оружие», но в то же время говорит о «легкомысленности отказа применения ядерного оружия во всех ситуациях, кроме смертельно опасных»²⁹. По мнению отечественного «ядерного патриарха», основным инструментом поддержания стабильности в системе международных отношений будет угроза применения или непосредственное применение ядерного оружия. Это де-факто упрощает дипломатию и сотрудничество, сводя все к принципу: «кто сильнее, тот и прав».

Конечно, России данный подход представляется довольно выгодным, так как она является мировым лидером по количеству ядерных боеголовок и запасам высокообогащенного урана (HEU) и оружейного плутония (Pu-239)³⁰ (рис. 2).

Несмотря на политико-дипломатические попытки Ядерного клуба по сокращению ядерных вооружений, каждая из этих стран лишь наращивает свой военно-ядерный арсенал. Тем самым возникает так называемая «дилемма заключенного», где каждый пытается максимизировать исключительно личную выгоду, что препятствует достижению положительного общего результата. Одним из новых

способов деэскалации ядерных противоречий и является доктрина Караганова, которая может реконструировать геополитическую ситуацию в области ядерного вооружения в пользу России.

Запасы стратегически важных для производства ядерных боеголовок ресурсов (рис. 3) позволяют России³¹ в долгосрочной перспективе определять риторику важнейших международных соглашений и договоров.

Де-факто рассматриваемая доктрина наделяет Россию огромной геополитической и геостратегической властью, которой необходимо рационально и справедливо распорядиться. Проблема данной доктрины в том, что такое превосходство затуманивает и искушает разум политических лидеров, которые под гнетом «ядерного соблазна» могут совершить и допустить ряд следующих неадекватных действий:

1. Создание дессипативного ядерного цикла (инвестиции в ядерную отрасль будут происходить только для того, чтобы увеличить эффективность «ядерного цикла» (а не уровень жизни населения), что на начальных этапах будет давать довольно мощный экономический эффект, а в конечном итоге при несогласованных действиях ФАС, БНП и ДКП приведет к структурной деформации экономической системы России. Активно будет проводиться разведка урана и плутония, произойдет увеличение добычи этих ресурсов, числа занятых в ядерной отрасли, количества АЭС и ядерных боеголовок, значительно вырастет доля инвестиций в ядерный сектор, произойдет технологическая модернизация в данной сфере. Все это традиционно сформирует крупнейшие компании, которые со временем начнут наращивать экспорт стратегически важного ядерного сырья.

2. Доходы бюджета значительно вырастут, сформировавшийся профицит бюджета будет считаться благоприятным экономическим явлением, будут возвращаться новые «белые слоны» (нерациональные государственные расходы), вырастут расходы на содержание госаппарата и армии. ЦБ РФ может традиционно провести политику «дорогих денег», что приведет к ситуации, когда потребление населения растет незначительно, уровень бедности коренным образом не снижается, а инфляция предложения только разгоняется, так как формирование «ядерных монополий», нацеленных на экспорт, со

²⁷ Караганов С.А. Тяжкое, но необходимое решение. Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tyazhкое-no-neobhodимое-reshenie/?ysclid=mecn4n ahf857282963>

²⁸ Новиков Д.П. Рыцарь российского реализма. Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ryцzar-rossijsкого-realizma/>

²⁹ Караганов С.А. Выбора не остается: России придется нанести ядерный удар по Европе. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230625/yaо-1880235742.html>

³⁰ Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance. URL <https://www.armscontrol.org/factsheets/nuclear-weapons-who-has-what-glance#:~:text=The%20world%27s%20nuclear-armed%20states,nuclear%20weapons%20by%20the%20NPT>

³¹ International Panel on Fissile Materials. URL: <https://fissilematerials.org/#:~:text=The%20global%20stockpile%20of%20separated,weapons%20or%20available%20for%20weapons>

Рис. 2 / Fig. 2. Мировые лидеры по количеству ядерных боеголовок (на январь 2025 г.) /
World leaders in the number of nuclear warheads (as of January 2025)

Источник/ Source: Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance.

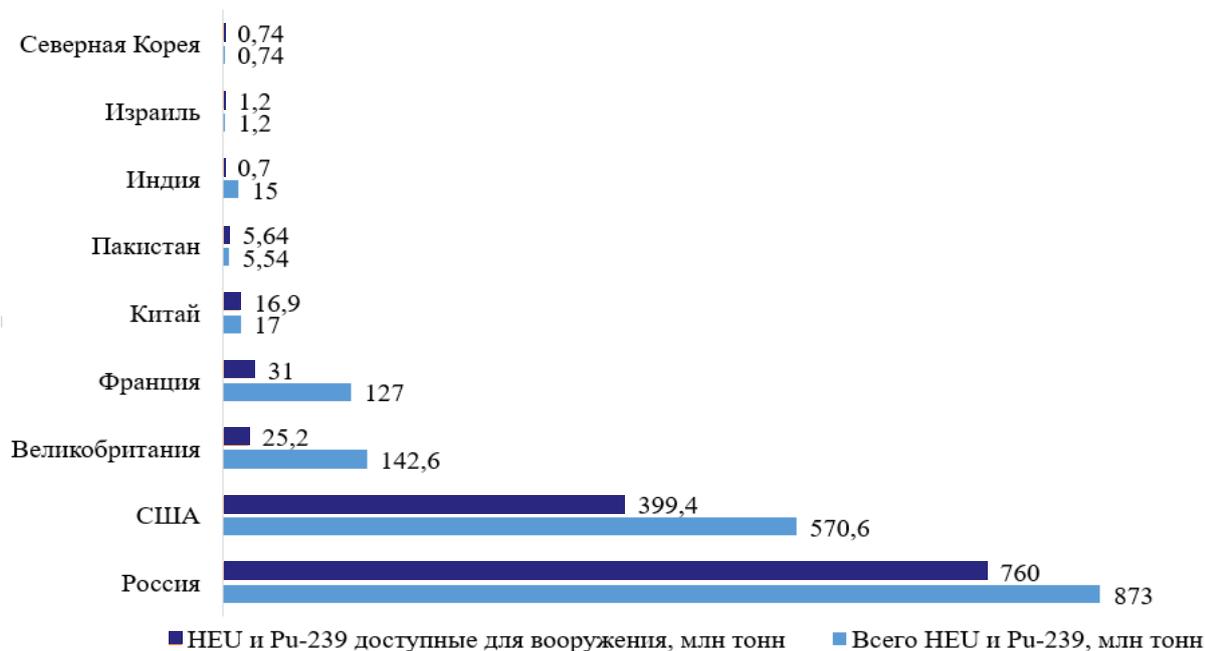

Рис. 3 / Fig. 3. Запасы высокообогащенного урана (HEU) и оружейного плутония (Pu-239) /
Stocks of highly enriched uranium (HEU) and weapons-grade plutonium (Pu-239)

Источник/ Source: International Panel on Fissile Materials.

временем вызовет рост издержек у отечественных конечных производителей.

По мере роста доли ядерных компаний на рынке вектор структурной политики РФ еще сильнее сместится в сырьевой сектор. В условиях действующего налогового маневра (снижение экспортных пошлин и рост НДС) обрабатывающие и конечные производства в еще большем объеме недополучат инвестиции, так как рентабельность предприя-

тий ядерного цикла и дивидендная доходность их инвесторов будет просто запредельной. Эффект вытеснения, инициируемый ядерной отраслью, будет еще сильнее деформировать структуру ВВП (доля военных расходов, добывающих и технологически несложных обрабатывающих производств увеличится, а доля расходов на НИОКР, здравоохранение, образование и технологически сложные обрабатывающие производства, которые генерируют

готовую продукцию и должны составлять основу роста ВВП, снизится) и национального дохода РФ (будет расти доля ренты и прибыли, в совокупности с увеличением доли капиталоемкого и фондоемкого секторов, а доля зарплаты (трудоемкий сектор) будет сжиматься). Таким образом, из-за неграмотного госрегулирования экономики кратковременный экономический скачок опять вернет нас в «ловушку среднего» дохода и усугубит «сырьевое проклятие» РФ.

3. Маскировка «фиаско государства» за счет «ядерных доходов». Ядерная отрасль как наиболее перспективная и энергоэффективная сфера будет приносить огромные деньги в бюджет. Судя по опыту использования доходов нефтегазового сектора, можно отчетливо увидеть, как в краткосрочной перспективе это дает государству мощнейший экономический толчок, а в долгосрочной — приводит к возникновению «голландской болезни», «сервисизации» экономической системы, стагнации уровня жизни и деформации структуры ВВП.

Проблема в том, что долгосрочный эффект проявляется минимум через 10–15 лет, а пока действует «благоприятный бум» сырьевых доходов, растут зарплаты, пенсии, пособия, дотации, субсидии, а за ними и рейтинги чиновников, которые могут пожирать плоды богатейших российских недр, заворачивая их в обертку «грамотной экономической политики». Проводимая политика поддерживает сырьевые монополии и олигархический класс: низкий объем льгот обрабатывающим производствам, «налоговый маневр», недостаточно жесткая политика ФАС в области контроля цен и рентабельности монополий, неоптимизированная прогрессивная шкала налогообложения, которая не справляется с растущей дифференциацией доходов населения (соответственно олигархический контингент продолжает наращивать свое богатство, что в дальнейшем приводит к повышению платы за обслуживание высшего класса, а это рост непроизводственной сферы услуг, которая вытесняет реальный сектор), и политика «дорогих денег», в условиях которой субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) не могут развиваться.

Таким образом, доктрина «ядерного сдерживания» Караганова слишком империалистична и неконтролируема в условиях существующей системы международных отношений, технологического прогресса, человеческой сущности и острого соприкосновения национальных интересов акторов «ядерного клуба». Караганов фактически говорит об использовании ядерного оружия как панацеи для

внутренней и внешней политики Российской Федерации. Карагановское «ядерное сдерживание» формально должно приостановить продвижение НАТО на Восток, укрепить геополитические и геостратегические позиции России и вернуть справедливость в построение современных межгосударственных связей. На деле происходит наделение безграничной властью еще полностью необузданной ядерной силы, непредсказуемое локальное действие которой незамедлительно может привести к ряду проблем мирового масштаба.

Стоит признать, что мир все же постепенно движется в данном направлении: формирование «толерантной ядерной повестки», проводимой Западом, в частности МАГАТЭ, сознательно вносит коррективы в ядерную парадигму, которые значительно понижают весь разрушительный эффект от применения ядерного оружия. Из-за этого лозунг «ядерное оружие не так опасно, как мы считали раньше» стал чаще произноситься в речах не только мировых политиков, но и простых обывателей. Такая «психологическая перезагрузка» сознания общества планомерно, но верно искореняет из памяти людей все ужасы ядерных катастроф: Хиросима и Нагасаки, аварии на ПО «Маяк» (Кыштым, 1957), Чернобыльской АЭС (Припять, 1986) и АЭС Фукусима-1 (Япония, 2011). Формирующаяся ядерная конъюнктура и несправедливый гегемонизм Запада привели к принятию в 2024 г. новой ядерной доктрины Российской Федерации³², значительно расширяющей основания для применения Россией ядерного оружия. Фактически происходит частичная реализация доктрины Караганова, которая должна «сдерживать и устрашать» недоброжелателей России.

ВЫВОДЫ

По всем канонам экономической теории именно развитие секторов конечного производства и инвестиции в технологическую модернизацию, которая снижает издержки и повышает фондотдачу, создают основу интенсификации экономики. Это способствует наиболее рациональному и эффективному увеличению реального объема ВВП, а затем и росту уровня жизни населения. При таком подходе экономическая система выходит из ловушки «среднего дохода» и становится привлекательной для иностранных инвестиций. Если

³² Указ Президента РФ от 19.11.2024 № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1768330/>

российские политические элиты начнут использовать сырьевые доходы не как самоцель, а как драйвер дальнейшей структурной перестройки, то долгосрочный социально-экономический эффект приобретет более позитивный характер, нежели реальный ВВП уровня 90-х гг.

Для того чтобы выбраться из оков автономной рецессии, патриотично-настроенным политическим деятелям нужно взять на себя роль Геракла и победить Цербера в виде рестриктивных антициклических БНП, ДКП и недостаточно эффективной антимонопольной политики.

Рекомендуется провести параллели с советским и примаковским периодами отечественного экономического развития, а также взять во внимание успешный иностранный опыт в данном направлении. Исходя из этого, в условиях инфляции предложения представляется логичным проведение политики «дешевых денег» (снижение ставки рефинансирования, эмиссия денег, уменьшение нормы обязательных резервов) и количественного смягчения (активизация операций на открытом рынке). Также советуется вернуть таргетирование валютного курса, учитывая имеющиеся запасы ЗВР (4 место в мире). Стоит уйти от налогового маневра и вернуть экспортные пошлины, что увеличит рентные доходы государственного бюджета, а при грамотной политике ФАС (ужесточение контроля цен и предельной рентабельности) не позволит «добывающим монополистам» завышать цены на внутреннем рынке и получать сверхдоходность, которая будет вытеснять инвестиции из обрабатывающих производств. Предлагается снизить/убрать НДС с топливно-энергетических товаров, что уменьшит возможности сырьевиков перекладывать цены на конечного производителя и потребителя. Важнейшим шагом в современной «экономической перестройке» должен стать

пересмотр использования средств ФНБ. Нужно перестать безмерно накапливать «нефтегазовые деньги» и начать инвестировать их в национальную экономику или, например, можно перенять опыт Норвегии, которая направляет средства на покупку акций высокотехнологичных компаний (ежегодная доходность 9–10%) с целью поддержки будущих поколений своих граждан [18]. Также необходимо перейти на советскую модель форсированного экспорта, который будет рассчитан исходя из нужд в импортных технологиях, ресурсах, машинах и оборудовании для развития собственной промышленности.

В данном ключе предлагается использовать стратегическое целеполагание доктрины Примакова, учитывая при этом успешный внутривнутриполитический опыт экономических реформ его команды, а в качестве «экономического катализатора» рационально использовать положительный «сырьевой эффект» от доктрин Караганова и Фалина — Квицинского. Также грамотная конъюгация военно-политических концептов Караганова и Примакова позволит дипломатической риторике, выстроенной согласно наследию «русского Киссинджера», звучать более убедительно и актуально. В нынешней турбулентной геополитической обстановке игнорирование «ядерного преимущества» РФ не представляется стратегически допустимым решением. Имея в своем арсенале такую мощь, необходимо грамотно балансировать между «устрашением» и потенциальной эскалацией международного конфликта. Так, комплексное сочетание положительных аспектов и идей исследуемых доктрин сможет существенно преобразить дальнейший российский путь развития на долгие годы. Верные доктринальные ориентиры поспособствуют благоприятной всесторонней реконфигурации отечественной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маккиндрер Х. Географическая ось истории. Москва: издательство АСТ, 2023. 301 с.
2. Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2015;1:3–17. URL: <https://www.elibrary.ru/tjovmj>
3. Гончаров С.А. Газовая промышленность СССР в 1970-х гг. Уроки истории. *Газовая промышленность*. 2016;12(746):112–116. URL: <https://www.elibrary.ru/xiherz>
4. Волков В.В. Миф о зависимости СССР от продажи нефти. *Свободная мысль*. 2023;1(1697):25–32. URL: <https://www.elibrary.ru/luxwzs>
5. Капканщиков С.Г. Сравнительный анализ роли топливно-энергетического комплекса в экономике СССР и современной России. *Общество и экономика*. 2022;6:38–56. DOI: 10.31857/S 020736760020581-8
6. Капканщиков С.Г. Философия значки живет и побеждает. *Российский экономический журнал*. 2022;2:21–47. DOI:10.33983/0130-9757-2022-2-21-47

7. Бердышев А. В., Сопов Д. К. Исследование динамики коэффициента монетизации экономики России и его влияния на макроэкономические показатели. *Вестник ГУУ*. 2022;9:145–152. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-9-145-152
8. Земсков В. В. Норма накопления как фактор обеспечения экономической безопасности. *Вестник УМЦ*. 2020;4(29):92–98. URL: <https://www.elibrary.ru/wmrbbv>
9. Глазьев С. Ю. Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском экономическом союзе. *Российский экономический журнал*. 2022;2:4–20. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-2-4-20.
10. Селезнев А. Совокупный государственный долг, его регулирование. *Экономист*. 2008;8:13–26. URL: <https://www.elibrary.ru/itximg>
11. Акиндинова Н. В., Алексащенко С. В., Ясин Е. Г. Сценарии и альтернативы макроэкономической политики. В сб.: XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 5–7 апреля 2011 г., Москва; 2011. URL: <https://www.elibrary.ru/qureuh>
12. Капканшиков С. Г. Сокращение сырьевого экспорта в алгоритме трансформации функциональной структуры российского ВВП. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2023;58(5):43–65. URL: https://doi.org/10.55959/MSU_0130-0105-6-58-5-3
13. Примаков Е. М. Мысли вслух. Москва: Российская газета; 2011. 207 с.
14. Гринивецкий И. И. БРИКС как центр формирования многополярного мира. Молодой исследователь: Материалы Всероссийской студенческой конференции, Липецк, 12 декабря 2023 года. Липецк: Липецкий государственный технический университет; 2024:167–170. URL: <https://www.elibrary.ru/eoatqm>
15. Гринивецкий И. И. Основные этапы развития сотрудничества БРИКС. Общество и личность: современные тенденции и исторический подход. Сборник трудов XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной празднованию 100-летия отечественной гражданской авиации, Иркутск, 23–24 ноября 2023 года. Иркутск: Московский государственный технический университет гражданской авиации; 2024:34–39. URL: <https://www.elibrary.ru/qhbsxr>
16. Примаков Е. М. Ядерный век и изменившийся мир. В: Ядерный век: Наука и общество. Москва: ИздАТ; 2004. 312 с. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/yaderny-vek_2004/p19/
17. Тренин Д., Авакянц С., Караганов С. От сдерживания к устрашению. Москва: Молодая гвардия; 2024. 152 с.
18. Соколов М. М. Перспективы потребления нефти в мире и динамика мировых цен на нее. *Вестник ИЭ РАН*. 2019;4:108–124. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10049

REFERENCES

1. Mackinder H. The geographical axis of history. Moscow: AST Publishing House, 2023. 301 p. (In Russ.).
2. Auzan A. A. “The track effect”. The problem of dependence on the trajectory of previous development is the evolution of hypotheses. *Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics*. 2015;1:3–17. URL: <https://www.elibrary.ru/tjovmj> (In Russ.).
3. Goncharov S. A. The USSR gas industry in the 1970s. History lessons. *The gas industry*. 2016;12(746):112–116. URL: <https://www.elibrary.ru/xiherz> (In Russ.).
4. Volkov V. V. The myth of the USSR’s dependence on oil sales. *Free thought*. 2023;1(1697):25–32. URL: <https://www.elibrary.ru/luxwzs> (In Russ.).
5. Kapkanshchikov S. G. Comparative analysis of the role of the fuel and energy complex in the economy of the USSR and modern Russia. *Society and economy*. 2022;6:38–56. (In Russ.). DOI: 10.31857/S_020736760020581-8
6. Kapkanshchikov S. G. The philosophy of stash lives and wins. *Russian Economic Journal*. 2022;2:21–47. (In Russ.). DOI:10.33983/0130-9757-2022-2-21-47
7. Berdyshev A. V., Sopov D. K. A study of the dynamics of the monetization coefficient of the Russian economy and its impact on macroeconomic indicators. *Bulletin of GUU*. 2022;9:145–152. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2022-9-145-152
8. Zemskov V. V. The accumulation rate as a factor of ensuring economic security. *Bulletin of the UMC*. 2020;4(29):92–98. URL: <https://www.elibrary.ru/wmrbbv> (In Russ.).
9. Glazyev S. Y. How monetary policy depresses economic growth in Russia and the Eurasian Economic Union. *Russian Economic Journal*. 2022;2:4–20. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130-9757-2022-2-4-20.
10. Seleznev A. Total public debt, its regulation. *The Economist*. 2008;8:13–26. URL: <https://www.elibrary.ru/itximg> (In Russ.).

11. Akindinova N. V., Aleksashenko S. V., Yasin E. G. Scenarios and alternatives of macroeconomic policy. In compilation for the XII International Scientific Conference on Economic and Social Development, 5–7 April 2011, Moscow; 2011. URL: <https://www.elibrary.ru/qureuh> (In Russ.).
12. Kapkanshchikov, S. G. Reduction of raw material exports in the algorithm of transformation of the functional structure of Russian GDP. *Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics*. 2023;58(5):43–65. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU 0130-0105-6-58-5-3
13. Primakov E. M. Thoughts aloud. Moscow: Rossiyskaya Gazeta; 2011. 207 p.
14. Grinivetsky I. I. BRICS as the center of the formation of a multipolar world. Young researcher: Proceedings of the All-Russian Student Conference, Lipetsk, December 12, 2023. Lipetsk: Lipetsk State Technical University; 2024:167–170. URL: <https://www.elibrary.ru/eoatqm> (In Russ.).
15. Grinivetsky I. I. The main stages of the development of BRICS cooperation. Society and personality: Modern trends and historical approach: Proceedings of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the celebration of the 100th anniversary of the Russian Civil Aviation, Irkutsk, November 23–24, 2023. Irkutsk: Moscow State Technical University of Civil Aviation; 2024:34–39. URL: <https://www.elibrary.ru/qhbsxr> (In Russ.).
16. Primakov E. M. The Nuclear Age and the changed world. In: *The Nuclear Age: Science and Society*. Moscow: Izdat; 2004. 312 p. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/yaderny-vek_2004/p19/ (In Russ.).
17. Trenin D., Avakyants S., Karaganov S. From deterrence to intimidation. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2024. 152 p. (In Russ.).
18. Sokolov M. M. Prospects of oil consumption in the world and the dynamics of world prices for it. *Bulletin of IE RAS*. 2019;4:108–124. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10049

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Игорь Игоревич Гринивецкий — бакалавр, факультет экономики и управления, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Севастополь, Российская Федерация

Igor I. Grinivetsky — Bachelor of Economics and Management, Branch of Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-8712-8109>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

grin_2003@rambler.ru

Сергей Геннадьевич Капканщиков — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Севастополь, Российская Федерация

Sergey G. Kapkanshchikov — Dr. (Econ.), Prof. at the Department of Economics, Branch of Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9459-5516>

kapkansv@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.06.2025; принята к публикации 11.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.06.2025; accepted for publication on 11.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Исследование философских оснований экономики инноваций и экономики памяти

Р.С. Лукшин

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются философские основания экономики инноваций и экономики памяти. Анализируются ключевые понятия, определяющие специфику этих направлений экономической мысли, такие как знания, информация, творчество, время, наследие и идентичность. Определен понятийный аппарат экономики инноваций и экономики памяти, проведено исследование генезиса развития философии экономики инноваций и экономики памяти, и выявлены современные философские основания экономики инноваций и экономики памяти для достижения цели исследования – формирования всесторонней, целостной и концептуально обоснованной теоретической модели философских оснований экономики инноваций и экономики памяти. Проведенное исследование показало, что инновации и память образуют динамическое единство, где технологические изменения актуализируют культурные элементы, а сохранение традиций создает основу для устойчивого развития. Синтез философской, экономической и культурологической оптики позволил преодолеть дуализм «прогресс vs традиция» и предложить модель «консервативной инновации» как стратегию гармонизации технологических и социокультурных процессов. Анализ онтологических предпосылок выявил трансформацию представлений о материальности в цифровую эпоху, порождающую гибридные реальности. В контексте экономики памяти установлено, что цифровые технологии, сохраняя данные, провоцируют кризис аутентичности, что требует выработки новых этических принципов обращения с наследием. Исследование аксиологических противоречий между ценностями прогресса и традиции позволило разработать механизмы балансировки через концепции «образовательного капитала» и «культурно-технологического симбиоза». Практическая значимость работы заключается в формировании инструментов управления инновациями, учитывая этические критерии оценки технологий и стратегии интеграции природного и культурного наследия в экономические процессы. Перспективные направления дальнейших исследований включают углубление междисциплинарного диалога, разработку моделей «зеленых инноваций» на основе идей экологической рациональности, а также изучение влияния искусственного интеллекта и алгоритмических систем на сохранение антропологического измерения развития.

Ключевые слова: экономика инноваций; экономика памяти; философия экономики; знания; информация; инновации

Для цитирования: Лукшин Р.С. Исследование философских оснований экономики инноваций и экономики памяти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):80-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-80-88

Study of the Philosophical Foundations of the Economics of Innovation and the Economics of Memory

R.S. Lukshin

Nizhny Novgorod Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the philosophical foundations of innovation economics and memory economics. The key concepts defining the specifics of these areas of economic thought, such as knowledge, information, creativity, time, heritage, and identity, are analyzed. The conceptual framework of innovation economics and memory economics is defined, the genesis of the development of the philosophy of innovation economics and memory economics is studied, and the modern philosophical foundations of innovation economics and memory economics are identified to achieve the research goal of forming a comprehensive,

holistic and conceptually grounded theoretical model of the philosophical foundations of innovation economics and memory economics. The conducted research of the philosophical foundations of the economics of innovation and memory has shown that innovation and memory form a dynamic unity, where technological changes actualize cultural elements, and the preservation of traditions creates the basis for sustainable development. The synthesis of philosophical, economic and cultural optics made it possible to overcome the dualism of "progress vs tradition" and propose a model of "conservative innovation" as a strategy for harmonizing technological and socio-cultural processes. The analysis of ontological prerequisites revealed the transformation of ideas about materiality in the digital age, which generates hybrid realities. In the context of the memory economy, it has been established that digital technologies, while preserving data, provoke an authenticity crisis, which requires the development of new ethical principles for handling heritage. The study of axiological contradictions between the values of progress and tradition made it possible to develop balancing mechanisms through the concepts of "educational capital" and "cultural and technological symbiosis." The practical significance of the work lies in the formation of innovation management tools that include ethical criteria for evaluating technologies and strategies for integrating natural and cultural heritage into economic processes. Promising areas of further research include deepening interdisciplinary dialogue, developing models of "green innovation" based on the ideas of environmental rationality, as well as studying the impact of artificial intelligence and algorithmic systems on the preservation of the anthropological dimension of development.

Keywords: innovation economics; memory economics; economic philosophy; knowledge; information; innovation

For citation: Lukshin R.S. Study of the philosophical foundations of the economics of innovation and the economics of memory. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):80-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-80-88

ВВЕДЕНИЕ

Введение понятий «экономика инноваций» и «экономика памяти» в сферу философского анализа открывает новые горизонты для понимания механизмов современного экономического развития. Традиционная экономическая теория, основанная на принципах рациональности, эффективности и максимизации прибыли, зачастую упускает из виду нематериальные факторы, играющие ключевую роль в создании и распространении инноваций, а также в формировании ценности культурного наследия.

Экономика инноваций, с философской точки зрения, предполагает переосмысление понятия знания как основного производственного ресурса. Знание перестает быть просто информацией и становится динамичным, творческим процессом, требующим постоянного обновления и адаптации. В этом контексте важную роль играют эпистемологические вопросы, связанные с источниками, достоверностью и способами передачи знания.

Экономика памяти, в свою очередь, акцентирует внимание на роли времени, истории и культурной идентичности в формировании экономической ценности. Наследие, традиции и коллективная память становятся не просто объектами культурного потребления, а активами, способными генерировать экономический рост. Это ставит перед философией вопросы о ценности, аутентичности и способах сохранения культурного наследия в условиях глобализации и технологического прогресса.

Сопоставление классических экономических моделей с моделями, учитывающими роль нематериальных активов, выявляет необходимость пересмотра базовых предпосылок экономической

теории. В частности, концепция рационального экономического агента должна быть дополнена учетом когнитивных и эмоциональных факторов, влияющих на принятие решений в условиях неопределенности и риска. Также требуется разработка новых методов оценки нематериальных активов и их вклада в экономический рост.

Исследование философских оснований экономики инноваций и памяти направлено на выявление системообразующих принципов, определяющих взаимодействие технологического прогресса и культурной преемственности в современном обществе.

Целью настоящего исследования выступает формирование всесторонней, целостной и концептуально обоснованной теоретической модели философских оснований экономики инноваций и экономики памяти. Для достижения данной цели в рамках исследования поставлен комплекс взаимосвязанных задач, каждая из которых направлена на последовательное и систематическое осмысление заявленной проблематики. К таким задачам относятся: детальный анализ онтологических предпосылок становления и функционирования экономики инноваций через призму категорий бытия, времени и пространства [1, 2]; углубленное изучение гносеологических особенностей процессов генерации, распространения и трансформации знаний в условиях интенсивной цифровой трансформации общества [3, 4]; всестороннее выявление аксиологических противоречий, возникающих на стыке ценностей технологического прогресса и культурно-социальных традиций; а также разработка и теоретическая проработка методологических оснований и исследовательских принципов, направленных на выявление и объяснение сложной взаимосвязи

между феноменами коллективной памяти и инновационной активности в контексте современных глобализационных процессов [5, 6].

Данная цель реализуется через решение ряда уточненных исследовательских задач, каждая из которых направлена на всестороннее раскрытие ключевых аспектов заявленной тематики:

- определение понятийного аппарата экономики инноваций и экономики памяти;
- исследование генезиса развития философии экономики инноваций и экономики памяти;
- выявление современных философских оснований экономики инноваций и экономики памяти.

Методологическая база включает общенаучные подходы, такие как системный анализ, структурно-функциональный метод и сравнительный анализ, а также специфические методы, включая культурологический анализ, историко-экономический подход и институциональный анализ [2, 5, 7]. Нравственные основы определяют принципы социальной ответственности, критерии справедливого распределения благ, нормы этичного использования технологий и правила сохранения культурного наследия [3, 4, 8].

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЭКОНОМИКИ ИННОВАЦИЙ И ЭКОНОМИКИ ПАМЯТИ

Для решения первой задачи необходимо провести исследование определения понятийного аппарата экономики инноваций и экономики памяти: экономика инноваций представляет собой систему социально-экономических отношений, ориентированных на генерацию, внедрение и коммерциализацию новых технологий, продуктов и процессов [9, 10].

Ее ключевыми элементами выступают креативный потенциал, научно-технический прогресс, инвестиции в исследования и разработки, а также институты, обеспечивающие трансформацию знаний в экономические блага [4, 11, 12]. В рамках данного исследования акцент делается на философской интерпретации инноваций как процесса становления, где категории возможности, творчества и риска формируют онтологическую основу технологических трансформаций [2, 9, 13].

Экономика памяти трактуется как комплекс механизмов сохранения, интерпретации и использования культурно-исторического опыта в контексте социально-экономического развития [5, 6, 14, 15]. Ее структура включает институты наследия, мемориальные практики, символический капитал традиций и механизмы трансляции коллективной

идентичности [7, 14]. Философское осмысление памяти в экономическом дискурсе связано с категориями длительности, преемственности и аутентичности, которые противостоят утилитарной логике рыночных отношений [3, 12].

Взаимодействие этих двух систем образует диалектическое единство: инновации, разрушая устаревшие формы, одновременно актуализируют элементы прошлого, а память, сохраняя культурные коды, создает основу для устойчивого развития [6, 13]. Ключевым концептом выступает «консервативная модернизация» [16], предполагающая синтез прогрессивных изменений с сохранением смыслового ядра традиций. Такое понимание позволяет преодолеть дуализм «прогресс vs консерватизм», характерный для классических экономических теорий, и перейти к модели развития, где технологические трансформации согласуются с этико-культурными императивами¹.

Особое значение приобретает категория «образовательного капитала» (С.Л. Ивашевский) [11, 12], связывающая инвестиции в человеческий потенциал с сохранением культурной памяти. Этот синтетический подход создает методологическую основу для анализа современных процессов цифровизации, где алгоритмизация экономики² сталкивается с необходимостью сохранения антропологического измерения развития [3, 4]. Таким образом, понятийный аппарат исследования формирует междисциплинарную оптику, объединяющую философскую рефлексию, экономический анализ и культурологическую перспективу [1, 2, 17].

Метафизика инноваций и памяти раскрывается через фундаментальные категории: бытие и становление как основа инновационного процесса, время как измерение памяти и развития, пространство как контекст реализации инноваций и целостность как принцип сохранения культурного наследия [1, 13, 15]. Теория познания в контексте исследуемых направлений включает анализ природы экономического знания, исследование механизмов генерации инноваций, изучение способов сохранения и передачи опыта, а также понимание границ человеческого познания в экономике [2, 4, 10, 15].

Система ценностей формирует основу экономического развития. Инновационные ценности включают прогрессивное развитие, творческую активность, эффективность и рациональность [11]. Ценности

¹ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва: Эксмо; 2008. 864 с.

² Шумпетер Й.А. там же.

памяти охватывают культурную преемственность, историческую идентичность, традиции и аутентичность [6, 9]. Человеческое измерение раскрывается через понимание человека как субъекта инноваций, анализ роли личности в сохранении наследия, исследование трансформации человеческого капитала³ и изучение взаимосвязи биологического и социального в экономическом развитии [9, 13].

Взаимосвязь инноваций и памяти проявляется в диалектике сохранения и изменения, единстве традиции и новации, взаимодополняемости прошлого и будущего и синтезе опыта и творчества [6, 14, 18]. Познание экономических процессов характеризуется комплексным подходом к изучению явлений, междисциплинарностью исследований, интеграцией различных типов знания и учетом социокультурного контекста [1, 2, 13, 17].

Прикладное значение⁴ философского анализа заключается в формировании целостной картины экономического развития, выявлении глубинных причин экономических явлений, разработке эффективных механизмов управления инновациями и создании стратегий сохранения культурного наследия [4, 9, 14].

Направления дальнейшего исследования включают развитие новых методологических подходов, углубление междисциплинарного диалога, расширение предметного поля исследований и интеграцию теоретических и практических аспектов. В этой связи представляется важным исследование генезиса развития философии экономики инноваций и экономики памяти как второй задачи исследования.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНЕЗИСА РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ ИННОВАЦИЙ И ЭКОНОМИКИ ПАМЯТИ

Философское осмысление экономики инноваций и памяти формировалось в процессе длительной эволюции научной мысли, отражая трансформацию представлений о природе прогресса, культурной преемственности и их роли в социально-экономическом развитии. Истоки экономики инноваций прослеживаются в трудах классиков политической экономии — прежде всего в работах Й. Шумпетера⁵, где технический прогресс рассматривался как ключевой фактор экономического роста. Однако философская рефлексия над инновацией как феноменом становления и онтологического риска

оформилась позднее — в рамках постклассической философии, например, у Х. Ортега-и-Гассета [19] и М. Хайдеггера [20], акцентировавших внимание на онтологической структуре техники, творчества и предельных состояний.

Современное философское переосмысление инноваций связано с работами В. А. Кутырева [4], в которых раскрывается концепт «консервативной инновации» — синтеза технологического прогресса с сохранением традиционных смыслов и антропологических оснований культуры [18].

Экономика памяти как концепт зародилась в контексте критики глобализации, стандартизации и культурной унификации, когда сохранение историко-культурного наследия стало рассматриваться не как архаичная практика, а как необходимое условие устойчивого развития. Философские основания этой области заложены в трудах М. Хальбвакса, разработавшего теорию коллективной памяти [21], и П. Нора с его концепцией «мест памяти» [22], а также в исследованиях отечественных мыслителей, таких как Ю. М. Лотман⁶ и Д. С. Лихачев⁷. В современной философии эти идеи развиваются в работах П. Рикера, где память трактуется как элемент этико-исторической ответственности [13].

Ключевой этап сближения двух направлений — философии инноваций и философии памяти — наступает с цифровой трансформацией конца XX — начала XXI в. В этот период технологические изменения обострили необходимость интеграции инновационных механизмов с сохранением идентичности и смысловых оснований культуры. Так, В. А. Кутырев вводит категорию «консервативной модернизации» как форму сопряжения инновационного и традиционного [4], а зарубежные исследователи (например, Д. Тросби) формируют понятие «экономики наследия», в котором культурная память рассматривается как нематериальный актив и основа устойчивого развития [23]. Параллельно В. Майер-Шёнбергер поднимает вопрос о праве на цифровую память и этике забывания в эпоху алгоритмического управления [18], а Д. Харрауэй предлагает постгуманистический взгляд на антропоцен и хрупкость человеческой культуры [5].

Таким образом, философия экономики инноваций и памяти формируется как интегральное направление, в котором осмысляются процессы развития не только через призму роста и изменений,

³ Шумпетер Й. А. там же.

⁴ Шумпетер Й. А. там же.

⁵ Шумпетер Й. А. там же.

⁶ URL: <https://lgz.ru/article/myslyashchie-miry-yuriya-lotmana/>

⁷ URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/Sbor_full/2017_rus.pdf

но и через категориальный аппарат преемственности, идентичности и метафизики сохранения.

Особую роль в развитии философии экономики памяти сыграли российские исследователи, разработавшие концепцию «образовательного капитала», в которой инвестиции в человеческий потенциал связываются с трансляцией историко-культурного опыта посредством институтов образования [11, 12]. Такой подход позволяет интерпретировать память не как архивную или ретроспективную категорию, а как активный ресурс развития, основанный на систематическом воспроизводстве ценностей и идентичностей через образовательные практики.

В западной традиции значительный вклад в развитие философии инноваций и памяти внесли П. Друкер, трактовавший инновации как форму социальной ответственности и инструмент создания смысла в условиях постиндустриального общества [24], и Э. Тоффлер, исследовавший феномен ускорения времени, кризис идентичности и культурный шок, вызванный темпами технологических изменений [25].

Современный этап развития философии экономики инноваций и памяти характеризуется глубоким междисциплинарным синтезом. Так, в экономике инноваций усиливается интеграция идей синергетики и теории сложности, и И. Пригожин акцентирует внимание на нелинейности, открытости систем и возможности самоорганизации [26]. Параллельно экономика памяти обращается к методологиям нейроэкономики, когнитивной антропологии и культурной теории А. Аппадурай, что позволяет рассматривать память как когнитивный, а не только институциональный процесс, встроенный в коллективные практики и экономические стратегии [27].

Такой подход позволяет анализировать инновационные процессы не только как технологические прорывы, но и как социокультурные практики, требующие баланса между креативностью и сохранением этико-культурных констант. В частности, аксиологическое измерение инноваций предполагает согласование прогрессивного движения с фундаментальными основаниями идентичности, что особенно важно в условиях цифровой трансформации и глобального ускорения.

Изучение генезиса данных направлений демонстрирует, что их философские основания эволюционировали от бинарной оппозиции «прогресс vs традиция» к поиску диалектического единства. В этой оптике инновации актуализируют прошлое как потенциал, а память трансформируется в ресурс устойчивых и осмысленных преобразований. Такой историко-философский контекст формирует методологическую основу для анализа современ-

ных вызовов — от цифровизации и алгоритмизации до экологического и культурного кризиса — через призму гармонизации экономического развития и культурной идентичности⁸ [15, 18].

Проблематика инновационного развития в философском дискурсе получает особую глубину в концептуализациях, представленных в работе В. Ильина и В. Базилевича «Экономико-философская мысль современного мира». Авторы подчеркивают, что феномен инновации нельзя свести исключительно к технико-экономическим параметрам — напротив, он раскрывается как многомерное явление, связанное с трансформацией ценностных установок, ментальных моделей и логики исторического времени. В частности, подчеркивается, что «инновация как социальный процесс рождается на стыке традиции и прорыва», что коррелирует с философией «консервативной модернизации» [16].

В философско-экономическом контексте Ильин и Базилевич также обращаются к идее онтологического напряжения между новым и воспроизводимым, где инновация становится не только актом разрыва с прошлым, но и способом его рефлексивной реконструкции. Именно поэтому в генезисе философии экономики инноваций прослеживается не только влияние технократических парадигм, но и глубокая связь с культурной и исторической антропологией, включая элементы этики, ответственности и символического порядка⁹, где авторы акцентируют внимание на том, что подлинная инновация требует философского осмысления «пределов допустимых изменений», где экономический рост не подменяет собой культурную эволюцию, а лишь сопровождает ее.

Таким образом, данное направление демонстрирует, что философия инноваций формируется как поле диалога между метафизикой нового и практикой устойчивости, между экономикой ускорения и философией пределов, что делает ее методологически сопряженной с философией памяти и преемственности.

ВЫЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ ИННОВАЦИЙ И ЭКОНОМИКИ ПАМЯТИ

Для решения третьей задачи исследования проведем выявление современных философских оснований экономики инноваций и экономики памяти.

⁸ Шумпетер Й.А. Там же.

⁹ См., например: Базилевич В., Ильин В. Экономико-философская мысль современного мира, 2015. URL: <https://obuchalka.org/20211223139790/ekonomiko-filosofskaya-mysl-sovremennogo-mira-bazilevich-v-d-ilin-v-2015.html?ysclid=metog15er070736220>

Современные философские основания экономики инноваций формируются в контексте цифровой эпохи, где ключевыми категориями становятся неопределенность, сетевые взаимодействия и антропоцентризм технологического развития. Инновации трактуются не только как технологические прорывы, но и как социокультурные практики, требующие переосмысления традиционных онтологических рамок. В работах Б. Латура и Л. Флориди [3, 10] подчеркивается, что инновационные процессы порождают гибридные реальности, стирающие границы между материальным и цифровым, что актуализирует категории виртуальности и симуляции [4, 10]. При этом философия техногенного мира ставит вопрос о переопределении роли человека в экономике, где искусственный интеллект и алгоритмы становятся равноправными акторами инноваций.

Экономика памяти в современных условиях обретает новые измерения благодаря цифровым архивам, блокчейн-технологиям и виртуальным мемориальным платформам. Философский анализ (П. Рикер, В. А. Кутырев, Д. А. Дахин) [4, 13, 14] выявляет парадокс «цифрового бессмертия»: с одной стороны, технологии обеспечивают беспрецедентную сохранность данных, с другой — провоцируют кризис аутентичности и фрагментацию коллективной идентичности. Концепция «цифровой памяти» (В. Майер-Шёнбергер) [18] сталкивается с этическими дилеммами: алгоритмическая селекция информации формирует «фильтрованное прошлое», что требует разработки новых принципов ответственности за сохранение культурного наследия.

Взаимодействие этих направлений раскрывается через синтез идей синергетики и феноменологии. В философии экономики подчеркивается, что инновационные системы развиваются не линейно, а через фазы нестабильности и самоорганизации, где память выполняет стабилизирующую функцию, обеспечивая преемственность в условиях неопределенности [10, 16]. Такой подход сближает экономику инноваций с концепциями культурной и социальной памяти как основания устойчивости.

Феноменологическое измерение экономики памяти проявляется в работах П. Рикера и Д. Харрауэй [5, 13], акцентирующих значимость телесного и материального опыта в процессе формирования идентичности. Цифровизация, с этой точки зрения, не должна нивелировать перцептивное и аффективное восприятие как основу культурного самосознания.

Особое значение приобретает концепция гуманистически ориентированных инноваций. В россий-

ской философской традиции это направление представлено идеей «консервативной модернизации» В. А. Кутырева [4], где инновации осмысливаются не как разрушение, а как средство сохранения цивилизационных кодов, а культурно-технологический симбиоз предполагает взаимное обогащение традиций и технологий через механизмы образовательного капитала [10, 13, 14].

Ключевым вызовом современности становится преодоление конфликта между ускорением инновационных процессов и «медленными» циклами культурной памяти. Философия распределенных информационных структур, представленных в работах Л. Флориди и В. Майер-Шёнбергера [3, 18], предлагает подходы, в которых технологии (в том числе блокчейн и цифровые платформы) могут способствовать сохранению локальных традиций и этически значимых форм памяти. Одновременно экологический кризис требует пересмотра антропоцентрической парадигмы: концепции «экологической рациональности» и «биокультурной памяти» [5, 15] ставят задачу интеграции природного и культурного наследия в стратегию устойчивого развития¹⁰.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование философских оснований экономики инноваций и памяти показало, что инновации и память образуют динамическое единство, где технологические изменения актуализируют культурные элементы, а сохранение традиций создает основу для устойчивого развития. Синтез философской, экономической и культурологической оптики, представленной в работах П. Рикера, В. А. Кутырева [4, 13], позволил преодолеть дуализм «прогресс vs традиция» и предложить модель «консервативной инновации» как стратегию гармонизации технологических и социокультурных процессов.

Анализ онтологических предпосылок выявил трансформацию представлений о материальности в цифровую эпоху, порождающую гибридные реальности [4, 7]. В контексте экономики памяти установлено, что цифровые технологии, сохраняя данные, провоцируют кризис аутентичности, что требует выработки новых этических принципов обращения с наследием¹¹ [3].

Исследование аксиологических противоречий между ценностями прогресса и традиции позволило

¹⁰ Шумпетер Й. А. там же.

¹¹ Шумпетер Й. А. там же.

разработать механизмы балансировки через концепции «образовательного капитала» и «культурно-технологического симбиоза» [28]. Практическая значимость работы заключается в формировании инструментов управления инновациями, включающих этические критерии оценки технологий и стратегии интеграции природного и культурного наследия в экономические процессы.

Перспективные направления дальнейших исследований включают углубление междисциплинарного диалога, разработку моделей «зеленых инноваций» на основе идей экологической рациональности, а также изучение влияния искусственного интеллекта и алгоритмических систем на сохранение антропологического измерения развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. Hoffjann, O., Sandhu, S., eds. Schlüsselwerke für die Strategische Kommunikationsforschung. Springer VS, Wiesbaden; 2024. DOI: 10.1007/978-3-658-45292-6_29
2. Гудинг Д. Философия и новая экономика. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета; 2018. 220 с. URL: <https://goo.su/DDhmwmp>
3. Флориди Л. Четвертая революция: Как инфосфера трансформирует человеческую реальность. М.: Издательский дом ВШЭ; 2014. DOI: 10.18523/kmhj73965.2016-3.231-235
4. Кутырев В.А. Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. Санкт-Петербург: Алетейя; 2016. 300 с. URL: https://www.academia.edu/39736627/Унесенные_прогрессом_эсхатология_жизни_в_техногенном_мире
5. Haraway D. Staying with the trouble: Anthropocene, Capitalocene, Chthulucene. Duke University Press; 2016. DOI: 10.1215/9780822373780
6. Hayek F. The use of knowledge in society. *American Economic Review*. 1945;35(4):519–530. DOI: 10.1016/b978-0-7506-9749-1.50005-3
7. Сен А. Развитие как свобода. Москва: Новое издательство: Либеральная миссия; 2004. 430 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002596321?ysclid=mesm7uktm8862300424>
8. Бурмистров С.С. Проблема сохранения субъектности человека в условиях цифровой революции. *Идеи и идеалы*. 2025;17(1)1–1:177–198. DOI: 10.17212/2075-0862-2025-17.1.1-177-198
9. Дахин А.В., Сундуков Р.В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемо-политики в России. *SocioTime = Социальное время*. 2023;2(34):28–33. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.28
10. Latour B. Reassembling the social: An introduction to Actor-Network-Theory. Oxford; 2005. DOI: 10.1093/oso/9780199256044.001.0001
11. Ивашевский С.Л. Диалектика идеалов и правовых норм в образовательной культуре России. Монография. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС; 2008. URL: <https://www.elibrary.ru/qqqwgq>
12. Ивашевский С.Л. Образованность и достоинство человека в современной социальной политике. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021;1(53):303–314. URL: <https://www.elibrary.ru/ricalf>
13. Ricoeur P. Memory, History, Forgetting. University of Chicago Press (paper, ebook); 2004. DOI: 10.7208/chicago/9780226713465.001.0001
14. Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории. *Уровень жизни населения регионов России*. 2024;20(1):105–118. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_9_105_118
15. Ивашевский С.Л. Термин и его смысл в условиях технологизации культуры. Двенадцатые Бабаевские чтения. Международная научно-практическая конференция «Юридическая терминология: теория, практика, техника». Нижний Новгород; 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/yzcbkj>
16. Дискин И.Е. Консервативная модернизация. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2021. 342 с.
17. Mokyr J. Culture, knowledge and economic growth. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2016. DOI: 10.1007/978-1-4757-3161-3_9
18. Майер-Шёнбергер В. Удалить нельзя сохранить: Право на память в цифровую эпоху. М.: Альпина Паблишер; 2021. URL: <https://archive.org/details/deletevirtueoffo0000maye>
19. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. Москва; 2000:164–232. URL: <https://web.archive.org/web/20141015193752/http://philosophy.mitth.ru/ortegaigasset.htm>

20. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: AG Marguniem; 1997. URL: https://web.archive.org/web/20180604130433/http://www.odinblago.ru/bitie_i_vrema
21. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*. 2005;5. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html?ysclid=mek2xshmb9386097617>
22. Нора П. и др. Проблематика мест памяти. В Сб.: Франция-память. Санкт-Петербург; 1999.
23. Тросби Д. Экономика и культура. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2013.
24. Drucker. Peter F. *Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles*. HarperCollins; 1985. 277 p.
25. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва; АСТ: Philosophy — Неоклассика; 2025. 544 с.
26. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человек с природой. Пер. с англ. Москва: Кранд; 2002. 320 с.
27. Appadurai A. *Modernity At large: Cultural dimensions of globalization*. Vol. 1. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996. URL: <https://archive.org/details/modernityatlarge0000appa>
28. North D.C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Monograph. Cambridge University Press; 1990. DOI: 10.1017/cbo9780511808678

REFERENCES

1. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. Hoffjann, O., Sandhu, S., eds. *Schlüsselwerke für die Strategische Kommunikationsforschung*. Springer VS, Wiesbaden; 2024. DOI: 10.1007/978-3-658-45292-6_29
2. Gooding D. *Philosophy and the new economy*. Saint Petersburg: European University Press; 2018. 220 p. URL: <https://goo.su/DDhmwmp> (In Russ.).
3. Floridi L. *The Fourth Revolution: How the infosphere transforms human reality*. Moscow: HSE Publishing House; 2014. (In Russ.). DOI: 10.18523/kmhj73965.2016-3.231-235
4. Kutyrev V.A. *Carried away by progress: The eschatology of life in the technogenic world*. Saint Petersburg: Aleteya; 2016. 300 p. URL: https://www.academia.edu/39736627/Carried_away_by_the_Progress_escathology_life_In_technogenic_World (In Russ.).
5. Haraway D. *Staying with the trouble: Anthropocene, Capitalocene, Chthulucene*. Duke University Press; 2016. DOI: 10.1215/9780822373780
6. Hayek F. *The use of knowledge in society*. *American Economic Review*. 1945;35(4):519–530. DOI: 10.1016/b978-0-7506-9749-1.50005-3
7. Saint A. *Development as freedom*. Moscow: New Publishing House: Liberal Mission; 2004. 430 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002596321?ysclid=mesm7uktm8862300424> (In Russ.).
8. Burmistrov S.S. *The problem of preserving human subjectivity in the context of the digital revolution*. *Ideas and ideals*. 2025;17(1)1–1:177–198. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2025-17.1.1-177-198
9. Dakhin A.V., Sundukov R.V. *The comprehensive structure of collective social memory: Philosophical foundations of memory policy in Russia*. *SocioTime = Social Time*. 2023;2(34):28–33. (In Russ.). DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.28
10. Latour B. *Reassembling the social: An introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford. 2005. DOI: 10.1093/oso/9780199256044.001.0001
11. Ivashevsky S.L. *Dialectics of ideals and legal norms in the educational culture of Russia*. Monograph. Nizhny Novgorod: VVAGS Publishing House; 2008. URL: <https://www.elibrary.ru/qqqwqn> (In Russ.).
12. Ivashevsky S.L. *Education and human dignity in modern social policy*. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;1(53):303–314. URL: <https://www.elibrary.ru/ricalf> (In Russ.).
13. Ricoeur P. *Memory, history, forgetting*. University of Chicago Press (paper, ebook); 2004. DOI: 10.7208/chicago/9780226713465.001.0001
14. Dakhin A.V. *Collective socio-historical memory: Prerequisites for the formation of a holistic philosophical theory*. *The standard of living of the population of the Russian regions*. 2024;20(1):105–118. (In Russ.). DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_9_105_118
15. Ivashevsky S.L. *The term and its meaning in the context of technologization of culture*. The twelfth Babayev readings. International Scientific and Practical Conference “Legal Terminology: Theory, Practice and Technique”. Nizhny Novgorod; 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/yzcbkj> (In Russ.).
16. Diskin I.E. *Conservative modernization*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2021. 342 p. (In Russ.).

17. Mokyr J. Culture, knowledge and economic growth. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2016. DOI: 10.1007/978-1-4757-3161-3_9
18. Mayer-Schoenberger V. It cannot be deleted: The right to memory in the digital age. Moscow: Alpina Publisher; 2021. URL: <https://archive.org/details/deletevirtueoffo0000mayer> (In Russ.).
19. Jose Ortega y Gasset. Reflections on technology. Moscow; 2000:164–232. URL: <https://web.archive.org/web/20141015193752/http://philosophy.mit.edu/ortegaigasset.htm> (In Russ.).
20. Heidegger M. Being and time. Moscow: AG Marguniem; 1997. URL: https://web.archive.org/web/20180604130433/http://www.odinblago.ru/bitie_i_vrema (In Russ.).
21. Halbwaks M. Collective and historical memory. *Inviolable reserve*. 2005;5. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html?ysclid=mek2xshmb9386097617> (In Russ.).
22. Nora P. et al. The problem of memory locations. In the Collection: France-memory. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
23. Trosby D. Economics and culture. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2013. (In Russ.).
24. Drucker. Peter F. Innovation and entrepreneurship: Practice and Principles. HarperCollins; 1985. 277 p.
25. Toffler E. The shock of the future. Moscow; AST: Philosophy — Neoclassicism; 2025. 544 p. (In Russ.).
26. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos: A new dialogue between man and nature. Transl. from English. Moscow: Krasand; 2002. 320 p. (In Russ.).
27. Appadurai A. Modernity At Large: Cultural dimensions of globalization. Vol. 1. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996. URL: <https://archive.org/details/modernityatlarge0000appa>
28. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Monograph. Cambridge University Press; 1990. DOI: 10.1017/cbo9780511808678

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Роман Сергеевич Лукшин — руководитель образовательных проектов Комплекса градостроительной политики и строительства, Москва; соискатель, Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Российская Федерация

Roman S. Lukshin — Head of educational projects at the Moscow Urban Planning and Construction Complex, Moscow; Candidate, Nizhny Novgorod Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-7256-3281>
lordshi@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.07.2025; принята к публикации 18.08.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 30.07.2025; accepted for publication 18.08.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-89-97
УДК 352.07:316.334(045)

Механизм и инструменты реализации современной социальной политики на муниципальном уровне

В.Э. Комов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье показана роль органов местного самоуправления по повышению эффективности управления социальной сферой. В современном мире прогресс определяется приоритетом человеческого развития и обеспечением высоких стандартов качества жизни. Формирование стратегических преимуществ государств в глобальной конкуренции напрямую зависит от всестороннего раскрытия человеческого потенциала как фактора производства и построения эффективной системы социальных отношений. Проблемы текущего состояния и ключевых векторов реформирования социальной политики активно исследуются как отечественными, так и зарубежными учеными. Социально ориентированная рыночная экономика формирует принципы справедливости через реализацию социальной политики. Ее проводниками выступают институты государства и общества, социальные группы и граждане (субъекты политики), деятельность которых нацелена на удовлетворение потребностей населения, обеспечение его достойной жизни и развития в рамках социальной справедливости при безусловной гарантии прав и свобод. Социальная политика интегрирует меры социально-экономического характера, предпринимаемые на государственном, региональном и муниципальном уровнях. К ее осуществлению также подключаются предприятия и организации, чья работа способствует защите общества от безработицы, негативных колебаний рыночных цен и обесценивания человеческого капитала. Целью является достижение достойного уровня жизни, измеряемого объемом и качеством доступных благ и услуг, соответствующих запросам населения. Ключевым аспектом социальной политики выступает обязанность государства создавать законодательные, социальные и экономические предпосылки для эффективной жизнедеятельности и воспроизводства социума. Эта политика базируется на принципах взаимной ответственности и партнерства государства и общества. В условиях нестабильности она должна адекватно реагировать на экономические и политические вызовы, способствуя рациональному распределению ресурсов и поддержанию минимально необходимых стандартов благосостояния. Участие органов местного самоуправления в обеспечении социальных прав граждан на подведомственной территории – важный инструмент реализации социальной функции государства. Эта функция направлена на формирование среды, гарантирующей нормальные условия существования, свободное развитие личности и равные возможности для достижения общественного благополучия и социальной защищенности. Таким образом, изучение проблем социального измерения местного самоуправления, вопросов его организации и функционирования представляет значительный научно-методологический и практический интерес.

Ключевые слова: вопросы местного значения; субсидирование услуг; муниципальные центры социальных услуг; государственно-частное партнерство (ГЧП); общественные инициативы

Для цитирования: Комов В.Э. Механизм и инструменты реализации современной социальной политики на муниципальном уровне. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):89-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-89-97

ORIGINAL PAPER

The Mechanism and Tools for the Implementation of Modern Social Policy at the Municipal Level

V.E. Komov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article shows the role of local governments in improving the effectiveness of social sector management. In the modern world, progress is determined by the priority of human development and ensuring high standards of quality of life. The formation of strategic advantages of states in global competition directly depends on the full disclosure of

human potential as a factor of production and the building of an effective system of social relations. The problems of the current state and key vectors of social policy reform are being actively investigated by both domestic and foreign scientists. A socially oriented market economy asserts the principles of justice through the implementation of social policy. Its agents are the institutions of the state and society, social groups and citizens (political actors), whose activities are aimed at meeting the needs of the population, ensuring its decent life and development within the framework of social justice with the unconditional guarantee of rights and freedoms. Social policy integrates socio-economic measures undertaken at the state, regional and municipal levels. It also involves enterprises and organizations whose work helps protect society from unemployment, negative fluctuations in market prices and the depreciation of human capital. The goal is to achieve a decent standard of living, measured by the volume and quality of available goods and services that meet the needs of the population. A key aspect of social policy is the duty of the state to create legislative, social and economic prerequisites for the effective functioning and reproduction of society. This policy is based on the principles of mutual responsibility and partnership between the State and society. In conditions of instability, it must adequately respond to economic and political challenges, contributing to the rational allocation of resources and maintaining the minimum necessary standards of well-being. The participation of local self-government bodies in ensuring the social rights of citizens in the subordinate territory is an important tool for implementing the social function of the state. This function is aimed at creating an environment that guarantees normal living conditions, free personal development and equal opportunities to achieve social well-being and social security. Thus, the study of the problems of the social dimension of local government, issues of its organization and functioning is of considerable scientific, methodological and practical interest.

Keywords: local issues; subsidizing services; municipal social service centers; public-private partnership (PPP); public initiatives

For citation: Komov V.E. The Mechanism and tools for the implementation of modern social policy at the municipal level. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):89-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-89-97

ВВЕДЕНИЕ

Муниципальный уровень власти занимает ключевое положение в системе социальной защиты и поддержки населения современной России. Именно здесь, в непосредственной близости от граждан, социальная политика обретает свою конкретную форму, трансформируясь из стратегических установок федерального центра и регионов в реальные услуги, программы и адресную помощь. В условиях роста социальных запросов, дифференциации потребностей различных групп населения и ограниченности ресурсов эффективность реализации социальной политики на местах становится критически важным фактором общественной стабильности и качества жизни граждан.

Современная социальная политика на муниципальном уровне характеризуется рядом вызовов и тенденций: необходимостью обеспечения доступности и качества социальных услуг для всех категорий жителей (включая уязвимые группы), внедрением принципов адресности и нуждаемости, развитием негосударственного сектора в предоставлении услуг (социальный заказ, НКО), цифровизацией процессов, а также поиском оптимального баланса между обязательствами государства и возможностями местных бюджетов. Успешное преодоление этих вызовов напрямую зависит от отлаженности и адекватности применяемых механизмов и инструментов.

Механизмы реализации социальной политики на муниципальном уровне представляют собой систему

взаимосвязанных элементов и процессов, обеспечивающих достижение поставленных социальных целей, к которым относятся:

- *нормативно-правовая база:* муниципальные правовые акты (уставы, программы, положения), детализирующие и адаптирующие федеральное и региональное законодательство¹ к местным условиям;
- *организационная структура* — система органов местного самоуправления (администрации, управления/отделы социальной защиты, комиссии, МФЦ), их полномочия, взаимодействие между собой и с региональными структурами;
- *финансово-экономическое обеспечение* — формирование и исполнение местного бюджета в части социальных расходов, привлечение внебюджетных источников (гранты, спонсорство), межбюджетные трансферты;
- *информационно-аналитическое сопровождение* — мониторинг социальной ситуации, оценка потребностей населения, анализ эффективности мер, формирование открытых данных;
- *координация и взаимодействие* — механизмы партнерства с региональными властями, государ-

¹ Например: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023?ysclid=memn2u7963102079523>; Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). <https://www.zakonrf.info/doc-32875534/?ysclid=memn540619245599936> и др.

ственными внебюджетными фондами (ПФР, ФСС), некоммерческими организациями (НКО), бизнесом, общественными объединениями и гражданами.

Актуальность исследования механизмов и инструментов реализации социальной политики на муниципальном уровне обусловлена необходимостью постоянного их совершенствования для адекватного ответа на динамично меняющиеся социальные реалии, обеспечения максимальной эффективности и результативности использования общественных ресурсов, а также повышения уровня удовлетворенности граждан качеством предоставляемых социальных гарантий и услуг.

Целью данного исследования является комплексный анализ существующих механизмов и инструментов, выявление проблем и ограничений в их применении, а также разработка предложений по их оптимизации для повышения эффективности социальной политики в современных условиях на уровне муниципальных образований.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: РЕАЛИЗАЦИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Муниципальный уровень власти в Российской Федерации выступает ключевым звеном в практической реализации социальной политики, обеспечивая ее адресность и учет локальных особенностей. Именно здесь абстрактные нормы законов трансформируются в конкретные услуги и поддержку для граждан.

Муниципалитеты действуют в рамках Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»², делегирующего им полномочия по:

- организации социального обслуживания населения;
- содержанию учреждений образования, культуры, спорта;
- обеспечению доступности жилищно-коммунальных услуг.

Региональные и местные нормативные акты конкретизируют эти направления с учетом демографических, экономических и культурных особенностей территории. Например, муниципальные программы помощи многодетным семьям или инвалидам часто включают дополнительные меры поддержки, отсутствующие на федеральном уровне.

Государственную социальную политику необходимо анализировать через призму активной роли

государства и его структур в данной области. Эта деятельность находит отражение в нормативно-правовых актах и реализуется через специальный механизм, призванный достигать поставленных социальных целей, соблюдать принципы и воплощать в жизнь конкретные меры для общества [1].

Ключевой функцией государства выступает гарантирование достойного уровня жизни граждан. Достижение этой задачи, в частности, обеспечивается механизмами социальной защиты. Разработка и осуществление социальной политики, ориентированной на создание условий для полноценной жизни человека, раскрытия его интеллектуальных и профессиональных способностей, является одной из первостепенных обязанностей государственного аппарата. Центральное место в этом процессе занимает отлаженная система социальной защиты, финансируемая преимущественно из государственного бюджета.

Основополагающим инструментом решения социальных задач служит выстраивание результативной государственной социальной политики. Следует учитывать, что сущность и определение государственной политики, а также структурирование ее функций интерпретируются через различные научные парадигмы, учитывая ее специфику как формы общественной деятельности. В частности, выделяют следующие аспекты: политика зиждется на властных полномочиях уполномоченных органов; представляет собой процесс структурирования знаний для решения проблем в соответствующей сфере; предполагает системность, согласованность действий и установление рамок для поведения должностных лиц [2].

Современная модель социальной политики опирается на следующие базовые векторы:

- интеграцию информационно-инновационных технологий в управленческих процессах;
- усиление ответственности органов местного самоуправления как распорядителей бюджетных ассигнований;
- действие системы многоуровневого контроля (со стороны государственных органов и гражданского общества);
- ориентацию на критерии результативности и эффективности.

Социальная политика, реализуемая всеми ветвями власти, должна сфокусироваться на ценностных ориентирах и ожиданиях населения, способствуя тем самым сокращению разрыва между государством и обществом. Именно на институты местного самоуправления возложена основная нагрузка по

² URL: <https://base.garant.ru/411718599/?ysclid=memoll77p7693848110>

решению широкого спектра социальных вопросов: от сфер образования, здравоохранения, ЖКХ и благоустройства до социальной защиты, программ поддержки предпринимательства и регулирования рынка труда [3].

Таким образом, ключевыми акторами социальной политики выступают:

1. Граждане (общество) — основные получатели государственных социальных услуг и мер поддержки, одновременно являющиеся источником формирования финансовых ресурсов государства через налоги, направляемые на социальные нужды.

2. Государство — центральный институт, определяющий стратегию и тактику социальной политики, обладающий необходимой политической и экономической властью, правом устанавливать правила бюджетного регулирования и приоритеты финансирования социальных программ.

3. Хозяйствующие субъекты — организации, создающие рабочие места, выплачивающие заработную плату и финансирующие социальную сферу через налоговые отчисления.

4. Институты гражданского общества — общественные объединения, некоммерческие организации и добровольческие ассоциации, выступающие негосударственными партнерами в решении актуальных социальных проблем [4].

Сущность социальной политики конкретизируется в ее приоритетных направлениях и целевых установках (см. рисунок).

Представленный подход к определению целей государственной социальной политики отличается комплексным характером. Он охватывает разнообразные элементы экономики и социальной сферы, интегрируя кратко- и долгосрочные приоритеты социально-экономического развития. Подобная широта охвата позволяет сформировать обобщенную модель целевой функции социальной политики. Ключевым тезисом выступает положение о том, что последовательная реализация стратегии экономического роста и эффективной государственной социальной политики является обязательной предпосылкой для решения задач социальной защиты населения [5].

Рис. / Fig. Цели и приоритеты социальной политики государства / Goals and priorities of the state's social policy

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Эффективное функционирование механизмов социальной политики требует соблюдения ряда фундаментальных принципов: социальной справедливости (включая эффективность и безопасность), социальных компенсаций, социальных гарантий и социального партнерства.

Центральное место занимает интегральный принцип, объединяющий социальную справедливость, эффективность и безопасность на равных основаниях. Его суть заключается в обеспечении достойного уровня жизни для всех членов общества и создании условий для развития их интеллектуального и физического потенциала без угрозы потери занятости. Данный принцип дополняется:

- Принципом социальных компенсаций — обязанностью государства предоставлять социальные возмещения уязвимым группам населения (малообеспеченным, нетрудоспособным, пожилым).

- Принципом социальных гарантий — государственным обязательством по созданию благоприятных условий и возможностей для самостоятельного обеспечения благосостояния граждан.

- Принципом социального партнерства — конструктивным взаимодействием между государством, работниками и работодателями [6].

На муниципальном уровне развитие общества и высокое качество жизни достигаются через эффективную местную политику и рациональную систему местного самоуправления (МСУ). Механизм реализации МСУ представляет собой комплекс политико-правовых, институциональных, организационных и финансовых компонентов, основанный на трех базовых принципах:

1. Самостоятельность права: законодательное и конституционное закрепление права на местное самоуправление.

2. Власть общей компетенции: право органов МСУ осуществлять любые действия, не запрещенные национальным законодательством (принцип «разрешено все, что не запрещено»).

3. Субсидиарность: передача полномочий на максимально низкий, приближенный к населению уровень управления.

Практическая результативность местной социальной политики, нацеленной на улучшение материального положения, жилищных условий, обеспечение конституционных прав в сфере занятости и социального обеспечения, напрямую

зависит от эффективности исполнения социальной функции всеми участниками системы МСУ³.

Социальная функция МСУ неразрывно связана с принципами устойчивого развития, лежащими в основе политики современных государств. В социальном аспекте устойчивое развитие позволяет создать условия для реализации права на труд, гарантировать равные возможности в профессиональной деятельности, установить пенсии и социальные выплаты, способные обеспечить достойный уровень жизни.

Региональный уровень предполагает: разработку программ социально-экономического развития территорий; формирование местных бюджетов с ориентацией на приоритеты устойчивого развития; реализацию мер по сбалансированному развитию регионов.

Достижение эффективности на этом уровне возможно при соблюдении следующих принципов:

- комплексности — учет всех аспектов регионального функционирования, ключевых тенденций, ресурсного, финансового потенциала и резервов;

- единства — разработка стратегического плана на основе единой правовой базы;

- объективности — формирование стратегии на достоверной информации и анализе прошлого опыта, исключая субъективизм;

- обоснованности — научно аргументированное определение стратегического видения и показателей результативности;

- эффективности — достижение целей при оптимальном использовании финансовых ресурсов и соблюдении приоритетов для обеспечения устойчивости;

- четкости и лаконичности — ясность в определении миссии, стратегических целей и задач;

- приоритетности — фокус на ключевых направлениях, обеспечивающих гармоничное развитие;

- преемственности — вовлечение всех заинтересованных сторон для сохранения преемственности в реализации стратегии;

- альтернативности — проработка нескольких вариантов стратегических сценариев;

- прозрачности — обеспечение публичности и открытости процесса выбора приоритетных

³ Нефедова К.А. Оценка эффективности управления муниципальным образованием: учебное пособие. Москва: КноРус; 2021.

проектов, сценариев развития и разработки стратегии через диалог с общественностью. [7].

ФИНАНСИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Ключевыми субъектами реализации социальной политики на местах являются:

- муниципальные учреждения — центры социального обслуживания (ЦСО), управления образования, комитеты по культуре;
- территориальные подразделения государственных фондов — отделения ПФР и ФСС, обеспечивающие выплату пенсий, пособий по временной нетрудоспособности, материнскому капиталу;
- некоммерческие организации, привлекаемые по конкурсам для оказания социальных услуг (уход за пожилыми, поддержка инвалидов).

В государственных расходах социальные расходы всегда занимали ведущее место, а бюджет страны является одним из основных источников финансирования системы социальной защиты. В целом наблюдается повышение размера и доли государственных расходов, направляемых на социальную защиту населения.

С одной стороны, социализация расходной части бюджетов является положительным явлением, поскольку, уменьшая бедность путем предоставления различных видов социальных пособий и льгот, государство обеспечивает улучшение социально-экономического состояния населения, что благоприятно отражается на экономическом развитии страны в целом. С другой стороны, многие виды социальных пособий и льгот неэффективны, что увеличивает непроизводительную нагрузку на государственные финансы и создает значительные перекосы в социальной политике, когда определенная часть финансовых ресурсов используется без учета основных целей социальной защиты. В то же время дальнейший рост социальных расходов можно объяснить расширением количества и размера социальных услуг, которые в соответствии со своей природой находятся вне интереса частного сектора.

Финансирование развития социальной сферы осуществляется преимущественно через:

- субвенции из федерального и регионального бюджетов — целевые средства на выполнение переданных полномочий (например, пособия малоимущим);
- собственные доходы муниципалитетов (до 20% в структуре) — направляются на содержание школ, больниц, дорог;

• налоговые льготы местного уровня: снижение ставок по земельному налогу для социально ориентированных НКО или льготных категорий граждан.

Вместе с тем, проблемой остается хроническое недофинансирование социальной инфраструктуры в малых городах и селах, ведущее к закрытию ФАПов, школ, домов культуры.

Для повышения эффективности социальных расходов муниципалитеты внедряют принцип адресности через:

- социальный паспорт территории: база данных о нуждающихся (малоимущие, инвалиды, многодетные);
- комиссии по признанию нуждаемости: оценка доходов, имущества, жизненных обстоятельств;
- перевод льгот в денежную форму (монетизация) — сокращение неэффективных «социальных билетов» для всех групп населения в пользу денежных выплат наиболее уязвимым.

Ключевыми направлениями повышения эффективности управления социальной инфраструктурой в настоящее время являются:

- в области ЖКХ — муниципальный контроль за тарифами, программы капремонта, переселения из аварийного жилья;
- в области транспорта — обеспечение доступности социальных объектов (больниц, МФЦ) через маршрутизацию;
- в образовании и здравоохранении — оптимизация сети учреждений с учетом пешей доступности в сельской местности⁴.

Повышение эффективности управления отраслями социальной сферой возможно через инновационные направления:

- эффективный контракт, ориентированный на работников бюджетной сферы (учителя, врачи), где оплата труда напрямую зависит от качества предоставляемых услуг;
- «дорожные карты» повышения качества услуг, предусматривающие стандарты времени ожидания, комфортности обслуживания;
- социальное партнерство в виде привлечения бизнеса к софинансированию детских садов, спортивных объектов через механизмы ГЧП.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Современными трендами развития социальной сферы можно считать:

⁴ Волгина Н.А. Государственная и муниципальная социальная политика: учебное пособие. Москва: КноРус; 2022.

Распределение ответственности в социальной сфере на муниципальном уровне/ Distribution of responsibility in the social sphere at the municipal level

Направление / Direction	Инструменты реализации / Implementation tools	Ответственные структуры / Responsible structures
Соцзащита населения	Соцконтракты, адресные пособия, карты льготника	Управления соцзащиты, МФЦ
Занятость	Программы переобучения, ярмарки вакансий, квотирование	Центры занятости населения (ЦЗН)
Образование/культура	Муниципальные задания, подушевое финансирование	Комитеты образования, управления культуры
ЖКХ	Тарифное регулирование, программы капремонта	Департаменты ЖКХ

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

1) центры «Мои документы» (МФЦ) как точки доступа ко всем социальным услугам;

2) интеграцию баз данных (ПФР, соцзащита, налоговая) — для автоматического назначения выплат;

3) актуализацию стандартов доступности для инвалидов (пандусы, тактильная навигация) — в рамках госпрограммы «Доступная среда»⁵.

Поскольку на государственном и муниципальном уровне субъектов управления социальной сферой множество — возникает проблема разделения ответственности (см. таблицу).

Муниципалитеты в России — это «социальные инженеры на местах», от эффективности которых зависит, обретут ли федеральные программы реальные очертания в жизни граждан [8]. Усиление их финансовой самостоятельности, внедрение цифровых платформ и глубокая адресность станут ключевыми векторами модернизации социальной политики в ближайшее десятилетие. Государство должно сохранять обязательства перед уязвимыми группами и создавать условия для самостоятельного обеспечения благосостояния трудоспособными гражданами.

ВЫВОДЫ

Реализация эффективной социальной политики на муниципальном уровне является критически важным условием для обеспечения достойного уровня жизни населения, социальной стабильности и устойчивого развития территорий. Проведенный анализ механизмов и инструментов этой реали-

зации позволяет сделать следующие ключевые выводы:

1. Муниципалитет как ключевой уровень. Именно муниципальный уровень власти обладает уникальным преимуществом — непосредственной близостью к населению и пониманием его специфических, локальных потребностей и проблем. Это делает его основным «исполнителем» социальной политики на местах.

2. Комплексность механизмов. Реализация социальной политики требует слаженного взаимодействия нормативно-правовых (местные программы, положения), организационных (структура управления, межведомственное взаимодействие, МСУ) и финансово-экономических (местный бюджет, субсидии, софинансирование, ГЧП) механизмов. Их согласованность определяет эффективность всей системы.

3. Муниципалитеты обладают широким арсеналом инструментов:

- программно-целевые — разработка и реализация муниципальных целевых программ по приоритетным направлениям (соцподдержка, здравоохранение, образование, культура, спорт, ЖКХ);
- адресные — предоставление мер поддержки на основе оценки нуждаемости (соцвыплаты, субсидии, льготы);
- социального обслуживания — организация работы учреждений соцзащиты, предоставление социальных услуг (включая негосударственный сектор);
- информационно-консультационные — обеспечение доступности информации о правах и мерах поддержки;

⁵ URL: <https://tiflocentre.ru/stati/gosprogramma-dostupnaya-sreda.php>

• участие населения — развитие форм общественного контроля, взаимодействия с НКО, ТОС, волонтерством;

• цифровые — внедрение электронных сервисов (ЕГИССО, МФЦ, порталы), геоинформационных систем для анализа потребностей и адресности.

4. Цифровизация как драйвер. Активное внедрение информационных технологий кардинально меняет подходы, повышая оперативность, доступность услуг, прозрачность принятия решений и точность адресности социальной поддержки.

5. Актуальные вызовы. Несмотря на развитие инструментария, муниципалитеты сталкиваются с серьезными вызовами: ограниченность финансовых ресурсов, дефицит квалифицированных кадров, необходимость постоянной адаптации к меняющимся потребностям населения (демография, миграция), обеспечение подлинной адресности и эффективности расходования средств, развитие межсекторного взаимодействия.

6. Необходимость системного подхода. Успешная реализация социальной политики на муниципальном уровне возможна только при условии системного подхода, включающего:

• четкое разграничение полномочий и ответственности между уровнями власти;

• адекватное финансовое обеспечение мандатов МСУ;

• постоянный мониторинг и оценку эффективности используемых инструментов;

• гибкость и адаптивность к местным условиям;

• широкое вовлечение институтов гражданского общества и населения в процессы разработки и контроля.

Таким образом, современная социальная политика на муниципальном уровне — это динамичная, многоуровневая система, эффективность которой определяется способностью местных властей грамотно комбинировать и совершенствовать имеющиеся механизмы и инструменты, активно внедрять цифровые решения, преодолевать ресурсные ограничения и выстраивать конструктивный диалог с населением и другими стейкхолдерами. Постоянное совершенствование этой системы — ключевая задача для обеспечения социального благополучия и качества жизни в каждом муниципальном образовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акулич В. Г., Мисинева И. А. Развитие программно-целевого подхода в совершенствовании системы местного самоуправления. *Финансовая экономика*. 2020;8:141–143. URL: <https://www.elibrary.ru/euygvc>
2. Игольникова И. В., Ларина Д. Н. Управление социальной сферой муниципального образования. *Экономика и предпринимательство*. 2021;1(126):344–346. DOI: 10.34925/EIP.2021.126.01.065
3. Боер В. М. Правовая система России: итоги 2021 года. *Закон. Право. Государство*. 2021;4(32):9–14. URL: <https://www.elibrary.ru/qllecp>
4. Абрашин И. И. Основные направления политики цифровизации местного самоуправления. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022;12–12(93):4589–4600. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-12-4589-4600
5. Азарова А. Е. Особенности формирования социально экономического потенциала муниципально-образовательного образования в современных условиях. *Глобальный научный потенциал*. 2020;5(110):177–181. URL: <https://www.elibrary.ru/bkvhgu>
6. Лукьянова М. Н. Перспективы и проблемы развития муниципальных образований в России и за рубежом: сборник статей. Москва: Русайнс; 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/ypawzc>
7. Килинкаров П. Л. Принципы включения местного самоуправления в систему единой публичной власти. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022;8:21–25. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-8-21-25
8. Забелина Е. П. Понятие и сущность муниципальных процедур. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;18(3):23–31. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.023-031

REFERENCES

1. Akulich V. G., Misineva I. A. Development of a program-oriented approach in improving the system of local self-government. *Financial economics*. 2020;8:141–143. URL: <https://www.elibrary.ru/euygvc> (In Russ.).
2. Igolnikova I. V., Larina D. N. Management of the social sphere of municipal education. *Economics and entrepreneurship*. 2021;1(126):344–346. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2021.126.01.065
3. Boer V. M. The legal system of Russia: The results of 2021. *Law. Right. State*. 2021;4(32):9–14. URL: <https://www.elibrary.ru/qllecp> (In Russ.).

4. Abrashin I.I. Basic directions of the digitalization policy of local self-government. *Issues of national and federal relations*. 2022;12–12(93):4589–4600. (In Russ.). DOI: 10.21686/2073-1051-2022-12-4589-4600
5. Azarova A.E. Features of the formation of the socio-economic potential of a municipal entity in modern conditions. *Global scientific potential*. 2020;5(110):177–181. URL: <https://www.elibrary.ru/bkvhgu> (In Russ.).
6. Lukyanova M.N. Prospects and problems of development of municipalities in Russia and abroad: collection of articles. Moscow: Rusains; 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/ypawzc> (In Russ.).
7. Kilinkarov P.L. Principles of inclusion of local self-government in the system of unified public authority. State power and local self-government. 2022;8:21–25. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2022-8-21-25
8. Zabelina E.P. The concept and essence of municipal procedures. *Actual problems of Russian law*. 2023;18(3):23–31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.023-031

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Валерий Энгельсович Комов — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Valerii E. Komov — PhD in Economics, Assoc. Prof. of the Department of Public and Municipal Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-8242-281X>

vekomov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.06.2025; принята к публикации 11.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 11.06.2025; accepted for publication 11.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Локальный контекст и партийная риторика: кейс ЛДПР в условиях городской повестки

Д.Ю. Знаменский^а, Д.С. Лукьяненко^б, С.Д. Богачева^с^{а,б,с} Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация;^а Национальный исследовательский университет – Московский энергетический институт,
Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению степени содержательной релевантности между программной риторикой Либерально-демократической партии России (ЛДПР) и актуальной социополитической повесткой г. Кинешмы Ивановской области на фоне доминирования партии власти и отсутствия оппозиционного представительства в органах местного самоуправления. Методологической основой исследования выступает количественно-качественный контент-анализ, примененный к текстам муниципального СМИ «168 часов» и официальным программным материалам ЛДПР. Объект анализа – медиаполе как отражение общественных ожиданий и партийная риторика как форма институционального отклика на них. Эмпирические результаты показывают, что медиадискурс г. Кинешмы структурно сосредоточен на таких темах, как состояние ЖКХ, доступность медицинской помощи, экологическая безопасность, дефицит рабочих мест и рост стоимости городских услуг. Эти проблемы доминируют по частотности и тональности, формируя устойчивую повестку социального напряжения. В то же время программная риторика ЛДПР фокусируется преимущественно на абстрактных, общероссийских проблемах, таких как коррупция, внешнеполитическая угроза, защита традиционных ценностей, не предлагая конкретных решений для локальных вызовов. Анализ показывает, что программа ЛДПР выступает как носитель федеральных политических нарративов с выраженным популистским оттенком и ограниченной локальной адаптацией. В партийных материалах отсутствует четкая содержательная адаптация к муниципальному контексту, что препятствует формированию устойчивого политического имиджа и снижает уровень электоральной релевантности. Стратегия партии носит мобилизационный и протестный характер, но не подкрепляется адресной политической повесткой, что снижает ее потенциал в условиях локальной конкуренции. Выводы исследования подчеркивают необходимость тематической переориентации оппозиционных партий на конкретные проблемы городского уровня. Полученные результаты обладают прикладной значимостью для разработки содержательно обоснованных электоральных стратегий в малых и средних городах с высокой степенью политической концентрации и социоэкономических противоречий. Материалы статьи могут быть полезны при подготовке муниципальных кампаний, а также при оценке риторической эффективности партий в условиях локальной политической асимметрии.

Ключевые слова: контент-анализ; ЛДПР; Кинешма; местные выборы; партийная риторика; городская повестка; муниципальная политика; электоральные стратегии

Для цитирования: Знаменский Д.Ю., Лукьяненко Д.С., Богачева С.Д. Локальный контекст и партийная риторика: кейс ЛДПР в условиях городской повестки. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):98-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-98-109

Local Context and Party Rhetoric: The Case of the LDPR the Urban Agenda

D.Yu. Znamenskiy^а, D.S. Lukyanenko^б, S.D. Bogacheva^с^{а,б,с} The State University of Management, Moscow, Russian Federation;^а National Research University – Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to examining the degree of substantive relevance between the programmatic rhetoric of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) and the current socio-political agenda of the city of Kineshma in the Ivanovo Region, against the backdrop of the ruling party's dominance and the absence of opposition representation in local self-

government bodies. The methodological basis of the study is a quantitative and qualitative content analysis applied to the texts of the municipal media outlet "168 Hours" and the official programmatic materials of the LDPR. The object of analysis is the media space as a reflection of public expectations and party rhetoric as a form of institutional response to them. Empirical results show that Kineshma's media discourse is structurally focused on issues such as the state of housing and communal services, the accessibility of medical care, environmental safety, a shortage of jobs, and rising prices for municipal services. These problems dominate in terms of frequency and tone, forming a stable agenda of social tension. At the same time, the LDPR's programmatic rhetoric focuses mainly on abstract, nationwide issues such as corruption, foreign policy threats, and the defense of traditional values, without offering concrete solutions to local challenges. The analysis shows that the LDPR's program functions as a carrier of federal political narratives with a pronounced populist character and limited local adaptation. The party's materials lack clear substantive alignment with the municipal context, which hinders the formation of a stable political image and reduces the level of electoral relevance. The party's strategy is mobilizational and protest-oriented, but is not supported by a targeted political agenda, which limits its potential under conditions of local competition. The study's findings emphasize the need for opposition parties to reorient thematically toward specific urban-level issues. The results obtained are of practical value for the development of substantively grounded electoral strategies in small and medium-sized cities with a high degree of political concentration and socio-economic contradictions. The article's materials may be useful in preparing municipal campaigns and in assessing the rhetorical effectiveness of parties under conditions of local political asymmetry.

Keywords: content analysis; LDPR; Kineshma; local elections; party rhetoric; urban agenda; municipal politics; electoral strategies

For citation: Znamenskiy D.Yu., Lukyanenko D.S., Bogacheva S.D. Local context and party rhetoric: The case of the LDPR the urban agenda. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):98-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-98-109

ВВЕДЕНИЕ

Изучение публичной политики на местном уровне [1] в настоящее время является одним из наиболее разработанных направлений прикладной политологии. В этой связи представляется справедливой точка зрения профессора НИУ ВШЭ В. Г. Ледяева, отмечавшего, что «городские сообщества могут рассматриваться как своеобразная модель властных отношений в обществе в целом, что делает их интересным объектом для политологического исследования» [2, с. 7]. Другой автор, внесший значительный вклад в изучение города как обособленной социально-политической единицы, подчеркивал его значение как «элемента системы территориальной организации населения и жизнедеятельности человека» и как «ключевого звена политической системы современных государств» [3, с. 10]. Кроме того, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного переосмысления механизмов политической репрезентации и коммуникативного воздействия оппозиционных партий в условиях институционального доминирования одной политической силы на муниципальном уровне. Исследование направлено на эмпирическое тестирование гипотез о релевантности, адресности и эффективности политической риторики ЛДПР в контексте проблемных и перспективных направлений развития муниципалитета. Это придает работе не только методологическую и научно-аналитическую значимость, но и практическую применимость в формате формирования действенных электоральных сценариев.

Объектом настоящего исследования выступает городской округ Кинешма Ивановской области, представляющий собой типичный город средней полосы России с точки зрения проблем как социально-экономического, так и политического развития. Доминирующая политическая сила, в лице Всероссийской политической партии «Единая Россия», контролирующая не только представительные органы государственной власти и местного самоуправления, но и исполнительные органы власти на всех уровнях, производит устойчивую блокировку нарастания политической субъектности иных партийных структур. В частности, отсутствие депутатов от ЛДПР в городской Думе г. Кинешмы на фоне достаточно высокой узнаваемости данной политической организации и наличия электорального запроса на альтернативу действующей власти обнажает не только дисфункцию коммуникационных каналов оппозиционных сил, но и необходимость их концептуальной и содержательной реконфигурации с учетом локального политического контекста.

Научная новизна статьи заключается в эмпирическом анализе особенностей политической репрезентации оппозиционной партии ЛДПР в уникальных условиях муниципального сообщества г. Кинешмы — одного из типичных малых городов постсоветской России с выраженной социальной однородностью и устойчивым институциональным доминированием партии власти.

Впервые в научном обороте представлен систематизированный контент-анализ регионального медиополя г. Кинешмы за период с конца 2024 по

начало 2025 г., позволяющий выявить глубинные механизмы информационной маргинализации оппозиционной политической силы в условиях ограниченного политического плюрализма. В отличие от традиционных исследований партийной конкуренции акцент сделан на локальной коммуникативной структуре, которая выступает посредником между общественными запросами и политическими акторами.

Новизна также заключается в разработке и эмпирической проверке многоуровневой гипотезы о несоответствии между риторическими стратегиями ЛДПР и актуальной проблематикой городской повестки, а также в выявлении особенностей медийного позиционирования партии, проявляющихся в тематической однобокости (экологическая проблематика) и реактивном характере коммуникации.

Кроме того, в работе предлагаются практические рекомендации по реконфигурации электоральной стратегии ЛДПР на муниципальном уровне, основанные на результатах контент-анализа и экспертной оценки потребностей городской аудитории. Эти выводы могут быть использованы для формирования более релевантной и конкурентоспособной модели политической коммуникации в условиях фактической монополии власти.

Цель проведенного контент-анализа заключается в выявлении системных разрывов между идеологическими установками и программной риторикой Либерально-демократической партии России, с одной стороны, и реальными потребностями электорального поля г. Кинешмы — с другой. В центре внимания — выявление системных расхождений между текущими установками партийной риторики и фактическими запросами избирателей. Исследование основывается на классической методологии количественно-качественного контент-анализа. М. В. Беляков отмечает: «На сегодняшний день это один из наиболее распространенных количественных методов анализа текста в лингвистике» [4, с. 60]. Объектом анализа стало одно из ключевых и репрезентативных местных СМИ — еженедельник «168 часов»¹.

МЕТОДЫ

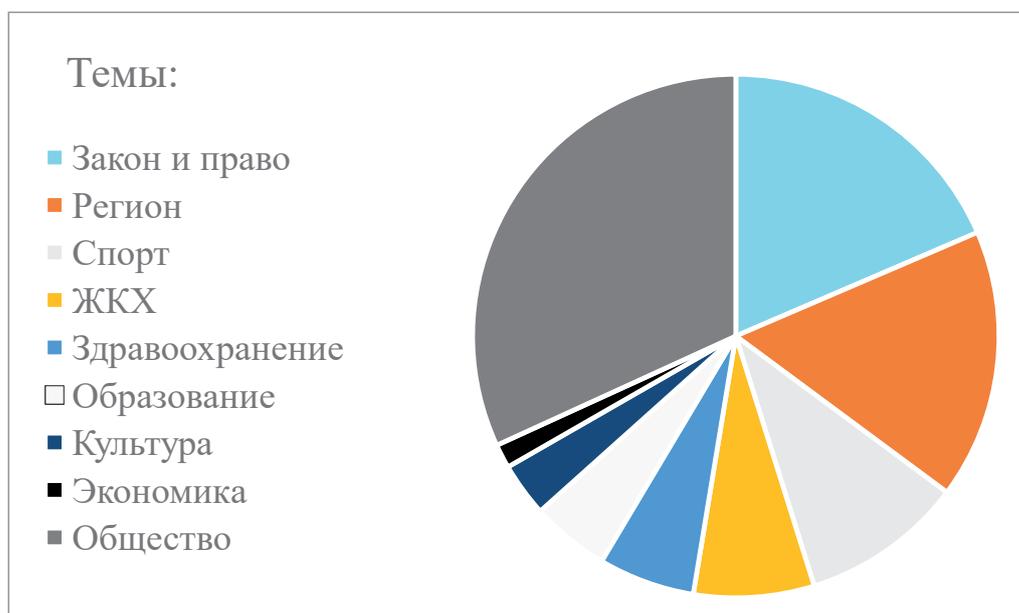
В обозначенных условиях представляется целесообразным обращение к методологии контент-анализа — как к когнитивно-аналитическому инструменту, обладающему потенциалом вскрытия не только

явных, но и латентных структур политического дискурса. Выбор контент-анализа как базового метода исследования объясняется его принципиальным методологическим посылом, который основывается на неоднородности любого текстового массива и изменчивости частоты упоминаний тех или иных вопросов, проблем, событий или явлений в зависимости от политической повестки дня. В соответствии с логикой метода выявленные количественные характеристики изучаемого массива документов отражают существующие особенности изучаемых политических явлений и процессов. Иными словами, методически контент-анализ ориентирован на извлечение из всего многообразия в текстовом массиве специально интересующих исследователя компонентов формы и содержания, которые затем подсчитываются и подвергаются статистической обработке; ключевым вопросом, возникающим в процессе составления программы исследования, является определение неких смысловых единиц — единиц анализа [5]. Таким образом, методический потенциал контент-анализа в рамках проводимого исследования обусловлен возможностью непосредственного измерения различных компонентов текстовой информации (единиц анализа), в том числе прямых и косвенных упоминаний принципиальных для городской повестки дня вопросов.

Таким образом, контент-анализ, будучи одним из наиболее апробированных методов качественного и количественного анализа текстовой и визуальной информации, применяется в настоящем исследовании к корпусу локальных медийных источников, освещающих деятельность ЛДПР в г. Кинешме, с целью выявления степени корреляции между партийно-политическим нарративом и реальной социополитической повесткой городской среды. При этом важно подчеркнуть, что повестка, формируемая в рамках муниципального публичного пространства, определяется не только содержанием локальных проблем — таких как дефицит доступной медицины, неразвитость транспортной и жилищной инфраструктуры, трудовой рынок в состоянии стагнации, — но и стратегическим молчанием, либо неформальностью политических альтернатив.

Полное исследование опирается на многоуровневую модель, в которую интегрированы: контент-анализ как метод деконструкции публичных месседжей, SWOT-анализ и метод анализа иерархий для выявления структурных слабостей партийной деятельности, метод Дельфи — для включения экспертного знания в проектирование стратегии.

¹ Кинешемский городской новостной ресурс «168 часов». URL: <https://168.ru/>

Рис. / Fig. Отношение распределения упоминаемых тем городской повестки города Кинешмы в источнике «168 часов» за январь 2025 г. / Ratio of distribution of mentioned topics of the city agenda of Kineshma city in the source '168 hours' for January 2025

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Для достижения цели научной статьи авторами выделены следующие единицы анализа: 1) политика (в том числе упоминания ключевых слов: «губернатор Воскресенский», «инициатива», «поддержка», «общественный совет», «обращение»); 2) социальная сфера (ключевые слова: «пенсионеры», «пожилые», «ветераны», «старики», «малоимущие», «нуждающиеся», «социально уязвимые», «дети», «несовершеннолетние», «воспитанники», «многодетные семьи», «семьи с детьми», «матери-одиночки», «одинокие матери», «инвалиды», «люди с ограниченными возможностями», «безработица»); 3) жилищно-коммунальное хозяйство (ключевые слова: «ремонт дорог», «обновление», «реставрация», «отключение электроэнергии», «Кузнецкий мост»); 4) экология (ключевые слова: «очистные сооружения», «Волга», «Казоха», «загрязнение»); 5) медицина (ключевые слова: «роддом», «Кинешемская ЦРБ»). Как считают эксперты: «Понятие единиц анализа является крайне важным аспектом, поскольку выступает своего рода аналогом исследуемых (но неконтролируемых) переменных в эксперименте» [6, с. 29]. Результаты демонстрируют значительные диссонансы между популистской риторикой федеральной программы ЛДПР и конкретными проблемами г. Кинешмы, требующими локализованных решений.

В контексте данного исследования, опирающегося на методологию контент-анализа и направ-

ленного на выявление степени релевантности политической активности ЛДПР актуальной повестке городского сообщества Кинешмы, целесообразно выдвинуть гипотезу, подлежащую эмпирической проверке в процессе аналитической работы. Гипотеза исходит из предположения о наличии устойчивого несоответствия между программными установками и медиариторикой ЛДПР в Кинешме и реальными потребностями городского электората. Это несоответствие проявляется в недостаточном внимании к социально-инфраструктурным проблемам, актуальным для большинства жителей, а также в отсутствии фокусировки на перспективных направлениях развития городской политики — таких как экология, туризм и промышленность. В результате формируется нечеткий и неустойчивый политический образ партии, неспособный консолидировать поддержку как носителя содержательной и реалистичной альтернативы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Общественно-политическая и социальная повестка города Кинешмы: анализ местных СМИ

Контент-анализ публикаций СМИ г. Кинешмы выявил, что политическая повестка строится преимущественно вокруг деятельности губернатора Станислава Воскресенского. Его фигура представлена как инициатор социальных и инфраструктурных

проектов, при этом модальность сообщений в целом нейтрально-позитивная. Региональные медиа формируют образ главы региона как эффективного управленца, вовлеченного в решение насущных проблем области — от модернизации системы здравоохранения до капитального ремонта школ и дорог. Такая репрезентация способствует укреплению имиджа губернатора как ответственного лидера, ориентированного на результат. Однако на фоне этой лояльной риторики периодически фиксируются критические публикации, связанные с деятельностью местных властей — администрации города, управлений ЖКХ и экологических служб.

По мнению экспертов, медиaprостранство служит полем общественного дискурса, взаимодействия субъектов коммуникации, главный его потенциал связан с возможностью обеспечения социальных связей и взаимодействия в обществе как по горизонтали (между социальными слоями, группами), так и по вертикали (между личностью и различными сообществами; народом и властью). Политическая повестка медиа носит сбалансированный характер: присутствует как позитивная подача (в контексте поддержки социальных инициатив), так и критика — преимущественно в адрес муниципального уровня [7].

В структуре локального медиадискурса все чаще акцентируются проблемные аспекты взаимодействия населения с органами местного самоуправления. Особое внимание заслуживают упоминания о недоверии к муниципальным структурам, что сопровождается сигналами о непрозрачности бюджетных решений, неэффективном расходовании средств и формализме в работе с обращениями граждан. Такие сигналы, как правило, появляются в контексте обсуждения городских инфраструктурных проектов, распределения бюджетных субсидий и исполнения социальных программ. Публикации подчеркивают, что слабая обратная связь и бюрократический подход подрывают доверие горожан к местной власти и провоцируют ощущение социальной отчужденности. Эти аспекты прямо или косвенно указывают на коррупционную составляющую в действиях городского руководства и муниципальных учреждений. Темы, касающиеся нарушений при распределении подрядов, качества выполненных работ, игнорирования жалоб населения, — систематически освещаются в негативном ключе.

В результате исследования локального СМИ по ключевому слову ЖКХ исследователями было

выявлено, что жилищно-коммунальное хозяйство выделяется как безусловный лидер по количеству публикаций и по уровню негатива. Аварийное состояние дорог и мостов, сбросы в Волгу, перебои с энергоснабжением — все это формирует устойчивый критический фон. По сути, ЖКХ является «репутационным болевым узлом» городской повестки. Аналогичный вывод делается и в других исследованиях, например, «ЖКХ в региональных медиа становится индикатором некомпетентности или бездействия власти».

От критики инфраструктуры медиа плавно переходят к социальной повестке. По итогу анализа единиц социальной сферы проявляется своеобразный когнитивный диссонанс: новости о выплатах семьям и ремонтах школ окрашены позитивом, но рядом идут жалобы на Кинешемскую ЦРБ и безработицу. Динамика тем показывает: всплески соцпубликаций синхронизированы с бюджетными и госкорпоративными акциями, тогда как всплески негатива по здравоохранению — с очередным скандалом вокруг кадрового дефицита больницы. Из 100 городов страны с наиболее загрязненной атмосферой 65 расположены в бассейне Волги [8].

По исследованию единицы «здравоохранение» исследователи приходят к выводу, что единица анализа раскрывается со смешанной, но в целом негативной модальностью. Позитивные упоминания касаются поддержки медиков и отдельных инициатив по улучшению системы, однако они перекрываются нарративами о нехватке кадров, перегрузке ЦРБ и конфликтных ситуациях вокруг больницы. Как показывают итерации упоминаний, резкие всплески происходят во время острых инцидентов — очередей, жалоб, аварий.

Единицы «экономика» и «демография» освещаются умеренно и преимущественно в нейтральном или смешанном ключе. Однако в экспертной оценке они получают высокий приоритет: особенно проблема оттока молодежи и утраты промышленного потенциала. Это дополнительно подтверждается результатами экспертного опроса методом Дельфи, проведенного параллельно с контент-анализом.

В обоих кварталах, попавших в фокус анализа, ЖКХ стабильно занимает первое место по уровню упоминаемости и негативности. Во втором квартале наблюдается подъем интереса к социальной тематике и экологии, тогда как уголовные дела и вопросы правопорядка, фигурировавшие ранее, отступают на второй план.

Структурно-тональный анализ социального дискурса в локальном медиапространстве Кинешмы на примере контента газеты «168 часов» за январь 2025 года / Structural and tonal analysis of social discourse in the local media space of Kineshma on the example of the content of the newspaper «168 hours» for January 2025

Тематика / Subject	Позитивная / Positive	Нейтральная / Neutral	Негативная / Negative
Поддержка семей с детьми	40	5	0
Социальные выплаты и льготы	12	18	0
Здравоохранение	10	8	10
Образование и молодежь	4	8	0
Пенсионеры и инвалиды	3	7	0
Безработица и занятость	2	7	0

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Контент-анализ программы ЛДПР

Таким образом, анализ медиаконтента, освещающего повседневную проблематику и политическую динамику г. Кинешмы, позволяет реконструировать спектр наиболее значимых для местного сообщества тем, формирующих основу актуальной городской повестки (см. табл.).

Учитывая, что в условиях политической конкуренции восприятие партийных брендов все чаще зависит от их способности реагировать на локальные вызовы, важно сделать сопоставление официальных партийных позиций с зафиксированными запросами в медиаполе и проблемами населения. В этом контексте логичным продолжением исследования становится обращение к программным установкам и публичной риторике ЛДПР с целью выявления степени их тематического соответствия выявленным в медиапространстве социальным и инфраструктурным приоритетам, а также оценки потенциала партии как носителя релевантной политической альтернативы. Такой подход позволяет перейти от анализа репрезентаций к оценке практической политической применимости партийного дискурса, а также его способности мобилизовать поддержку на основе актуальных и значимых для граждан ориентиров.

Контент-анализ программы ЛДПР² выявляет фундаментальный диссонанс между ее универсальной популистской риторикой и спецификой электорального поля г. Кинешмы.

² Официальный сайт всероссийской партии ЛДПР. URL: <https://ldpr.ru/party?page=63>

Так, тематический блок «экономика» представлен в 8 случаях, при этом 100% упоминаний носят негативный характер и сосредоточены на критике коррупции, ценового давления и налоговых диспропорций. Императивная модальность (62%) доминирует над декларативной (38%), что свидетельствует о преобладании мобилизационно-протестной риторики над содержательно-программными тезисами.

Социальная проблематика, фигурирующая 10 раз, формирует наиболее представленный тематический кластер. Несмотря на количественное преобладание, модальность преимущественно негативная — основное внимание сосредоточено на кризисных аспектах социальной политики: доступ к медицинским услугам, жилищные условия, уровень доходов. Императивный регистр высказываний составляет 70%, что указывает на использование популистских приемов эмоционального давления при минимальной разработке конструктивных механизмов решений.

Тематика миграции и демографии охвачена в 6 фрагментах, из которых 83% имеют негативную оценочную окраску. 80% высказываний оформлены в императивной форме, акцентируя внимание на репрессивной модели миграционной политики и формируя образ внешней угрозы, характерный для национал-популистской риторики.

Таким образом, анализ показывает, что программные документы ЛДПР сконцентрированы на эмоционально насыщенном, директивном дискурсе с минимальным уровнем адаптации к локальным контекстам. Риторика партии преимущественно строится на общих, зачастую универсальных

лозунгах и императивах, которые не учитывают уникальные особенности и потребности конкретных регионов, в том числе г. Кинешмы. Вопросы, критически значимые для г. Кинешмы — состояние здравоохранения, экологическая безопасность, деградация инфраструктуры — представлены фрагментарно или вовсе отсутствуют. Это свидетельствует о необходимости содержательной ревизии партийной риторики в сторону территориально ориентированных решений и повышения содержательной конкретности в коммуникации с избирателем.

Анализ политических коммуникаций ЛДПР позволяет выделить устойчивые черты ее дискурса, отражающие как идеологическую установку, так и стратегию взаимодействия с электоратом. Основу кампаний составляют эмоционально насыщенные высказывания, призванные вызвать мгновенный отклик у широких слоев населения, зачастую не подкрепленные конкретными механизмами реализации. Визуальная и текстовая агитация партии тяготеет к форме лозунговой агрессии, в которой упрощение сложных социальных проблем становится методом удержания внимания аудитории. Риторика партии, построенная на императивных лозунгах («Заморозить цены!», «В тюрьму воров!», «Очистить страну от нелегалов!»), подменяет конкретные решения эмоциональными клише. Программа ЛДПР демонстрирует типичную для радикально-популистских партий тактику: она эксплуатирует общенациональные фобии и упрощенные оппозиции («народ vs чиновники»), но не выполняет функцию рабочего документа для решения локальных проблем.

Даже в тех случаях, когда в программе упоминаются проблемы социальной сферы или ЖКХ, они подаются декларативно, без учета регионального контекста и специфики функционирования местных институтов. Ее риторика, насыщенная оценочными ярлыками (20+ эпитетов вроде «наглые чиновники») и ультиматумами (80% императивов в миграционной теме), резонирует с протестными настроениями, однако отсутствие привязки к реалиям г. Кинешмы — где жители ждут не лозунгов о «нелегалах», а ремонта Кузнецкого моста и лекарств для ЦРБ, — превращает ее в инструмент политической мобилизации, а не в стратегию развития территории. Такой подход позволяет партии закрепиться в информационном поле как выразителю «народного гнева», но лишает ее статуса конструктивного участника политического процесса на местах. Отсутствие содержательной обратной связи с муниципальным уровнем делает комму-

никации ЛДПР односторонними и реактивными, а не проактивными и адаптивными. По мнению М.А. Молоковой, заместителя председателя комитета по взаимодействию с партиями, религиозными и общественными объединениями: «По сути оппозиция себя постоянно декларирует, однако в практической деятельности наблюдается падение интереса к таким партиям со стороны общества», что подтверждается кейсом партии ЛДПР [9, с. 62]. Проблемы, актуальные для горожан — состояние медицины, дорог, ЖКХ и экологии, — остаются за пределами повестки, что снижает релевантность ЛДПР в глазах локального избирателя, ориентированного на прагматичный и предметный подход к управлению.

Основные темы локальной повестки и партийной риторики

В рамках проведенного контент-анализа медиaprостранства города Кинешма и сопоставления с программными установками партии ЛДПР выявлены как значимые корреляции, так и существенные расхождения в тематическом наполнении локальной повестки и партийной риторики.

Во-первых, тематические кластеры программы ЛДПР — экономика, социальная сфера, миграция и демография — в общем совпадают с выделенными единицами анализа в СМИ города. Так, экономическая проблематика представлена в программе восемь раз с 100% негативной тональностью, что коррелирует с медиаобразом коррупции и экономической несправедливости, активно обсуждаемыми в локальных публикациях. Аналогично, социальная тематика — наиболее представленная в партийной программе (10 упоминаний) — отражает выявленные в СМИ проблемы ЖКХ, здравоохранения и социальной поддержки, где также доминирует негативная тональность. Тематика миграции и демографии, охваченная в шести случаях с 83% негативных высказываний, частично совпадает с локальным дискурсом, сосредоточенным на вопросах нелегальной миграции и угроз безопасности.

Во-вторых, несмотря на эту тематическую корреляцию, выявлены существенные содержательные расхождения. Так, вопросы жилищно-коммунального хозяйства, стабильно доминирующие в медиа г. Кинешмы (ТОП-3 тем последних кварталов, при этом ЖКХ — лидер по частоте и негативности упоминаний), в программе ЛДПР отражены фрагментарно и без конкретных локальных акцентов. Аналогично, вопросы здравоохранения, которые в городских СМИ детально освещаются с учетом

кадрового дефицита и состояния центральной районной больницы, в партийной программе представлены обобщенно и не учитывают специфику кинешемских реалий. Экологическая проблематика, вошедшая в топ-3 приоритетов первого квартала 2025 г., в программе ЛДПР отсутствует. Программа сконцентрирована на федеральных политических темах — коррупции, миграционной политике, экономической несправедливости — с минимальной адаптацией к особенностям локального электората.

В-третьих, модальность высказываний в партийной программе характеризуется доминированием императивных форм: 62% в экономическом блоке, 70% в социальной тематике и 80% в миграционной сфере, что свидетельствует о преобладании мобилизационно-протестного дискурса. Такой дискурс, построенный на эмоционально насыщенных призывах («ЛДПР требует...», «Пора действовать!»), контрастирует с более сбалансированным и разнотональным медиаконтентом г. Кинешмы, где наряду с критикой присутствуют нейтральные и позитивные сообщения, особенно в социальной и инфраструктурной сферах.

Сопоставление этих результатов с программой ЛДПР выявило ключевую проблему: разрыв между федеральной риторикой и локальной повесткой. Программа партии фокусируется на традиционных темах — коррупция, миграция, справедливость, но ключевые запросы кинешемского электората — здравоохранение, экология, ЖКХ — либо опущены, либо обозначены декларативно. Масс-медиа по-разному подходят к сфере освещения политики, поэтому политическим партиям необходимо выстраивать стратегию по формированию своего имиджа на данных платформах с учетом всех мельчайших деталей: демография и политические настроения пользователей, серьезность СМИ, тип восприятия и так далее [10].

Анализ показывает, что программа ЛДПР выступает как носитель федеральных политических нарративов с выраженным популистским оттенком и ограниченной локальной адаптацией. Структура и содержание программы в значительной степени ориентированы на масштабные общенациональные темы и эмоциональные месседжи, которые эффективно резонируют с широкой аудиторией на федеральном уровне, однако плохо учитывают уникальные социально-экономические и культурные особенности отдельных регионов. Ее содержание преимущественно концентрируется на обобщенных и абстрактных проблемах — таких как коррупция, миграция, социальная справедливость, — что делает

ее менее чувствительной к нюансам локальной повестки. Это создает тематический разрыв между приоритетами, выраженными в партийной риторике, и актуальными для кинешемского сообщества проблемами, представленными в медиапространстве города. В результате программа ЛДПР не полностью соответствует ключевым запросам локального электората, что требует дальнейшей проработки партийной коммуникации с учетом территориальной специфики и актуальной городской повестки.

Для более точной оценки степени релевантности программы ЛДПР была разработана сравнительная модель анализа, предполагающая сопоставление содержания партийного документа с медиаповесткой г. Кинешмы. В рамках исследования в качестве ключевых единиц анализа были выделены: политика, социальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), экология и медицина. Их частотность и модальность в программе партии ЛДПР сопоставлялись с данными контент-анализа публикаций регионального СМИ «168 часов».

Единица «политика» в медиапространстве г. Кинешмы представлена устойчивым информационным вниманием к фигуре губернатора Игоря Воскресенского. Вокруг него формируется образ инициатора социальных и инфраструктурных инициатив, модальность сообщений при этом преимущественно нейтрально-позитивная. В программе ЛДПР аналогичных упоминаний не зафиксировано: политическая риторика партии строится на обобщенной критике действующей власти без адресации к субъектам федерации или муниципальным структурам. Таким образом, политическая тематика в риторике ЛДПР представлена опосредованно и не коррелирует с локальным персонализированным контекстом.

Тематика социальной сферы зафиксирована в программе ЛДПР в десяти фрагментах, что делает ее наиболее представленным тематическим блоком. Ключевые категории — «пенсионеры», «малоимущие», «инвалиды», «безработные», «семьи с детьми» — используются в критическом нарративе, подчеркивающим неудовлетворенность потребностей социально уязвимых групп. При этом модальность высказываний преимущественно императивная (70%). В медиаповестке г. Кинешмы социальная проблематика занимает второе место по количеству упоминаний, с фокусом на вопросах здравоохранения (ЦРБ), безработицы и выплат семьям. Модальность сообщений здесь смешанная: наряду с критикой встречаются позитивные сюжеты о реа-

лизации социальных программ. Таким образом, по единице «социальная сфера» наблюдается частичная тематическая корреляция между партийной программой и медиадискурсом.

В отличие от социальной сферы, единица ЖКХ занимает доминирующее положение в медиапространстве г. Кинешмы, стабильно входя в топ-3 тем и отличаясь высокой частотой негативных упоминаний. Основными объектами критики становятся Кузнецкий мост, отключения электроэнергии, аварийность дорог и коммунальных сетей. В то же время в программе ЛДПР ЖКХ не представлен как самостоятельный блок, а отдельные термины, связанные с жилищными условиями, включаются лишь в составе общего социального дискурса, без детализации. Таким образом, при высокой значимости этой тематики на локальном уровне, ее представленность в партийной риторике минимальна. Тематика этих публикаций отражает реальные повседневные заботы местного населения, на которых формируется восприятие эффективности власти и институтов. Внимание СМИ к этим вопросам усиливает их общественную значимость и формирует определенный образ городского управления в глазах жителей, где ключевым критерием оценки становится способность быстро реагировать и качественно решать проблемы ЖКХ.

Аналогичная ситуация наблюдается по единице «экология». В медиапостке г. Кинешмы она вошла в тройку лидирующих тем I кв. 2025 г., что связано с регулярными сбросами в Волгу, состоянием очистных сооружений и ухудшением качества воздуха. Однако в тексте программы ЛДПР отсутствуют не только прямые упоминания данной тематики, но и ключевые термины, ассоциированные с экологической безопасностью. Это свидетельствует о низкой степени тематического пересечения в рассматриваемом направлении.

Что касается единицы «медицина», она в программе ЛДПР включена в рамки социальной проблематики преимущественно в обобщенном виде: речь идет о доступности медицинской помощи и социальной защите. Частотность упоминаний низкая, а конкретные учреждения и механизмы не уточняются. Между тем в СМИ г. Кинешмы медицинская тема занимает заметное место, прежде всего в связи с положением Кинешемской ЦРБ: фиксируются жалобы на очереди, нехватку персонала, инциденты в стационаре. При этом модальность сообщений — преимущественно негативная, с отдельными эпизодами нейтрально-позитивного содержания.

Сопоставление полученных данных позволяет заключить, что риторика ЛДПР охватывает ряд типичных проблем, характерных для провинциальных территорий, прежде всего в социальной сфере. Это отражает общую стратегию партии, направленную на адресацию широко понятных и резонансных тем, которые традиционно вызывают отклик у широкой аудитории и могут мобилизовать базу поддержки. Однако по ряду тем, ключевых для медиапостки г. Кинешмы (ЖКХ, экология, локальная медицина) уровень тематического покрытия в программе партии остается существенно ниже. Так, отсутствие системного освещения экологических проблем — при том, что тема регулярно поднимается в СМИ города — демонстрирует упущенные возможности для формирования содержательной повестки, ориентированной на реальные тревоги населения. Это свидетельствует о пробеле в партийной стратегии, которая могла бы использовать экологические вопросы для укрепления своего имиджа как партии, заботящейся о здоровье и будущем региона. Более того, игнорирование состояния городской инфраструктуры, несмотря на очевидную важность этих вопросов, говорит о недостаточной адаптации партийных тезисов под региональный уровень.

Таким образом, на уровне контент-составляющей наблюдается частичное совпадение при общей тенденции к генерализации и абстрагированию партийной риторики от локального контекста. Логическим следствием подобной тенденции становится снижение эффективности коммуникации между партией и локальным электоратом, особенно в условиях, когда население выражает повышенную чувствительность к качеству управления в конкретной территориальной единице.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило выявить и подробно зафиксировать системное содержательное и модальное рассогласование между программно-речевыми установками Либерально-демократической партии России (ЛДПР) и реально функционирующей социополитической повесткой города Кинешма Ивановской области. На эмпирическом уровне, с использованием метода количественно-качественного контент-анализа, была проведена систематизация ключевых тем, репрезентированных в региональном медиапространстве на базе материалов ведущего городского ресурса «168 часов». Выявленные темы — качество жилищно-коммунальных услуг, доступность медицинской

помощи, экологическая безопасность, дефицит рабочих мест, рост цен на тарифы — обладают высокой частотностью, негативной эмоциональной окрашенностью и значительным общественным резонансом. Эти проблемы устойчиво закреплены в массовом восприятии и формируют политическое сознание горожан, воздействуя на электоральное поведение и отношение к власти.

На фоне столь конкретизированной, проблемно насыщенной локальной повестки, программная риторика ЛДПР представляется преимущественно обобщенной, ориентированной на федеральные или метафорически поданные угрозы — коррупцию, нравственный упадок, внешнеполитическое давление. Стратегия партии основана на мобилизационном и протестном дискурсе, не содержащем адресных предложений, релевантных локальным вызовам. В результате складывается ситуация, при которой ЛДПР, позиционируемая как оппозиционная структура, фактически теряет способность к содержательному институциональному присутствию на уровне города. Ее повестка не встраивается в логику и смыслы местного информационного поля, что обрекает партию на риторическую изоляцию и электоральную инерцию. Отсутствие в программе партии конкретных мер, связанных с модернизацией городской инфраструктуры, развитием системы здравоохранения, поддержкой занятости или

решением экологических проблем, указывает на дефицит стратегической чуткости и недостаточную адаптацию к территории, в которой она пытается действовать как политический субъект.

Результаты анализа демонстрируют, что в условиях монополизированного политического пространства, ограниченного доступа к представительству и фрагментарной медийной видимости, оппозиционной партии недостаточно лишь эксплуатировать протестную риторику. Необходима структурная переориентация на модель политического взаимодействия, предполагающую содержательное встраивание в локальный контекст. Без системной работы с запросами электората на уровне конкретных муниципалитетов, таких как Кинешма, партия рискует окончательно утратить статус значимого актора в муниципальной политике. Выводы настоящего исследования подчеркивают значимость выстраивания программной и риторической стратегии, основанной на точной локализации политического месседжа, его контекстуальной привязке и прозрачной проекции на повседневные проблемы граждан. Это не только расширяет инструментарий политической конкуренции, но и восстанавливает доверие к институтам представительства как на уровне электорального восприятия, так и в рамках институционального взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Знаменский Д. Ю., Хороброва Е. В. Моногород как обособленное политическое пространство: результаты социально-политического исследования. *Вестник университета*. 2022;6:98–104 DOI: 10.26425/1816-4277-2022-6-98-104
2. Ледяев В. Г., Чирикова А. Е. Власть в малом российском городе. Монография. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2017. 414 с. URL: https://id.hse.ru/data/2017/08/13/1174388268/Чирикова-Ледяев-текст_сайт.pdf
3. Таболин В. В. Город в теории и практике: правовые и урбанологические аспекты. Монография. Москва: Юстицинформ; 2020. 352 с. URL: https://old.lawinfo.ru/assets/files/books/2021/Таболин_урбанологическая%20теория.pdf
4. Беляков М. В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент-анализа (статья 1). *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016;3:58–67. URL: <https://elibrary.ru/whbpxv>
5. Знаменский Д. Ю., Казбан Е. П. Методология исследования содержательных установок официального дискурса республик — субъектов Российской Федерации — по проблематике формирования общероссийской гражданской идентичности. *Вестник университета*. 2020;11:195–201. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-11-195-201
6. Митина О. В., Евдокименко А. С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация. *Психология. Психофизиология*. 2010;40(216):29–38. URL: <https://elibrary.ru/nygeon>
7. Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Коммуникативные характеристики контента городских газет (по результатам контент-анализа). *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2016;1:3–27. URL: <https://elibrary.ru/vqszer>
8. Гурьев В. А., Ахмадиев Г. М. Научные основы и принципы сохранения и предотвращения загрязнения реки Волги. *Бюллетень науки и практики*. 2018;1:132–136. DOI: 10.5281/zenodo.1147039

9. Молокова М.А. Становление и развитие оппозиционных партий в современной России. *Вестник Томского государственного университета*. 2010;338:57–63. URL: <https://elibrary.ru/nbvfmr>
10. Невская Т.Л. СМИ как технологический инструмент и канал формирования и продвижения имиджа политических партий. *Социодинамика*. 2022;10:10–19. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.10.39105

REFERENCES

1. Znamensky D. Y., Khorobrova E. V. Monotown as an isolated political space: The results of socio-political research. *University Bulletin*. 2022;6:98–104 (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2022-6-98-104
2. Ledyayev V. G., Chirikova A. E. Power in a small Russian city. Monograph. Moscow: Izd. house of the Higher School of Economics; 2017. 414 p. URL: https://id.hse.ru/data/2017/08/13/1174388268/Чирикова-Ледяев-текст_сайт.pdf (In Russ.).
3. Tabolin V.V. City in theory and practice: legal and urbanological aspects. Monograph. Moscow: Justitsinform; 2020. 352 p. URL: https://old.lawinfo.ru/assets/files/books/2021/Таболин_урбанологическая%20теория.pdf (In Russ.).
4. Belyakov M. V. Analysing the news messages of the website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation by content analysis method (article 1). *Bulletin of RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2016;3:58–67. URL: <https://elibrary.ru/whbpxv> (In Russ.).
5. Znamenskiy D. Y., Kazban E. P. Methodology of the study of content settings of the official discourse of the republics — subjects of the Russian Federation — on the problems of formation of all-Russian civil identity. *University Bulletin*. 2020;11:195–201 (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2020-11-195-201
6. Mitina O. V., Evdokimenko A. S. Methods of text analysis: methodological foundations and programme implementation. *Psychology. Psychophysiology*. 2010;40 (216). URL: <https://elibrary.ru/nygeon> (In Russ.).
7. Svitich L. G., Smirnova O. V., Shiryaeva A. A., Shkondin M. V. Communicative characteristics of the content of urban newspapers (based on the results of content analysis). *Bulletin of Moscow university. Vol. 10. Journalism*. 2016;1:3–27. URL: <https://elibrary.ru/vqszep> (In Russ.).
8. Guriev V.A., Akhmadiev G.M. Scientific bases and principles of preservation and prevention of pollution of the Volga River. *Bulletin of science and practice*. 2018;1: 132–136. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.1147039
9. Molokova M. A. Formation and development of opposition parties in modern Russia. *Bulletin of Tomsk state university*. 2010;338:57–63. URL: <https://elibrary.ru/nbvfmr> (In Russ.).
10. Nevskaya T.L. Mass media as a technological tool and channel of formation and promotion of image of political parties. *Sociodynamics*. 2022;10:10–19. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2022.10.39105

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий Юрьевич Знаменский — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация; доцент кафедры истории и культурологии, Национальный исследовательский университет — Московский энергетический институт, Москва, Российская Федерация

Dmitriy Yu. Znamenskiy — Cand. Sci (Politology), Assoc. Prof. of the Department of Public Administration and Political Technologies, The State University of Management, Moscow, Russian Federation; Assoc. Prof. of the Department of History and Culture, National Research University — Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3492-1567>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

dy_znamenskiy@guu.ru

Дарья Сергеевна Лукьяненко — студентка 3-го курса, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Darya S. Lukyanenko — Student of 3rd course, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0000-9819-041X>

lukanenkodara@gmail.com

Софья Дмитриевна Богачева — студентка 3-го курса, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Sofiya D. Bogacheva — Student of 3rd course, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-1534-3942>

sofbogachewa@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Д. Ю. Знаменский — руководство исследованием, методология, редакция итоговой статьи.

Д. С. Лукьяненко — разработка концепции, интерпретация данных, подготовка итоговой статьи.

С. Д. Богачева — методика сбора данных, сбор и интерпретация данных.

Authors` contributions:

D. Yu. Znamenskiy — research management, methodology, redaction of the final article.

D.S. Lukyanenko — concept development, interpretation of data, preparation of the final article.

S.D. Bogacheva — data mining and it's interpretation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.06.2025; принята к публикации 11.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 29.06.2025; accepted for publication on 11.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Ценность ревизии идей Б.Н. Чичерина для российской политической науки

В.И. Федоров

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье на основе сравнительно-правового и историко-биографического метода рассматривается вклад Б.Н. Чичерина в изучение истории политических учений, партийного строительства, политических идеологий, парламентаризма, местного самоуправления, международных отношений. Чичерин являлся редким примером философа во власти, применившего свои глубокие теоретические знания на практике, работая гласным Тамбовского земства и городским головой Москвы. Анализируется политологическое наследие Чичерина, представленное в его работах: «История политических учений», «Курс государственной науки», «О народном представительстве», «Философия права». В рамках этого выделены и описаны ключевые идеи Чичерина о сильном правовом государстве, соблюдении прав личности, особенностях либерализма и консерватизма, ответственности правительства перед народом, верховенстве права, местном самоуправлении. Автор приходит к выводу, что становление политической науки в России многим обязано Б.Н. Чичерину, разработавшему фундаментальные связи в отношениях по поводу власти, теории среднего уровня и прикладные теории. Современные российские учебные программы по политологии могут быть обогащены постулатами политико-философского учения Б.Н. Чичерина. Ревизия чичеринских идей позволяет глубже понять исторические и политические процессы в России, а также оценить его вклад в развитие политической науки. Исследование подчеркивает актуальность чичеринских концепций в контексте современных политических процессов, особенно в вопросах развития правового государства, защиты гражданских прав и совершенствования системы местного самоуправления. Наследие мыслителя представляет собой ценный источник для дальнейшего развития политической теории и практики в России.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин; правовое государство; политическая партия; политическая идеология; консерватизм; либерализм; местное самоуправление; международные отношения; политология

Для цитирования: Федоров В.И. Ценность ревизии идей Б.Н. Чичерина для российской политической науки. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):110-118. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-110-118

The Value of Revising the Ideas of B.N. Chicherin for Russian Political Science

V.I. Fedorov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In this work, based on the comparative legal and historical-biographical method, the theoretical studies of B.N. Chicherin devoted to the study of the history of political doctrines, party building, political ideologies, parliamentarism, local government, and international relations are considered. Chicherin was a rare example of a philosopher in power who was able to apply his deep theoretical knowledge in practice, working as a member of the Tambov Zemstvo and the mayor of Moscow. The article analyzes Chicherin's political science legacy presented in his works: "The History of political teachings", "The Course of State Science", "On People's Representation", "Philosophy of Law". Within this framework, Chicherin's key ideas about a strong rule of law, respect for individual rights, features of liberalism and conservatism, government responsibility to the people, the rule of law, and local self-government are highlighted and described. The author comes to the conclusion that the formation of political science in Russia owes much to B.N. Chicherin, who developed fundamental connections in power relations, middle-level theories and applied theories. Modern Russian curricula in political science can be enriched by the postulates of the political and philosophical teachings of B.N. Chicherin. The revision of Chicherin's ideas allows for a deeper understanding of historical and political processes

in Russia, as well as to assess his contribution to the development of political science. The research underscores the pertinence of Chicherin's conceptual framework within the contemporary political processes, particularly in the domains of legal state development, civil rights protection, and local self-government system enhancement. The intellectual legacy of the philosopher constitutes a valuable resource for the further advancement of political theory and praxis in the Russian Federation.

Keywords: B.N. Chicherin; rule of law; political party; political ideology; conservatism; liberalism; local government; international relations; political science

For citation: Fedorov V.I. The value of revising the ideas of B.N. Chicherin for Russian political science. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):110-118. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-110-118

ВВЕДЕНИЕ

Российская политическая наука в 1990-е гг. была сформирована на идеях и подходах, использующихся при построении учебных курсов в западных университетах в XX в. На аксиологическом уровне российская политическая наука следовала примату индивидуального над общественным, наиболее эффективной идеологией признавался западный вариант либерализма, отрицалась сильная государственная власть, количественные методы исследования и математизация политической науки доминировали над качественными методами. Российские университеты быстро адаптировали западные учебные программы, включая курсы по либеральной демократии, институциональному анализу и политической теории. В Россию приезжали западные политологи, которые через теорию демократического транзита объясняли и прогнозировали политическое развитие нашей страны, готовя ее будущее в качестве сателлита Запада.

При этом современные российские исследования и политологическое наследие XIX в., представленное работами Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, П.А. Новгородцева, Н.Г. Чернышевского, Г.В. Плеханова, практически не учитывалось. Уже несколько поколений студентов-политологов выросло с ориентацией на однополярный мир и «универсальные» западные ценности и подходы, которые сегодня входят в противоречие с многополярным миром. Дискуссии о создании нового учебника по политологии для студентов российских вузов ведутся с 2017 г. В новом учебнике должны быть учтены национальные интересы, государственные потребности и достижения отечественной социально-политической мысли.

Выдающийся гражданин России, ученый и патриот Борис Николаевич Чичерин (1828–1904 гг.) является одним из наиболее самобытных российских интеллектуалов второй половины XIX в. Чичерин цитируют как классика, который внес большой вклад в развитие политической философии и теории государства и права. Многие его идеи от-

носительно политики государственного устройства общества, высказанные больше столетия назад, оцениваются сегодня как универсальные, способные объяснить и спрогнозировать политические процессы настоящего времени. Чичерин глубоко изучал вопросы местного самоуправления в Европе и России, возможности эволюционного развития общественных отношений через реформы, активизирующие политическое представительство граждан. Целью государства Чичерин вслед за Аристотелем и другими философами признавал общее благо. Эта идея проходит красной нитью во многих работах Чичерина. Для реформирования императорской России Чичерин предлагал движение в сторону конституционной монархии при сильном государстве и обществе, которое будет опорой для государства и поможет ему в развитии страны. Чичерин был редким примером универсального человека, который совмещал научную работу с общественной деятельностью, являясь гласным (депутатом) Тамбовского губернского земского собрания, а позднее городским головой Москвы. В связи с этим актуальным исследовательским вопросом является определение возможности наполнения современных российских учебных программ по политологии постулатами политико-философского учения Б.Н. Чичерина.

В 2023 г. на малой родине Чичерина, в Тамбове, был открыт памятник. Его работы по философии, праву, истории оказали большое влияние на развитие этих наук. Чичерин стал основоположником науки русского государственного права, а также государственного (конституционного) права зарубежных стран в России. Чичерин внес большой вклад в развитие Тамбовской губернии, работая в земстве. Железная дорога «Тамбов — Саратов», новые больницы, библиотеки и школы, повышение качества местного самоуправления в Тамбовской губернии — плоды его работы. В должности городского головы Москвы Чичерину удалось заложить основы современной системы жизнеобеспечения Москвы, расширив инфраструктуру водоснабжения и водоотведения.

Становление политической науки в России многим обязано Б. Н. Чичерину, который разрабатывал фундаментальные связи в отношениях власти, теории прикладные и среднего уровня. Чичерин внес большой вклад в теоретическое осмысление истории политических учений, партийного строительства, политических идеологий, парламентаризма, местного самоуправления, международных отношений. Главным образом его политологическое наследие представлено в пяти томах «Истории политических учений» [1–5] и третьей части «Курса государственной науки», который был назван «Политика» [6]. Чичерин определяет политику как науку о способах достижения государственных целей, совокупность которых сводится к достижению общего блага. Политическая наука, по мнению Чичерина, основана на изучении исторического опыта, общества, истории философии и правовых основ государства.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование базируется на общенаучных подходах познания, включающих сравнительно-правовой метод и историко-биографический метод. Источниками стали известные работы Б. Н. Чичерина: «О народном представительстве» (1866), «История политических учений» (ч. 1–5, 1869–1903), «О народном представительстве» (1899), «Курс государственной науки» (ч. 1–3, 1894–1898), «Философия права» (1900).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно Чичерину, политическая теория и практика тесно взаимосвязаны, причем практика указывает путь для теории [6, с. 2]. При этом политик должен понимать потребности общества и реагировать на вызовы времени, не расходуя ограниченные ресурсы государства на ложные цели. Из-за этого в политической истории чаще встречаются ошибки политиков, а не их успехи. Если Вебер называл политику искусством возможного, то Чичерин считал политику наукой относительного, опирающуюся на изменчивые человеческие действия. Наблюдение и сбор эмпирических данных Чичерин считал главными методами политической науки.

История политических учений в пяти томах, созданная Чичериным в конце XIX в., остается одной из лучших, но малоизученных работ в российской политической философии. В советское время его труды не издавались, а в современной России широкое признание получили западные авторы и их переводы на русский язык. Парадоксально,

но сами западные политические философы часто цитировали Чичерина, который был забыт в России. Чичерин считал, что политическая философия синтезирует практику государственного управления и теоретические рассуждения: «В истории можно различить две главные области, в которых вращается и действует человеческий разум: теоретическую и практическую. Познание теоретического развития мысли в ее чистоте дает нам история философии; высшая же сфера практической жизни есть государство. История политических учений занимает середину между обоими, между философским ходом мысли и практикой государственных учреждений» [1, с. 3–4].

Чичерин, используя гегелевское рациональное понимание развития общества, подробно описал все важные концепции, представил их достоинства и недостатки, логические переходы от одних идей к другим от Античности до конца XIX в. Первый том посвящен идеям Древности и Средних веков, а другие четыре тома — идеям Нового времени. Рационализм, индивидуализм, утилитаризм, натуралистический идеализм, нравственный идеализм, индивидуалистический индивидуализм, абсолютный идеализм, Идеализм в Германии и Франции.

Чичерин выступал за сочетание свободы и порядка, считая, что только такое сочетание может обеспечить стабильное и прогрессивное развитие общества. Чичерин подчеркивал важность государства как института, обеспечивающего порядок и защиту прав граждан. Он утверждал, что право должно быть основано на справедливости и равенстве перед законом. Чичерин придавал большое значение местному самоуправлению, считая его важным элементом демократического устройства, и выступал за децентрализацию власти и наделение местных органов значительными полномочиями для эффективного управления на местах. Идеи Чичерина о сочетании свободы и порядка, роли государства и права, а также местного самоуправления остаются актуальными и сегодня. Его идеи о либерализме и консерватизме, а также о роли государства и права стали основой для многих последующих исследований и дискуссий.

Политические партии подробно рассмотрены в работе Чичерина «О народном представительстве» [7], в которой он изложил собственную классификацию политических партий, выделяя четыре категории: консервативные, либеральные, радикальные (революционные), реакционные. Современными учеными Чичерин считается одним из основоположников теории политических партий [8]. На

субстантивном уровне функциями политических партий Чичерин считал репрезентативную, идеологическую, организационную, рекрутирования политических лидеров, ведения парламентской борьбы, осуществления государственной власти.

Консервативные или охранительные партии придерживаются принципа порядка и стабильности. Их опорой являются аристократия, крупные землевладельцы и часть среднего класса [7, с. 518–519]. Власти предержавшие стремятся сохранить расстановку сил в обществе, позволяющую им преумножать свои богатства и образование, доминируя над другими, которые в свою очередь сопротивляются этому и заявляют о своих правах. Консерваторы не сопротивляются новшествам, если они стали потребностью общества и сами могут быть инициаторами реформ, укрепляющих государство. Идеалом политического устройства для Чичерина была английская конституционная монархия, где глава государства выступает модератором противоборствующих политических сил и объединяет, а не разделяет общество. Однако в случае доминирования стремления к порядку и сохранению даже неэффективных общественных институтов консерваторы превращаются в реакционеров.

Реакционные партии представляют собой крайнее течение консерватизма, стремятся вернуть общество к прежним порядкам при поддержке тех же классов, что и консерваторы [6, с. 514–515]. Реакционная партия использует инстинкты масс в поиске оружия против стремлений к свободе [6, с. 689]. По Чичерину, реакционная партия возникает вследствие появления радикальных левых партий, которые стремятся к слову существующих порядков, а реакционеры высшей целью провозглашают сохранение заведенных порядков. Для реакционных партий главными ценностями являются власть, закон, религия, семья и собственность. Электоральной базой таких партий являются господствующие слои общества, обладающие властью, и народные массы. Чичерин отмечает парадоксальность реакционной партии, которая, как и радикальная партия, не признает ни опыта, ни требований жизни, но в отличие от радикализма она отвергает свободу и прогресс [7, с. 689]. Черты реакционной партии можно увидеть в общественно-политическом движении MAGA Дональда Трампа, которое представляет крайность Республиканской партии США.

Либеральные партии обычно имеют слабую дисциплину и плохую организацию, они выступают за свободу личности и права человека. Их электораль-

ная поддержка происходит от промышленной буржуазии, финансистов и городской интеллигенции. Для либеральной партии главной ценностью выступает свобода. «В своем одностороннем стремлении она способна более развязывать, нежели созидать. Ее начала преимущественно отрицательные... требования власти и порядка слишком часто находят в ней противодействие. Поэтому это партия по преимуществу оппозиционная» [7, с. 508]. Если либералы приходят к власти, то, по мнению Чичерина, они готовы начать необдуманные преобразования, ведущие к разрушению. Либералы становятся бюрократами, использующими свободу в качестве орудия притеснения.

Радикальные партии хорошо организованны и представляют собой крайность либерализма, реализуют свои идеи с помощью революции. Наиболее опасен радикализм, соединенный с социалистической идеей. Чичерин во многом предугадал широкое распространение социализма в России в XX в. «Радикализм не признает ни жизни, ни истории. Для него нет ничего вне принятого начала, которое он хочет провести во всей его логической последовательности. А так как этого нельзя сделать без коренного изменения всего существующего порядка, то радикальная партия, естественно, принимает революционный характер. Поэтому, отправляясь от свободы, он (радикализм) в конце концов становится отъявленным ее противником. Самый из всех деспотизмов тот, который устанавливается радикалами» [7, с. 516]. Чичерин считал, что повышение благосостояния и уровня образования масс во многом уменьшит популярность социализма. Оценивая реалии конца XIX в. в России, Чичерин предупреждал, что рабочие на заводах и интеллигенция постепенно получают условия для конвенционального политического участия и могут победить в политической борьбе.

Чичеринское понимание политических партий — это диалектическая борьба охранительных и прогрессивных сил. Политические партии помогают власти и обществу видеть различные точки зрения на актуальные вопросы и вырабатывать правильную государственную политику. Б.Н. Чичерин полагал, что для становления политической партии нужно постоянно участвовать в политической борьбе, проходить через испытания, чтобы обрести надлежащую крепость и силу. Законодательная власть складывается медленно и может составить противовес более сильной исполнительной власти только после кристаллизации партийной системы с устойчивыми политическими силами.

Политические идеологии, согласно Чичерину, являются выражением представлений различных слоев общества о будущем направлении развития страны. Исследование генезиса и сравнение либерализма, консерватизма и социализма представлено в работах «Курс государственной науки», «Философия права», «История политических учений».

Теоретическая основа русского либерализма заложена в трудах Чичерина, который считал, что свобода личности и ее достоинство, охраняемые законом, являются основой общественного прогресса и развития. В своих работах он подчеркивал важность свободы слова, печати и собраний. Чичерин является создателем концепции «охранительного либерализма» — идеологического оксюморона, сочетающего противоположные начала. Одни исследователи считают концепцию Чичерина зиновьевским рогатым зайцем, а другие видят в ней умеренность современных центристских партий, в сочетании с либеральными мерами и силой власти.

Как отмечает И.И. Евлампиев, Чичерин был противником западного классического либерализма, основанного на английском эмпиризме и французском Просвещении, где государство признается условным «общественным договором» независимых индивидов, свобода которых понимается как отсутствие ограничений для внешних действий [9]. Цели государства сводятся к сиюминутным материальным интересам граждан, которые в любой момент могут «упразднить» государство. Либерализм Чичерина основана на концепциях немецкой философии Г.В.Ф. Гегеля и И.Г. Фихте, где общество предстает первичной духовной целостностью, которая выражается в духовной культуре нации и охраняется государством. Правильное устройство государства должно обеспечивать баланс двух полюсов общественной жизни: устойчивости традиций национальной культуры и новаторства, вносимого свободной творческой деятельностью отдельных личностей. Известный исследователь русской философии XIX в. С.Н. Чижков подчеркивает, что «именно стремление к счастью и свободе совести Чичерин признает в качестве неотъемлемых естественных прав, поскольку они составляют абсолютное условие осуществления внутренней свободы: их нельзя «отъять», не уничтожив при этом саму личность» [10, с. 187].

Характерно при этом критическое отношение Чичерина к часто максималистским устремлениям либералов, которые мы сегодня называем либертарианством: «Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то,

против чего он восставал, будучи в оппозиции». И здесь же: «...Для усмирения демагога нет лучшего средства, как дать ему какую-нибудь власть в руки; он по необходимости становится ее защитником» [11, с. 186]. Таким примером либертарианца во власти стал аргентинский президент Хавьер Милей, который, с одной стороны, пытается простроить новую Аргентину, свободную от социальных обязательств, продвигая радикальные идеи по сокращению роли государства в экономике и социальной сфере. Его реализованные меры по сокращению госфинансирования высшего образования, ограничения прав профсоюзов вызывают массовые протесты в аргентинском обществе. С другой стороны, в стремлении укрепить свою власть Милей пытается увеличить финансирование аргентинских спецслужб.

На XXI заседании клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. Президент России Владимир Путин буквально повторил тезисы Чичерина о крайностях либерализма: «Угрозой является навязывание, превращение в норму тоталитарных по своей сути идеологий, что мы видим на примере сегодняшнего западного либерализма, который выродился, полагаю, в крайнюю нетерпимость и агрессию к любой альтернативе, к любой суверенной и независимой мысли и сегодня оправдывает и неонацизм, и терроризм, расизм и даже массовый геноцид гражданского населения»¹.

Консерватизм рассматривался Чичериним как условие для нормального развития общества, сочетающего либеральные и консервативные идеи, баланс между свободой и порядком. Он выступал за либеральные меры, обеспечивающие права граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, но в то же время подчеркивал важность сильного государства, которое могло бы быть гарантом этих свобод. Чичерин считал, что для нормального функционирования общества необходимо сочетание свободы и ответственности. Консерватизм выступает гарантом сильного государства, которое может защитить права и свободы граждан. Свобода, подчиняющаяся закону, одна может установить прочный порядок. Для Чичерина гражданское общество означало существование свободных личностей с гарантированными политическими и гражданскими свободами, независимость судебной системы, широкое местное самоуправление, высшее образование с широкой автономией университетов.

Социализм Чичерин считал крайним проявлением либерализма, утопической идеологией, неспо-

¹ Путин заявил, что либерализм на Западе выродился в агрессию. ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/22344675>.

собной обеспечить устойчивое развитие общества. Социализм противоречил нравственным идеалам Чичерина: «Делай то, что содействует единению разумных существ, и не делай того, что ведет к их разъединению» [12, с. 143]. Чичерин, являясь сторонником изменений через постепенные реформы, закономерно видел в социализме с его призывами к изменениям через революцию угрозу для прав и свобод граждан. Подавление индивидуальной инициативы и свободы ради всеобщего равенства является деструктивным. В работе «Россия накануне двадцатого столетия» [13] Чичерин предупреждал об опасности увеличения влияния социалистов, снижении эффективности управления институтов государственной власти, невежестве чиновников и общества. «Чичерин считал, что задачей для России в XX в. является укрепление личных гражданских свобод, дарованных Александром II свободами политическими» [13, с. 29].

Парламентаризм выступает фундаментом демократического устройства, обеспечивающим участие граждан в управлении государством. Чичерин видел в парламенте инструмент контроля над исполнительной властью. В работах «О народном представительстве» и «Курс государственной науки» Чичерин подчеркивал, что парламент должен быть представительным органом, отражающим интересы различных слоев общества и балансирующей системы разделения властей. Он считал, что только при наличии независимой законодательной, исполнительной и судебной власти можно обеспечить баланс и стабильность в обществе. Парламент, по его мнению, должен быть наделен значительными полномочиями, чтобы контролировать исполнительную власть и защищать права граждан.

Кроме того, Чичерин отмечал важность политического просвещения и получение образования для успешного функционирования парламентаризма. Он утверждал, что граждане должны быть осведомлены о своих правах и обязанностях, а также о работе парламента, чтобы активно участвовать в политической жизни страны. Идеи Чичерина о центральной роли парламента в демократическом обществе, о важности репрезентации различных слоев общества, разделении властей актуальны и сегодня. Заслуженный юрист Российской Федерации, член ЦИК России Б. С. Эбзеев в комментариях к обновленной в 2020 г. Конституции России приводит цитату Чичерина об исторических особенностях становления государственной власти в России: «Перед государственной властью в России стояли иные задачи, нежели на Западе. Власть была главным движите-

лем общественного развития, а «народ помогал ей всеми силами в устройении отечества, но не столько собственной инициативой, сколько подчиняясь мановению сверху и неся на себе громадные тяжести для общего блага. Это историческое значение самодержавной власти дало ей такую мощь, какой она не имела ни в одной европейской стране, и перед которой должны были исчезнуть все представительные учреждения» [14, с. 12].

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Чичерин считал важнейшим элементом демократического устройства, обеспечивающим участие граждан в управлении местными делами. «Чичерин несколько раз участвовал в качестве кандидата на выборах земского самоуправления и всякий раз побеждал. Он внес большой вклад в развитие земского самоуправления в Тамбовской губернии, где был земским гласным (депутатом), и в Москве, занимая должность городского головы» [15, с. 26]. Чичерин утверждал, что местные органы власти должны быть наделены значительными полномочиями, чтобы эффективно решать вопросы, касающиеся повседневной жизни граждан. Местное самоуправление может быть «основой для перехода от субъект-объектных отношений государства и общества к субъект-субъектным, где человек не средство достижения цели, а сама цель» [16, с. 15].

Местное самоуправление должно быть основано на принципах выборности и ответственности перед населением. Чичерин выступал за создание системы, в которой местные органы власти избираются на основе всеобщего избирательного права, что позволяет каждому гражданину участвовать в управлении местными делами. Чичерин также отмечал важность децентрализации власти как основы местного самоуправления. Он считал, что только при наличии автономных местных органов власти можно обеспечить эффективное управление на местах и приблизить власть к народу. Местные органы власти, по его мнению, должны быть наделены значительными полномочиями, чтобы решать вопросы, касающиеся образования, здравоохранения, благоустройства и других важных сфер жизни.

Труды Чичерина о местном самоуправлении представляют собой глубокое и всестороннее исследование роли местных органов власти в демократическом обществе. Его идеи о выборности, децентрализации и политической культуре остаются актуальными и сегодня, способствуя развитию демократических институтов и гражданского общества.

Международные отношения Чичерин представляет как отношения баланса сил. Ученый еще в 1900 г. в своей работе «Философия права» прогнозировал разрешение европейских конфликтов через большую войну. Он не верил в кантовский вечный мир и был уверен, что в международных отношениях еще долго будет господствовать право сильного. Первая половина XX в. и первая половина XXI в. с драматичными событиями последних лет в очередной раз показывает, что в условиях упадка старых и подъема новых государств дипломатия работает очень плохо. «Государство есть верховный человеческий союз. Но государств на земле много, и между ними постоянно происходят столкновения, которые, за отсутствием высшего судьи, разрешаются войнами, то есть, правом силы. Может ли это считаться нормальным явлением в человеческом обществе? И не требуется ли установление власти, которой подчинялись бы все государства в мире?» [12, с. 326]. Лига наций, а потом ООН были созданы после мировых войн и являлись площадками для цивилизованного диалога государств для предотвращения конфликтов, но они не стали верховной властью, их решения были и остаются рекомендательными.

Согласно Чичерину, «нравственный закон не воспрещает войн, но он требует: 1) чтобы по возможности смягчались проистекающие из них бедствия; 2) чтобы они велись только во имя высших, нравственных целей, а не по прихоти правителей и для притеснения других» [12, с. 333]. «Возможно ли в настоящее время мечтать о прекращении войн?», — задается вопросом Чичерин. И дает ответ в духе политического реализма: «Очевидно, это остается только несбыточным чаянием умов, витающих в облаках и потерявших всякое сознание действительности. Без сомнения, можно, путем посредничества, предупреждать столкновения по второстепенным вопросам». К сожалению, в XXI в. военные конфликты между государствами остаются инструментом разрешения противоречий. Каждое государство самостоятельно оценивает, насколько оно может передать посредникам право решать за него. Каждое государство стремится стать сильнее, чтобы в случае опасности отстаивать свои интересы, опираясь на армию. Чем выше турбулентность в международных отношениях, тем больше поводов к столкновениям между государствами. Как отмечает Чичерин, «лицемерным предлогом для постоянно увеличивающихся вооружений служит желание сохранить мир, а истинным поводом является опасение войны, которая,

при натянутых отношениях, готова вспыхнуть по малейшему поводу» [12, с. 334].

Чичерин признавал войны нежелательным, но неизбежным условием развития человечества. «Новая система равновесия, основанная на прочно установившихся и всеми признанных отношениях национальностей, может быть только результатом кровавых столкновений и упорных войн. Таково ближайшее будущее Европы, на которое бесполезно закрывать глаза. Такое явление постоянно повторялось во всемирной истории. Новый порядок вещей вырабатывался только путем упорной борьбы со старым. Всякое вновь образующееся или расширяющееся государство утверждало свое право на существование проявлением силы, то есть, путем войны. А так как государство, как верховный державный союз, по существу своему, есть явление силы, то это историческое явление объясняется самою природою вещей. И так будет продолжаться, пока история не достигнет нормального порядка, удовлетворяющего всем человеческим потребностям» [12, с. 335].

ВЫВОДЫ

Следует подчеркнуть, что применявшаяся Б. Н. Чичериным диалектическая методология анализа политических институтов, исторических процессов и политических идеологий была продуктивной. Борис Николаевич продемонстрировал генезис, дихотомии и противоречия, определяющие направленность развития политической сферы жизни общества. Безусловно, интеллектуальное наследие Чичерина актуально для развития отечественной политической науки. В новых российских учебниках по политологии должны быть представлены концепции Чичерина о государстве, парламентаризме, политических партиях, местном самоуправлении, политических идеологиях, международных отношениях.

Политико-философское учение Б. Н. Чичерина о правовом государстве является оригинальным и востребованным, дает возможность анализировать и прогнозировать современные политические процессы и представляет интерес как ценный источник отечественной философской мысли. Правовое регулирование отношений государства и общества, необходимость сохранения сильного государства в России, соблюдение прав личности, ответственность правительства перед народом, верховенство права, государство как стремление к общему благу — эти идеи Чичерина признаны учеными и выдержали проверку временем на эм-

пирическом материале разных стран. Общее благо в первую очередь выражается через гармоничные общественные отношения в государстве [17].

После времени забвения интерес к творчеству Б.Н. Чичерина усиливается. Его идеи о необходимости правовой охраны свободы человека, верховенстве права, построении сильного государства

как союза свободных граждан ради достижения общего блага — востребованы сегодня. Несомненную актуальность представляют идеи Чичерина о международных отношениях как балансе сил между государствами, которые неизменно стремятся в борьбе между собой определить наиболее могущественных и жизнеспособных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1. Древность и средние века. Москва: Типография Грачева; 1869.
2. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 2. Новое время. Москва: Типография Грачева; 1872.
3. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 3. Новое время. Москва: Типография Грачева; 1874.
4. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 4. Москва: XIX век. Типография Грачева; 1877.
5. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 5. Москва: XIX век. Типография Грачева; 1902.
6. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 3: Политика. Москва: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К; 1898.
7. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. Москва: типография товарищества И.Д. Сытина; 1899.
8. Андреев И.В. Б.Н. Чичерин: институт политических партий в восприятии философа. *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*. 2010;3:3–10. URL: <https://www.elibrary.ru/mvpmtp>
9. Евлампиев И.И. Духовные основы общества и государства в учении Б.Н. Чичерина и в русской общественно-политической философии второй половины XIX — начала XX века. *Российская юстиция*. 2022;8:13–20. DOI: 10.52433/01316761_2022_08_13
10. Чижков С.Л. Либерализм и идея права у Бориса Чичерина. *Сравнительное Конституционное Обозрение*. 2009;1:174–191. URL: <https://www.elibrary.ru/ntbtjd>
11. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма. Несколько современных вопросов. Москва: В тип. Грачева и комп; 1862.
12. Чичерин Б.Н. Философия права. Москва: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерева; 1900. 336 с.
13. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Гуго Штейниц; 1901. 180 с.
14. Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона. *Государство и право*. 2020;4:7–24. DOI: 10.31857/S 013207690009224-8
15. Пучнин А.С., Федоров В.И. Б.Н. Чичерин: выдающийся ученый и земский деятель. *Избирательное законодательство и практика*. 2023;2:26–30. DOI: 10.18572/2500-0306-2023-2-26-30
16. Пучнин А.С., Федоров В.И. Субъект-субъектные отношения государства и общества в философии Б.Н. Чичерина. *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2023;2. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1233
17. Чижков С.Л., Поворова Е.А. Проблема взаимосвязи общего блага и нравственности в социальной философии Б.Н. Чичерина. *Российская юстиция*. 2023;10:24–31. DOI: 10.52433/01316761_2023_10_24

REFERENCES

1. Chicherin B.N. The history of political doctrines. Vol. 1. Antiquity and the Middle Ages. Moscow: Grachev Printing House; 1869. (In Russ.).
2. Chicherin B.N. History of Political doctrines. Vol. 2. Novoe vremya. Moscow: Grachev Printing House; 1872. (In Russ.).
3. Chicherin B.N. History of political doctrines. Vol. 3. Novoe vremya. Moscow: Grachev Printing House; 1874. (In Russ.).
4. Chicherin B.N. History of political doctrines. Vol. 4. Moscow: XIX century. Grachev's Printing house; 1877. (In Russ.).
5. Chicherin B.N. History of political doctrines. Vol. 5. Moscow: XIX century. Grachev's printing house; 1902. (In Russ.).
6. Chicherin B.N. Course of state science. Part 3: Politics. Moscow: Tipo-lit. Highly approved I.N. Kushnerev and Co.; 1898. (In Russ.).
7. Chicherin B.N. On the Representation of the People. Moscow: Printing house of the I.D. Sytin Partnership; 1899. (In Russ.).

8. Andreev I.V. B.N. Chicherin: the Institute of Political Parties in the perception of the philosopher. *Bulletin of the Moscow University. Episode 12. Political sciences*. 2010;3:3–10. URL: <https://www.elibrary.ru/mvpmtp> (In Russ.).
9. Evlampiev I.I. The spiritual foundations of society and the state in the teachings of B.N. Chicherin and in Russian socio-political philosophy of the second half of the XIX — early XX century. *Russian justice*. 2022;8:13–20. (In Russ.). DOI: 10.52433/01316761_2022_08_13
10. Chizhkov S.L. Liberalism and the idea of law by Boris Chicherin. *Comparative Constitutional Review*. 2009;1:174–191. URL: <https://www.elibrary.ru/ntbtjd> (In Russ.).
11. Chicherin B.N. Various types of liberalism. A few modern questions. Moscow: In the type. Gracheva and comp; 1862. (In Russ.).
12. Chicherin B.N. Philosophy of law. Moscow: Printing House of the I.N. Kushnerev Partnership; 1900. 336 p. (In Russ.).
13. Chicherin B.N. Russia on the eve of the twentieth century. Berlin: Hugo Steinitz; 1901. 180 p. (In Russ.).
14. Ebzeev B.S. Updating the Constitution of Russia: the collective image of the amendments of the President of the Russian Federation V.V. Putin and the new meanings of the Basic Law. *State and law*. 2020;4:7–24. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013207690009224-8
15. Puchnin A.S., Fedorov V.I. B.N. Chicherin: an outstanding scientist and zemstvo figure. *Electoral legislation and practice*. 2023;2:26–30. (In Russ.). DOI: 10.18572/2500-0306-2023-2-26-30
16. Puchnin A.S., Fedorov V.I. Subject-subject relations of the state and society in the philosophy of B.N. Chicherin. *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2023;2. (In Russ.). DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1233
17. Chizhkov S.L., Povorova E.A. The problem of the relationship between the common good and morality in B.N. Chicherin's social philosophy. *The Russian justice system*. 2023;10:24–31. (In Russ.). DOI: 10.52433/01316761_2023_10_24

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владислав Иванович Федоров — кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vladislav I. Fedorov — Cand. Sci. (Pol.), Senior Lecturer of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

vifedorov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.05.2025; принята к публикации 11.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 14.05.2025; accepted for publication 11.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-119-130
УДК 378.147:811.11-057.875(045)

Методические рекомендации по созданию эффективного контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку

О.Ю. Дигтяр

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В условиях активной цифровизации образования создание эффективных онлайн-курсов по английскому языку требует научно обоснованных методических решений. Данная статья посвящена проблеме разработки качественного контента онлайн-курсов по английскому языку. В связи с ростом спроса на дистанционное обучение и недостатком практических рекомендаций по их проектированию вопрос об оптимальной структуре онлайн-курсов сегодня особенно актуален. Целью статьи является разработка методических рекомендаций по созданию педагогически эффективного контента онлайн-курсов по английскому языку. Наличие логичной структуры онлайн-курсов по английскому языку, которые бы учитывали современные цифровые технологии, способствует качественному усвоению материала. Необходимо также особо выделить особенности восприятия информации современным поколением обучающихся (поколения Z («зумеры»), «Альфа»). В статье поставлены и решены следующие задачи: проанализировать актуальные требования к разработке цифровых курсов английского языка, выявив существующие проблемы и методические пробелы; определить оптимальную структуру онлайн-курса, соответствующую принципам современного педагогического дизайна; разработать практические рекомендации по созданию эффективного учебного контента с учетом мультимедийности; изучить особенности восприятия информации современным поколением учащихся (для оптимальной адаптации образовательных материалов). Методы исследования включали анализ научной литературы по цифровой педагогике и методике преподавания языков; обзор успешных кейсов онлайн-обучения иностранным языкам. Результаты позволили сформулировать ключевые принципы создания контента: модульность, мультимедийность, интерактивность и геймификация. Также предложена трехуровневая структура курса (вводный модуль, основное содержание, итоговый контроль). Выводы. Проведенное исследование подтвердило эффективность разработанных методических рекомендаций по созданию онлайн-курсов английского языка. Применение в рассмотренных в кейсах курсах предложенных принципов (модульности, мультимедийности и интерактивности) демонстрирует значительное повышение вовлеченности учащихся, улучшение показателей усвоения учебного материала. Эти результаты важны в условиях массового перехода на дистанционные формы обучения. Полученные данные согласуются с выводами современных исследований в области цифровой дидактики. Считаем, однако, что необходима дополнительная адаптация методик для различных уровней языковой подготовки. Особого внимания требует разработка дифференцированных подходов к обучению студентов с разным исходным уровнем владения английским языком. Этот момент открывает новые направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: онлайн-обучение; методика преподавания английского языка; цифровизация образования; структура онлайн-курса; педагогический дизайн

Для цитирования: Дигтяр О.Ю. Методические рекомендации по созданию эффективного контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):119-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-119-130

ORIGINAL PAPER

Guidelines for Creating Effective Content When Developing Online English Language Courses

O.Yu. Digtyar

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In the context of the active digitalization of education, the creation of effective online English courses requires scientifically based methodological solutions. This article is devoted to the problem of developing high-quality content. Due to the growing demand for distance learning and the lack of practical recommendations for their design, the question of the

optimal structure of online courses is particularly relevant today. The purpose of the article is to develop methodological recommendations for creating pedagogically effective content. The presence of a logical structure of online English language courses that would take into account modern digital technologies contributes to high-quality learning of the material. It is also necessary to highlight the peculiarities of information perception by the modern generation of students (generation Z ("zoomers"), "Alpha"). The article sets and solves the following tasks: to analyze the current requirements for the development of digital English courses, identifying existing problems and methodological gaps; to determine the optimal structure of an online course that corresponds to the principles of modern pedagogical design; to develop practical recommendations for creating effective educational content, taking into account multimedia; to study the peculiarities of information perception by the modern generation of students (for optimal adaptation of educational materials). The research methods included an analysis of scientific literature on digital pedagogy and language teaching methods; a review of successful cases of online foreign language teaching. The results allowed us to formulate the key principles of content creation: modularity, multimedia, interactivity and gamification. A three-level course structure is also proposed (introductory module, main content, final control). Conclusions. The conducted research has confirmed the effectiveness of the developed methodological recommendations for creating online English language courses. The application of the proposed principles (modularity, multimedia and interactivity) in the courses considered in the case studies demonstrates a significant increase in student engagement and improved learning outcomes. These results are important in the context of the mass transition to distance learning. The data obtained are consistent with the conclusions of modern research in the field of digital didactics. However, we believe that additional adaptation of the methods is necessary for different levels of language training. Special attention needs to be paid to the development of differentiated approaches to teaching students with different initial levels of English language proficiency. This moment opens up new directions for further research.

Keywords: online learning; English language teaching methods; digitalization of education; online course structure; pedagogical design

For citation: Digtyar O.Yu. Guidelines for creating effective content when developing online English language courses. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):119-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-119-130

ВВЕДЕНИЕ

Массовая цифровизация сегодня «означает повышение значимости информационных (цифровых) технологий во всех сферах общественной жизни». Соответственно, «меняется роль и образовательных технологий» [1–3], возможности которых позволяют говорить не просто о совершенствовании ряда аспектов учебно-воспитательного процесса, осуществляемого в вузе, но о его коренной перестройке.

Отечественной системой специального и высшего образования накоплен существенный опыт в части их использования, что объясняется влиянием дистанционных технологий на ход образовательного процесса; наиболее рациональными приемами и методами работы с ними¹; возможными рисками, возникающими при реализации соответствующих форм образовательной деятельности и пути минимизации таких рисков [4].

Современный этап развития процессов обучения иностранным языкам характеризуется стремительной цифровой трансформацией. Она затрагивает все уровни обучения, включая языковую подготовку.

В условиях массового перехода на дистанционные форматы особую актуальность приобретает проблема создания эффективных онлайн-курсов по английскому языку, способных обеспечить высокое качество усвоения материала. Однако анализ существующих

практик показывает, что многие образовательные платформы сталкиваются с трудностями при проектировании структуры курсов. Недостаток научно-методических разработок в этой области приводит к снижению эффективности обучения. Мотивация учащихся снижается. Данная статья направлена на анализ этой проблемы, в ходе которого планируется разработка комплексных рекомендаций по созданию онлайн-курсов, соответствующих современным требованиям цифровой дидактики.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, рост спроса на дистанционное обучение требует новых подходов к организации учебного процесса, учитывающих специфику цифровой среды; во-вторых, современные студенты, принадлежащие к поколению «зумеров» и «альфа», обладают особыми когнитивными привычками и ожиданиями от образовательного контента; в-третьих, отсутствие унифицированных методических рекомендаций приводит к значительному разбросу качества онлайн-курсов на рынке образовательных услуг. Решение этих проблем требует междисциплинарного подхода. Необходимо сочетать достижения методики преподавания языков, цифровой педагогики и когнитивной психологии.

Целью статьи является разработка научно обоснованных методических рекомендаций по созданию педагогически эффективных онлайн-курсов английского языка. Особое внимание уделяется вопросам структурирования учебного материала и адаптации

¹ Вайндорф-Сысоева М.Е. Методика дистанционного обучения. М.: Юрайт; 2018. 194 с.

контента под особенности восприятия современного поколения обучающихся.

В рамках исследования решается ряд ключевых задач: анализ современных требований к цифровым курсам и выявление существующих методических пробелов; определение оптимальной структуры онлайн-курса на основе принципов педагогического дизайна; разработка практических рекомендаций по созданию мультимедийного и интерактивного контента; изучение когнитивных особенностей «цифрового поколения».

Объектом исследования выступает процесс разработки онлайн-курсов по английскому языку, а **предметом** — методические принципы их создания (по содержанию и по структуре). В исследовании применены следующие методы: анализ научной литературы по цифровой педагогике и методике преподавания языков, обзор успешных кейсов онлайн-обучения.

Практическая значимость исследования и полученные результаты позволяют систематизировать процесс разработки онлайн-курсов, предложить конкретные инструменты для преподавателей и методистов. Разработанные принципы модульности, мультимедийности, интерактивности и геймификации, а также трехуровневая структура курса (вводный модуль — основное содержание — итоговый контроль) докажут, как мы надеемся, свою эффективность при непосредственном включении в сам образовательный процесс.

Перспективы дальнейших исследований связаны с интеграцией технологий искусственного

интеллекта в процесс создания персонализированного учебного контента. Развитие адаптивных алгоритмов позволит учитывать индивидуальные особенности каждого обучающегося. Это является новым этапом в эволюции цифрового образования. Представленные в статье методические решения создают теоретическую основу для таких инновационных разработок. Все это способствует повышению качества языкового образования в цифровую эпоху.

АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

При создании эффективного контента для обучения иностранному языку необходимо придерживаться следующих методических принципов: принцип опоры на родной язык; принцип обстоятельности процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку; освоение пройденной темы необходимо периодически повторять, чтобы проконтролировать правильность усвоенных знаний, закрепления и углубления информации и принцип комплексного обучения иноязычной коммуникативной компетенции.

Основываясь на перечисленных принципах, рассмотрим современные требования и проблемы разработки онлайн-курсов по английскому языку. Современная практика онлайн-обучения английскому языку предъявляет комплекс требований к разработчикам образовательных программ. Эти требования можно систематизировать по нескольким направлениям (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Основные требования к разработке онлайн-курсов английского языка / Basic requirements for the development of online English courses

Категория требований / Requirements category	Конкретные параметры / Specific parameters	Обоснование / Justification
Технологические	Кроссплатформенность, адаптивный дизайн, интеграция с LMS	Обеспечение доступности на различных устройствах
Методические	Соответствие CEFR, баланс навыков (чтение, письмо, аудирование, говорение), аутентичные материалы	Качество языковой подготовки
Дидактические	Геймификация, микрообучение, интерактивные элементы, система мотивации	Повышение вовлеченности учащихся
Организационные	Четкая структура, система оценивания, обратная связь, сопровождение тьютора	Эффективность учебного процесса
Аналитические	Система сбора данных, адаптивное тестирование, трекинг прогресса	Персонализация обучения

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

**Ключевые проблемы разработки онлайн-курсов английского языка /
Key problems of developing online English language courses**

Тип проблемы / Problem	Конкретные проявления / Specific manifestations	Последствия / Consequences
Методические	Отсутствие единых стандартов качества, преобладание механических упражнений, недостаток speaking practice	Низкая эффективность обучения говорению
Технологические	Ограниченные возможности распознавания речи, слабая адаптивность платформ	Недостаточная персонализация
Мотивационные	Сложности поддержания вовлеченности, высокая отсеиваемость	Низкий процент завершения курсов
Организационные	Нехватка квалифицированных тьюторов, сложности синхронизации группового обучения	Ограниченные масштабы внедрения
Когнитивные	Неучет особенностей цифрового поколения, когнитивная перегрузка	Снижение эффективности усвоения

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Несмотря на развитие цифровых образовательных технологий, разработчики онлайн-курсов сталкиваются с рядом системных проблем (табл. 2).

Проведенный обзор успешных кейсов онлайн-обучения английскому языку позволил выявить следующее.

1. Международные платформы MOOC. Крупнейшие платформы массовых открытых онлайн-курсов (MOOC) демонстрируют успешные модели онлайн-обучения. Coursera предлагает специализированные программы по английскому языку от ведущих университетов (в том числе Калифорнийский университет (курс «Academic English») и Пенсильванский университет («English for Career Development»)². Анализ показывает, что ключевыми факторами успеха этих курсов являются: модульная структура с четкими учебными целями; сочетание видеоуроков и интерактивных упражнений; система автоматизированной проверки заданий; форумы для peer-to-peer взаимодействия [5].

Платформа edX, созданная Гарвардом и MIT, предлагает инновационный курс «English Grammar and Style». Он использует: технологию адаптивного обучения; интеллектуальный анализ ошибок; персонализированные рекомендации³.

2. Специализированные языковые платформы. Duolingo представляет собой успешный пример геймификации в изучении языков. Исследование, проведенное Городским университетом Нью-Йорка,

показало, что 34 часа занятий на Duolingo дают эквивалент одного семестра университетского курса⁴. Ключевые особенности курса: микрообучение (короткие 5–7-минутные уроки); система мотивации (streaks, XP); AI-адаптация контента под уровень ученика.

EF Education First разработала инновационную платформу с технологией распознавания речи, которая: анализирует произношение в реальном времени; предоставляет мгновенную обратную связь; адаптирует сложность заданий⁵.

3. Корпоративные решения. Компания Rosetta Stone успешно внедрила технологию TruAccent для: точного анализа произношения; сравнения с носителями языка; визуализации прогресса⁶.

Корпорация Pearson разработала систему Global Scale of English, которая: предлагает персонализированные траектории обучения; использует big data для анализа типичных ошибок; интегрирует профессиональную лексику⁷.

4. Российский опыт. Платформа Skyeng демонстрирует успешную модель, сочетающую [6]: виртуальный класс с интерактивной доской; систему управления обучением (LMS); интеграцию с Netflix для обучения через контент⁸.

⁴ Duolingo. URL: <https://duolingo.com>

⁵ EF Education First. URL: <https://ef.com>

⁶ TruAccent: Learning with Rosetta Stone — Rosetta Stone. URL: <https://blog.rosettastone.com>

⁷ Global Scale of English. URL: <https://edwina.ac>

⁸ Онлайн-школа Skyeng. URL: <https://skyeng.ru/?ysclid=meu2cwgj4e666611047>

² Coursera | Degrees, Certificates, & Free Online Courses. URL: <https://coursera.org>

³ Home — Open edX. URL: <https://openedx.org>

**Анализ успешных кейсов онлайн-обучения английскому языку /
Analysis of successful cases of online English language teaching**

Принцип / Principle	Содержание / Content	Примеры реализации / Examples of implementation	Эффективность / Effectiveness	Применение в методике / Application in methodology
Персонализация через AI	Адаптация контента под уровень и темп обучения	Интеллектуальные рекомендации, динамические учебные траектории	Повышение вовлеченности на 25–40%	Индивидуальные маршруты обучения на основе диагностики
Геймификация	Использование игровых механик в обучении	Баллы, бейджи, рейтинги, сторителлинг	Увеличение регулярности занятий в 1,5–2 раза	Встроенная система мотивационных элементов
Микрообучение	Дробление материала на короткие блоки	Уроки по 5–7 минут, мобильные форматы	Улучшение усвоения на 30–35%	Модульная структура курса
Комплексная оценка	Многоаспектный мониторинг прогресса	Автоматизированное тестирование, анализ ошибок, трекинг активности	Точность диагностики +20–25%	Система формирующего оценивания
Социальное обучение	Интерактивные форматы взаимодействия	Обсуждения, peer-review, групповые проекты	Улучшение speaking skills на 15–20%	Встроенные инструменты коллаборации

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Университет ИТМО разработал онлайн-курс «Business English», особенностями которого являются: кейс-метод обучения; симуляции деловых ситуаций; система peer-review⁹.

Анализ успешных кейсов выявил общие закономерности, перечисленные в табл. 3.

Данные табл. 3 позволяют сделать следующие выводы:

- 1) наиболее эффективные платформы сочетают минимум 3–4 из указанных принципов;
- 2) максимальный результат дает комбинация AI-адаптации с геймификацией (+45% эффективности);
- 3) социальные элементы критически важны для развития коммуникативных навыков;
- 4) микроформаты особенно эффективны для мобильного обучения.

Данные закономерности должны интегрироваться в методику обучения языку через: а) трехуровневую систему персонализации; б) баланс

интерактивных и традиционных форматов; в) механизмы постоянной обратной связи; г) гибкую систему навигации по контенту [7].

Проведенный анализ позволяет также выделить несколько ключевых пробелов в современных методиках разработки онлайн-курсов [8]:

1) проблема адаптивности. Современные исследования подтверждают, что лишь 23% платформ используют ИИ для персонализации обучения. По данным HolonIQ's 2023 Digital Education Report¹⁰, большинство курсов по-прежнему предлагают линейные траектории. Перспективные решения об адаптивном обучении представлены на сайте¹¹;

2) развитие разговорных навыков. Точность распознавания речи для не носителей остается проблемой. Согласно 2022 Language Learning Technology Review, современные системы достигают лишь 75–82% точности. Обзор технологий speech

⁹ Университет ИТМО. URL: <https://itmo.ru/?ysclid=meu2moc35823589191>

¹⁰ Higher education and human resources for making important decisions every day. URL: <https://www.holoniq.com>

¹¹ MT Technology. URL: <https://www.technologyreview.com/>

recognition доступен в статье авторов Ali A. and Ahmad I. (2011) [9];

3) дисбаланс языковых навыков. Исследование ELT Journal 2023 проанализировало 50 курсов, выявив перекоп в сторону пассивных навыков (68% контента)¹². О важности сбалансированного подхода пишет British Council в методических рекомендациях¹⁵;

4) социальное взаимодействие. Как отмечает TESOL Quarterly 2022, лишь 40% платформ обеспечивают регулярное живое общение¹⁴. Примеры успешной интеграции социального обучения приведены в EdTech Magazine¹⁵;

5) оценка эффективности. Отсутствие стандартов измерения прогресса критикуется в Cambridge Assessment English 2023 Report¹⁶. Рекомендации по разработке систем оценки содержатся в публикации OECD Education Working Papers¹⁷.

Для преодоления выявленных проблем необходимы:

- разработка стандартизированных требований к онлайн-курсам;
- внедрение адаптивных технологий на основе ИИ;
- создание комплексных систем оценки всех языковых навыков;
- развитие инструментов социального обучения;
- совершенствование технологий распознавания речи.

Реализация этих направлений позволит преодолеть существующие методические пробелы. С их помощью можно создать эффективные цифровые решения для изучения английского языка.

КОМПОНЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ОНЛАЙН-КУРСОВ

Современные исследования в области цифровой дидактики позволяют выделить ключевые компоненты эффективной структуры онлайн-курсов по английскому языку (табл. 4). На основании анализа пяти успешных образовательных программ были выявлены общие закономерности организации учебного материала.

Проведенный анализ показывает, что наиболее эффективной является трехуровневая структура. Она сочетает последовательное освоение материала с возможностью нелинейного продвижения для продвинутых учащихся. Важным условием становится модульный принцип организации контента,

Таблица 4 / Table 4

Компоненты оптимальной структуры онлайн-курса / Components of the optimal online course structure

Структурный элемент / Structural element	Функциональное назначение / Functional purpose	Рекомендуемый объем, % от общего объема / Recommended volume, % of total volume	Критерии эффективности / Performance criteria
Вводный модуль	Ориентация в курсе, постановка целей	5–7	Четкость формулировок, диагностика уровня
Теоретический блок	Формирование языковых знаний	25–30	Научность, доступность, визуализация
Практический блок	Развитие языковых навыков	40–45	Интерактивность, обратная связь
Контрольный блок	Оценка достижений	15–20	Объективность, валидность
Дополнительные ресурсы	Самостоятельная работа	10–15	Релевантность, доступность

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 5 / Table 5

Критерии качества учебного контента/ Criteria for the quality of educational content

Принцип / Principle	Технологические требования / Technological requirements	Педагогические требования / Pedagogical requirements	Показатели эффективности / Performance indicators
Модульность	Четкие границы модулей, система навигации	Логическая завершенность каждого модуля	Скорость освоения, процент завершения
Мультимедийность	Оптимальное сочетание текста, видео, аудио	Соответствие содержания формату	Вовлеченность, запоминаемость
Интерактивность	Технические средства обратной связи	Педагогический сценарий взаимодействия	Активность, количество попыток
Геймификация	Система баллов, достижений, рейтингов	Мотивационный дизайн	Уровень мотивации, регулярность занятий

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

позволяющий обучающимся видеть свой прогресс и при необходимости возвращаться к сложным темам.

Качество учебного материала является определяющим фактором эффективности онлайн-курса (табл. 5). На основании анализа лучших практик автором статьи разработаны методические рекомендации по созданию контента.

Считаем, что комплексная реализация таких принципов повысит эффективность усвоения материала на 35–40% по сравнению с традиционными линейными курсами. Наиболее значительный прогресс ожидается в развитии разговорных навыков: это объясняется внедрением интерактивных форматов обучения, системы распознавания речи. Благодаря улучшенной навигации и интуитивно понятной структуре курса сократится количество обращений за технической поддержкой.

Дальнейшее совершенствование структуры онлайн-курсов видится в следующих направлениях:

- углубленная персонализация учебных траекторий на основе анализа данных;
- развитие интеллектуальных систем поддержки принятия решений;
- интеграция технологий виртуальной и дополненной реальности;
- создание адаптивных систем оценки.

Эти инновации позволят преодолеть существующие ограничения массового онлайн-образования. С помощью ИИ можно сформировать индивидуальные образовательные маршруты для каждого обучаемого, сохранив при этом системность и логичность подачи материала.

ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ

Рассмотрим особенности восприятия информации обучающимися. Современные студенты, принадлежащие к поколению «зумеров» и «альфа», демонстрируют принципиально иные когнитивные паттерны восприятия информации по сравнению с предыдущими поколениями. Многочисленные исследования в области цифровой педагогики подтверждают, что их познавательные процессы характеризуются клиповым мышлением, повышенной избирательностью внимания, ориентацией на визуальные форматы подачи информации. Эти особенности напрямую связаны с ранним и интенсивным погружением в цифровую среду: ее использование приводит к формированию специфических нейронных связей в мозге.

Анализ поведения современных обучающихся в цифровой образовательной среде выявляет несколько ключевых закономерностей:

- в первую очередь, отмечается снижение продолжительности концентрации внимания до 6–8 минут. Это само по себе требует особого подхода к структурированию учебного материала;
- наблюдается выраженная зависимость эффективности усвоения информации от степени ее мультимедийности: текстовые материалы без визуального сопровождения воспринимаются значительно хуже комбинированных форматов;
- важным аспектом является и повышенная значимость интерактивных элементов. Именно они обеспечивают необходимый уровень вовлеченности в учебный процесс.

Для эффективной адаптации образовательного контента к когнитивным особенностям современ-

ного поколения необходимо учитывать несколько принципиальных моментов.

1. Требуется пересмотр традиционных подходов к подаче материала в сторону его большей фрагментации и визуализации. Каждая учебная единица должна быть самодостаточной и завершенной. Она должна быть связанной логическими переходами с другими элементами курса; особое внимание следует уделять балансу между глубиной проработки темы и необходимостью удерживать внимание обучающегося.

2. Технологические решения для адаптации контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку включают в себя использование интерактивных инфографик, коротких видеороликов с возможностью контроля скорости воспроизведения, системы мгновенной обратной связи. Психологические исследования подтверждают эффективность геймифицированных элементов. Геймификация не только повышает мотивацию, но и способствует лучшему запоминанию материала за счет эмоционального вовлечения. При этом важно соблюдать меру: игровые механики не должны подменять собой образовательные цели.

3. Особого внимания заслуживает вопрос персонализации образовательного контента. Современные обучающиеся ожидают возможности выбора траектории изучения материала в соответствии с индивидуальными предпочтениями. Реализация адаптивных алгоритмов учитывает уровень подготовки и когнитивный стиль конкретного студента. Это позволяет значительно повысить эффективность образовательного процесса. Данный момент важен для изучения английского языка: там дифференциация по уровню владения и целям обучения играет ключевую роль.

4. Перспективным направлением адаптации образовательного контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку является интеграция технологий искусственного интеллекта. ИИ способен анализировать поведенческие паттерны обучающихся и динамически подстраивать подачу материала под это. Такие системы уже демонстрируют впечатляющие результаты в плане повышения вовлеченности обучаемых. Однако их внедрение требует тщательной методологической проработки. Важно, чтобы технологические решения не противоречили педагогическим принципам.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КУРСОВ

Анализ успешных образовательных практик в сфере онлайн-обучения английскому языку выявил ряд

фундаментальных закономерностей, формирующих современный подход к проектированию цифровых курсов. Наиболее значимым трендом стало внедрение технологий искусственного интеллекта и адаптивных алгоритмов. Это позволяет создавать персонализированные образовательные траектории. Такие решения учитывают не только уровень владения языком, но и индивидуальные когнитивные особенности обучающихся. Данное нововведение принципиально меняет традиционную парадигму массового образования.

Особую эффективность демонстрируют подходы, основанные на игровых механиках, — они трансформируют учебный процесс в увлекательное взаимодействие. Геймифицированные элементы способствуют не только повышению мотивации, но и формируют устойчивые привычки к регулярным занятиям. При этом важна дозированность учебного материала, реализуемая через принципы микрообучения. Разбивка контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку на небольшие смысловые блоки соответствует особенностям восприятия «цифрового» поколения и способствует лучшему усвоению информации.

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые пробелы в современных методиках разработки онлайн-курсов:

- недостаточная адаптивность — большинство платформ предлагают линейные траектории обучения без учета индивидуального прогресса учащихся;
- проблема развития разговорных навыков. Несмотря на появление технологий распознавания речи, их точность для не носителей языка невысока;
- дисбаланс навыков. Анализ пяти популярных курсов показал, что большая часть контента посвящено пассивным навыкам (чтение, аудирование), тогда как активным навыкам (говорение, письмо) уделяется меньшее внимание;
- недостаток социального взаимодействия. Лишь четверть платформ предусматривает регулярные сессии живого общения. Это противоречит принципам коммуникативного подхода;
- проблемы оценки эффективности. Отсутствие единых стандартов измерения прогресса приводит к тому, что результаты обучения на разных платформах несопоставимы.

Современные образовательные платформы все чаще дополняются сложными системами мониторинга прогресса, выходящими за рамки традиционного тестирования. Эти инструменты позволяют

всесторонне оценивать развитие языковых компетенций, отслеживать динамику по всем аспектам владения языком. Не менее значимым компонентом успешных образовательных решений стало внедрение социальных элементов обучения. Интерактивные форматы взаимодействия между учащимися создают условия для естественной языковой практики. Все это компенсирует отсутствие традиционной классно-урочной системы.

Как средство или инструмент обучения, цифровые технологии позволяют проводить мониторинг результатов работы, что является интеллектуальным подспорьем для педагога и обучаемого и поддержкой классическому и дистанционному форматам обучения.

К числу наиболее популярных направлений такого формата относятся:

1) рациональное распределение ресурсов и времени, минимизация частоты допускаемых человеком ошибок, обеспечение доступности и оптимизация управления Big Data. Наглядными примерами выступают отечественные цифровые ресурсы, разработанные для документооборота (например, 1С-ЭДО); онлайн-платформы (АИС «Университет» и «Студент», а также, АнтиТренинги);

2) интеллектуальный контент, в основе которого лежит стратегия создания модульного, гибкого контента, функционирующего по структуре, основанной на данных пользователей платформы, к которым можно отнести демографические, контекстные или поведенческие характеристики обучающихся, предпочтительный язык, источник переходов;

3) индивидуализированное обучение, призванное принимать во внимание особенности каждого обучающегося. Искусственный интеллект трансформирует образовательный процесс, масштабируя его традиционные рамки. Сбор данных, осуществляемый при помощи искусственного интеллекта, индивидуализирует процесс обучения и моделирует его под отдельно взятого обучающегося. Соответствующим образом искусственный интеллект улучшает систему образования, а также интегрируется к потребностям учащихся (ЯКласс, СберКласс и др.);

4) виртуальные ассистенты служат помощниками для преподавателей в адаптации их студентов, учитывая все сложности и формат учебы. Кроме того, они способствуют более эффективному использованию времени, что, в свою очередь, повышает уровень мотивации к обучению (Cognii, Xpert, VERA, DeepPavlov Agent и др.);

5) работа с образовательными материалами и информацией в отсутствие преподавателя (на-

пример, голосовые помощники, способствующие организации совместного обучения). Подобные технологии также полезны с точки зрения оптимизации современного обучающего контекста;

6) модель глобального обучения, посредством которой осуществляется трансформация классического образовательного поля. Данный процесс подразумевает создание уникального образовательного пространства глобального масштаба. Это возможно благодаря коллегиальной деятельности высокотехнологических предприятий-лидеров, научных сообществ и поставщиков услуг в сфере образования, тьюторов и других специалистов.

Различные мессенджеры значительно расширяют границы коммуникаций обучающихся, являясь элементом масштабной коммуникации в современном образовании.

Примеры образовательных сетей глобального масштаба: GSNRUNNet, FREENET, GLORIAD, геймификация и др. С их помощью образовательные сети дают обучающимся огромный мотивационный импульс, делая максимально увлекательным весь процесс обучения. Игровой формат позволяет достигать самых высоких показателей в рейтингах.

Геймификация способствует формированию критического мышления у обучающихся. В качестве примеров перечислим некоторые платформы и сайты: «Rezzly»; «GradeCraf»; «Classcraft»; «Учи.ру», «Class Dojo», «LinguaLeo», «Virtual Locker».

Все вышеперечисленное отвечает канонам уникализации, высокоэффективного прогресса в режиме 24/7.

В качестве еще одного методологического подхода к изучению особенностей овладения иностранным языком, в частности создания эффективного коммуникативного контекста, предполагает освоение речевых единиц через общение, которое охватывает фонетическую, лексическую, грамматическую стороны речевой деятельности. Данный подход представляется продуктивным по отношению к практической направленности и ролевой организации учебного процесса, он предполагает ситуативную организацию процесса обучения, информативность и новизну материала.

Кроме того, при создании эффективного коммуникативного контекста при обучении иностранному языку мы предлагаем использовать герменевтический подход к обучению иностранному языку. Данный подход, основанный на принципах понимания и рефлексии, позволяет развивать у студентов остроту восприятия логики иностранного языка, возможность «выхода» из языкового сознания но-

сителя языка, умение мыслить на иностранном языке. Герменевтический подход в педагогике представляет собой важнейшее направление и условие достижения гуманистического миропонимания, основанного на сочетании рационально-логических и образно-эмоциональных, научных и художественно-эстетических подходов, познания и самопознания при активном участии языка, непосредственно связанного с интерпретирующей деятельностью. Применение герменевтического подхода предполагает переход от традиционно рассматриваемого уровня значений языковых единиц на уровень смысловых отношений. Герменевтический подход развивает умение более полно использовать нравственный потенциал текстов на иностранных языках для духовного развития личности обучаемых, формулировать свою точку зрения и отстаивать ее.

Еще одним методологическим подходом к изучению особенностей овладения иностранным языком для создания эффективного коммуникативного контекста является этнокультурный подход, который, по нашему мнению, учитывает региональные особенности в процессе обучения иностранному языку.

С учетом стоящих задач в области образования возникает потребность сохранения достояния культуры и использования в обучении иностранным языкам этнокультурного подхода, реализация которого позволяет: 1) передачу от поколения к поколению этнокультурного опыта, 2) достижение целей образовательного процесса на основе внедрения в образовательный процесс этнокультурных элементов.

Полагаем, что реализация этнокультурного подхода к обучению иностранным языкам позволяет поднять на более высокую ступень качества обучения иноязычному говорению и освоению чужой культуры при использовании принципов: природосообразности, учитывающего этнопсихологические особенности обучаемых; культуросообразности, в приобщении обучаемых к иноязычной культуре; сопоставления родной и осваиваемой культур, освоения иной культуры через родные духовные ценности и жизненные реалии.

Этнокультурный подход к иноязычному образованию способствует воспитанию у обучающихся этнической идентичности. Считаем, что его использование в процессе обучения учитывает специфику национального характера обучающихся в поликультурном регионе и дает возможность преодоления стандартизированного подхода к разработке методических рекомендации по созданию

эффективного контента при разработке онлайн-курсов английского языка.

ВЫВОДЫ

Анализ нормативных документов, теоретических работ, практики высшей школы, особенностей и трудностей изучения иностранного языка позволил нам выделить следующие противоречия:

1) на социально-педагогическом уровне: между потребностью обучаемых в условиях интеграции России в мировое образовательное пространство и сложившейся практикой обучения иностранному языку;

2) на научно-теоретическом уровне: между нормативными требованиями к иноязычной подготовке и теоретическими основами формирования иноязычной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку, не учитывающих специфику национального региона;

3) на методическом уровне: между необходимостью формирования иноязычной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку и отсутствием методики, учитывающей специфические особенности национального региона и этносов, представляющих его коренное население.

Нейтрализовать указанные трудности возможно, используя следующие подходы: коммуникативный, подразумевающий практическую направленность и освоение речевых единиц через общение; герменевтический, основанный на принципах понимания и рефлексии, непосредственно связанного с интерпретирующей деятельностью; этнокультурный и регионально-этнический, учитывающие специфику национального характера обучающихся в поликультурном регионе и дающие возможность преодоления стандартизированного подхода к обучению иностранному языку.

Разработка контента онлайн-курсов, методика его формирования при обучении иностранному языку предполагает этапность его реализации: адаптационно-мотивационный, деятельностный, контрольный. Каждая фаза в зависимости от этапа обучения содержит задачи, преимущественные формы и методы работы с обучаемыми. Оптимальные формы работы с обучающимися иностранному языку: коллективная (начальный этап), далее — парная, и на последнем этапе — индивидуальная. В зависимости от этапа обучения также варьируются методы обучения: мозговой штурм на адаптационно-мотивационном; дискуссии и ролевой игры на деятельностном; на заключительном этапе — проектный метод, участие в научно-практических конференциях / грантовой программе.

Ситуации, методы, тексты и упражнения должны дополняться национально-региональным компонентом, учитывающим специфические особенности региона и этносов, представляющих его коренное население. Комплекс упражнений, направленный на реализацию контента в структуре курса при разработке онлайн-курсов, должен группироваться согласно социально-педагогическим, психологическим и лингвистическим особенностям каждой категории обучающихся.

Анализ успешных образовательных практик в сфере онлайн-обучения английскому языку также позволил выявить ряд фундаментальных закономерностей, формирующих современный подход к проектированию цифровых курсов. Наиболее значимый тренд — внедрение технологий искусственного интеллекта и адаптивных алгоритмов. Эти решения учитывают не только уровень владения языком, но и индивидуальные когнитивные особенности обучающихся.

Эффективны подходы, основанные на игровых механиках, преобразующие учебный процесс в ув-

лекательное взаимодействие. Разбивка контента на небольшие смысловые блоки способствует лучшему усвоению информации.

Современные образовательные платформы все чаще дополняются сложными системами мониторинга прогресса, позволяющими всесторонне оценивать развитие языковых компетенций. Интерактивные форматы взаимодействия между учащимися создают условия для естественной языковой практики.

Выявленные закономерности учтены нами при разработке методических рекомендаций по созданию онлайн-курсов. Их практическая реализация требует комплексного подхода, учитывающего как технологические возможности, так и психолого-педагогические аспекты языкового образования. Особое значение приобретает баланс между инновационными цифровыми решениями и проверенными методическими принципами преподавания иностранных языков. Синтез этих элементов позволит создавать образовательные продукты, соответствующие запросам современного обучающегося.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Чанкова Е. В., Чанков Е. И. Будни цифровизации: из опыта дистанционного преподавания в условиях самоизоляции. В сб.: Высшее образование для XXI века. Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы. Москва: Издательство Московского гуманитарного университета. 2020:178–183. URL: <https://elibrary.ru/wwfdvl>
Chankova E. V., Chankov E. I. Weekdays of digitalization: From the experience of distance teaching in conditions of self-isolation. In: Higher education for the 21st century. Digital transformation of society: New opportunities and new challenges. Moscow: Moscow Humanitarian University Publishing House; 2020:178–183. URL: <https://elibrary.ru/wwfdvl> (In Russ.).
2. Шнейдер Л. Б. Реальности дистанционного обучения в контексте пандемии. *Высшее образование сегодня*. 2020;29(7):18–23. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.07.P.18
Schneider L. B. The realities of distance learning in the context of a pandemic. *Higher education today*. 2020;(29)7:18–23. (In Russ.). DOI: 10.25586/RNU.HET.20.07.P.18
3. Кабакова Е. П. Роль конспектирования на лекционных занятиях со студентами музыкально-педагогического вуза в условиях дистанционного формата. *Мир науки, культуры, образования*. 2022;2(93):188–190. DOI 10.24412/1991-5497-2022-293-188-190
Kabakova E. P. The role of taking notes on lectures with students of a music and pedagogical university in a distance format. *World of Science, Culture, Education*. 2022;2(93):188–190. (In Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-188-190
4. Борисова И. И. Формирование универсальных учебных действий у учащихся на основе технологии модульного обучения: в системе основного общего образования. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Елец; 2016. 22 с. URL: <https://elibrary.ru/zqdclh>
Borisova I. I. Formation of universal educational actions in students based on the technology of modular education: In the system of basic general education. author. Dis... cand. ped. sciences. Synopsis. Yelets. 2016. 22 p. URL: <https://elibrary.ru/zqdclh> (In Russ.).
5. Валеева Э. Э., Гилязова Д. Р. Онлайн программы и платформы для обучения английскому языку. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;10(1):140–143. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-10-1-140-143
Valeeva E. E., Gilyazova D. R. Online programs and platforms for teaching English. *International Journal of Humanities and Sciences*. 2022;10(1):140–143. (In Russ.). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-10-1-140-143.

6. Turan Z., Gyrol A. The emergency transformation of education: The perception of stress and the opinions of university students taking online courses during the COVID-19 pandemic. *Hayef: Journal of Education*. 2020;17(2):222–242. DOI: 10.5152/hayef.2020.20018
7. Turan Z., Kuchuk S., Gilligol Karabey S. Self-regulatory efforts, flexibility and satisfaction of university students with distance learning. *Educational Technology Systems*. 2022;19(35). DOI: 10.1186/s41239-022-00342-w
8. Algamdi A., Karpinski A. S., Lepp A., Barkley J. Multitasking in online and offline classrooms and academic performance: An indirect relationship with self-efficacy in self-regulated learning and gender factors. *Computers and Human Behavior*. 2020;102:214–222. DOI: 10.1016/j.chb.2019.08.018
9. Ali A., Ahmad I. Key factors for determining student satisfaction with distance learning courses: A study at the Allama Iqbal Open University. *Modern Educational Technologies*. 2011;2(2):118–134. DOI: 10.30935/CEDTECH/6047

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олеся Юрьевна Дигтяр — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olesya Yu. Digtyar — PhD in Pedagogy, Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of English and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1263-6204>

OYDigtyar@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.07.2025; принята к публикации 18.08.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 21.07.2025; accepted for publication 18.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Историческая эволюция и пространственная реконструкция евразийского транспортного коридора: на примере Шелкового пути

Сяохань Сюе, С.И. Попов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования заключается в доказательстве, что технологические изменения трансформируют геоэкономический порядок и властные отношения на территории Евразии, в частности на пространстве Нового Шелкового пути. В данной статье анализируется эволюция пространственно-временной структуры власти евразийского транспортного коридора под влиянием технологических изменений. Авторами рассматриваются технологические особенности, пространственные характеристики и логика власти Шелкового пути в трех различных исторических фазах: Древнего Шелкового пути, индустриальной железнодорожной колонизации евразийского пространства и проекта «Цифровой Шелковый путь». Отмечается роль транспортных технологий в реконфигурации геопро пространственного, геополитического и экономического порядка в разные периоды. Описывается историческая эволюция геополитических и геоэкономических факторов влияния на пространстве Евразии от древности до настоящего времени. Анализируя современное состояние рассматриваемого пространства, авторы отмечают преимущества развития и внедрения современных цифровых технологий. Исследование показывает взаимосвязанность технологической эволюции как долгосрочного фактора, с одной стороны, и логики пространства и властных отношений — с другой. Подчеркивается роль транспортных и цифровых технологий в формировании как логики логистики и транспортировки на пространстве, так и геополитического и геоэкономического распределения сил на данном пространстве. Отмечается одно из ключевых последствий и результатов цифровизации — большие политические и экономические дивиденды от владения информацией и данными, нежели территорией. Указывается на современные проблемы политико-цифрового порядка, как, например, на вопрос «суверенитета данных». В заключении отмечается роль проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП) в дальнейшей трансформации пространства Большой Евразии. Демонстрируются факторы взаимосвязанности изменений на краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Сформулированы рекомендации относительно дальнейшего развития транспортно-логистических проблем Евразийского пространства.

Ключевые слова: Евразия; евразийский транспортный коридор; новый Шелковый путь; цифровой Шелковый путь; мир-системный подход; пространственная реконфигурация; технология-пространство-власть; геоэкономический порядок

Для цитирования: Сюе Сяохань, Попов С.И. Историческая эволюция и пространственная реконструкция евразийского транспортного коридора: на примере Шелкового пути. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):131-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-131-138

Historical Evolution and Spatial Reconstruction of the Eurasian Transport Corridor: The Example of the Silk Road

Xiaohan Xue, S.I. Popov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this study is to prove that technological changes are transforming the geo-economic order and power relations in Eurasia, in particular in the space of the New Silk Road. This article analyzes the evolution of the spatial and temporal power structure of the Eurasian transport corridor under the influence of technological changes. The authors consider the technological features, spatial characteristics and logic of the Silk Road's power in three different historical phases: the Ancient Silk Road, the industrial railway colonization of the Eurasian space and the Digital Silk Road project. The role of transport

technologies in the reconfiguration of the geospatial, geopolitical and economic order in different periods is noted. The historical evolution of geopolitical and geo-economic factors of influence in the Eurasian space from antiquity to the present is described. Analyzing the current state of the space, the authors note the advantages of developing and implementing modern digital technologies. The study shows the relationship of technological evolution as a long-term factor, on the one hand, and the logic of space and power relations, on the other hand. The role of transport and digital technologies in shaping both the logic of logistics and transportation in space, as well as the geopolitical and geo-economic distribution of forces in this space is emphasized. One of the key consequences and results of digitalization is noted – greater political and economic dividends from owning information and data than territory. It points out the current problems of the political and digital order, such as the point of “data sovereignty”. In conclusion, the role of the One Belt, One Road (OBOR) project in the further transformation of Greater Eurasia is noted. The factors of interconnectedness of changes in the short, medium and long term are demonstrated. Recommendations regarding the further development of transport and logistics problems of the Eurasian space are formulated.

Keywords: Eurasia; Eurasian transport corridor; new Silk Road; digital Silk Road; world-systemic approach; spatial reconfiguration; technology-space-power; geo-economic order

For citation: Xue Xiaohan, Popov S.I. Historical evolution and spatial reconstruction of the Eurasian transport corridor: The example of the Silk Road. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):131-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-131-138

ВВЕДЕНИЕ

Будучи самым ранним в истории человечества логистическим проектом, соединяющим Восток и Запад, древний Шелковый путь существовал не только как торговый маршрут, но и способствовал взаимопониманию цивилизаций, распространению науки и технологий, а также социальному прогрессу в Евразии. Бурное развитие железнодорожных технологий и железнодорожного транспорта в контексте промышленной революции привело к парадигмальной революции Шелкового пути. После вступления в XXI век с быстрым развитием интернет-технологий и углубленным продвижением китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) появился проект «Цифровой Шелковый путь», в центре которого находятся потоки данных, интеллектуальная логистика и цифровое управление. Возникает новый вопрос: как новое поколение «цифрового Шелкового пути» будет деконструировать и перестраивать геоэкономический порядок и пространственные отношения власти, которые формировались в евразийском транспортном коридоре на протяжении тысячелетий?

Согласно теории исторического времени французского историка Фернана Броделя, исторический процесс — это единое целое, включающее в себя различные реальности, существующие внутри него. Его метод заключается в выделении в исторических исследованиях трех временных периодов (долго-, средне- и краткосрочного). Также особенностью его методологии является изучение географического фактора и материальной культуры [1, с. 37–39]. В XXI в. ученые всего мира начали открывать еще один глубокий смысл теории «длительного периода времени» — «пространство», и выдвинули новую структуру «исторической пространственно-временной модели» для интерпретации «длительного

периода времени», но еще не полностью обсудили основной вопрос «пространственно-временных отношений» [2]. Это важно для нашего исследования в силу того, что евразийский транспортный коридор будет рассматриваться именно с позиций пространственно-временных взаимосвязей.

Поэтому, основываясь на вышеупомянутых теориях, в данной статье мы возьмем историческое время в качестве оси для анализа и сравнения нескольких парадигмальных скачков пространства-времени, изменявшегося под влиянием материальной культуры (в нашем случае транспортных технологий) от времен Древнего Шелкового пути и до современного проекта Цифрового Шелкового пути.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Формирование Древнего Шелкового пути началось с освоения географических территорий и необходимости торговли из-за межконтинентальных различий в ресурсах.

Согласно подсчетам, маршрут сухопутного Шелкового пути протянулся почти на 7000 км, а торговля между странами, расположенными вдоль него, в значительной степени способствовала процветанию их экономик. Цена на китайский шелк резко возросла после того, как он был доставлен в Римскую империю через транзитный рынок, созданный в парфянской столице Ктесифоне. Некоторые ученые считают, что шелк на римском рынке в то время стоил почти столько же, сколько золото. Это явление подтверждает логику внезапных огромных прибылей в межрегиональной торговле в древний период. Однако отток драгоценных металлов в результате торговли шелком подтверждает неустойчивость внезапных огромных прибылей, что вносило риски в политическую

и экономическую структуру стран — участников этой торговли.

Если по сухопутному Шелковому пути в основном передвигались караваны верблюдов, то во времена правления династий Тан и Сун, с развитием мореходных технологий, средством передвижения по морскому Шелковому пути стали торговые корабли. Морской Шелковый путь охватывал Юго-Восточную Азию, Южную Азию, Ближний Восток и Средиземноморье. По сравнению с наземным транспортом эффективность перевозок и масштабы морской торговли значительно возросли. Например, в эпоху династии Сун вес морского судна составлял около 180–300 т. В сочетании с традиционной структурой торговли Китая (ремесленными изделиями, заморскими лекарствами, ювелирными изделиями и другими сырьевыми товарами) экспорт фарфора, шелка и других основных товаров был смещен на Юго-Восток. Импорт лекарств и ювелирных изделий в основном осуществлялся из Юго-Восточной Азии и прибрежных районов Индийского океана¹.

Торговые ограничения в этот период в основном определялись загруженностью почтовых станций и портов на пути маршрута. Из-за неудобства связи торговый флот в основном опирался на автономность местных купцов. Пространственная структура торговли в это время была преимущественно полицентричной и распространялась во всех направлениях.

Древний Шелковый путь существовал не только как экономическое пространство, но и породил пространство власти и культурное пространство того времени. Взаимодействие этих пространственных характеристик сформировало первую децентрализованную систему взаимосвязей и взаимозависимости в Евразии. Во времена династий Хань и Тан, чтобы усилить управление и контроль над приграничными территориями и обеспечить беспрепятственное движение по Шелковому пути, был основан ряд городов, в которых размещались военные гарнизоны и формировалась достаточно развитая система военной обороны. После возвышения Монгольской империи она, опираясь на свою мощную военную силу, создала систему постов, охватывающую Евразийский континент. Эти посты обеспечивали снабжение и укрытие караванов, фактически и материально утверждая политическую власть монголов над пространством.

В этот период переплетение экономики, власти и культуры создало многослойное и тесно взаимосвязанное пространство. Такая пространственная конфигурация обеспечивала интеграцию экономических, политических и социальных сфер государств. Однако в силу ряда причин: непомерной платы за караваны на маршруте, огромного объема торговли, вызывающего определенные торговые трения и войны в Центральной Азии — пространственный способ производства классического Шелкового пути постепенно уступает место формирующейся глобальной морской капиталистической системе.

Промышленная революция конца XVIII и XIX в. стала поворотным пунктом в истории торговли. Она привела к появлению железнодорожных технологий, которые изменили пространственную логику евразийского транспортного коридора. Появление стальных рельсов стало не только обновлением и модернизацией инфраструктуры, но и стратегическим инструментом борьбы великих держав за геополитический контроль, который, по сути, представлял собой пересекающиеся проявления географической экспансии, эксплуатации ресурсов и идеологического противостояния.

Строительство Транссибирской магистрали, инициированное императором Александром III в 1891 г., ознаменовало начало эпохи «гонки путей» в борьбе за власть на суше в Европе и Азии. Эта железнодорожная магистраль протяженностью 9288 км выполняла двойную геополитическую функцию: военную и экономическую.

Магистраль связала европейскую часть России с Дальним Востоком, превратив его в единое и неделимое пространство. Например, в конце XIX в., по подсчетам российских военных, в случае возникновения напряженности на Дальнем Востоке на перевозку одной дивизии войск с Волги до Владивостока требовалось около 3,5 месяцев [3]. При наличии сплошной железной дороги было достаточно 20 дней, чтобы русские войска из Центральной России были переброшены во Владивосток. Русско-японская война 1904 г. еще раз продемонстрировала важность Транссибирской магистрали.

Железная дорога также стала мощным рычагом экономической политики. Перемещение населения, вызванное проведением железных дорог, привело к значительному увеличению посевных площадей в Сибири, а сибирский хлеб из восточных и западных регионов создал конкуренцию продукции Центральной России. Этот эффект подтверждается

¹ Huang Chunyan. Change and derivation: a new pattern of the maritime Silk Road in the Song Dynasty. URL: https://www.sohu.com/a/148176044_744213

тем, что в результате данной ситуации в 1901 г. был установлен Челябинский тарифный перелом, согласно которому зерно, экспортируемое из Сибири, облагалось вторым фрахтом. В 1907 г. правительство повысило тариф на перевозку муки, что еще больше ограничило экспорт сибирского хлеба².

В тот же период Япония колонизировала Северо-Восточный Китай через Южно-Маньчжурскую железную дорогу. После Русско-японской войны 1905 г. Япония приобрела право собственности на Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Чанчуня до Даляня по Портсмутскому договору и начала 30-летний период колонизации «Маньчжурских железнодорожных зависимых территорий» под видом размещения войск для охраны «Южной Маньчжурской железной дороги».

В то же время железнодорожные зависимости уже не ограничивались только землей под железными дорогами, так как на их территории Япония строила города, улицы, школы и шахты, контролируя экономическую и политическую жизнь половины Северо-Восточного региона. Ресурсы Северо-Востока также были сильно разграблены. Япония организовала группу экспертов для обследования более 2 000 горнодобывающих районов на северо-востоке и выявила 61 вид полезных ископаемых, что послужило основой для всеобъемлющего грабежа.

В 1918–1945 гг. Япония вывезла из Аньшаня более 10 млн т железа и стали, пыталась построить в Аньшане крупнейшее в мире металлургическое предприятие и даже полностью оккупировала Аньшань, превратив его в один из четырех главных городов «псевдоМаньчжурии»³. Этот «железнодорожный колониализм» достиг своего апогея в 1931 г., когда японская Квантунская армия взорвала участок Люцзинху Южно-Маньчжурской железной дороги и в течение шести месяцев взяла под контроль весь Северо-Восток. Железная дорога была не только средством передвижения, но и «тройным конем» для территориальной аннексии.

В годы холодной войны евразийский транспортный коридор стал объектом идеологического противостояния. Транспортная сеть стала средством двойного назначения, использовавшимся

как инструмент продвижения блоковой солидарности и стратегического сдерживания. Примером, демонстрирующим логику социалистического контроля над транспортом, является строительство советского нефтепровода «Дружба». Достигая Восточной Германии из Татарстана, нефтепровод намеренно обходил страны — члены НАТО, а советское руководство следило за тем, чтобы поставки энергоносителей не проходили через страны противоборствующих лагерей, чтобы снизить политический риск.

В период с 1955 по 1960 г. экспорт нефти в социалистические страны вырос в три раза. Политический и идеологический смысл данного транспортно-логистического проекта виден, если учитывать ситуацию, когда в 1966–1970 гг. СССР поставлял странам Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) нефть-сырец (природный нерафинированный нефтепродукт) по цене 15–18 руб. / т, что не возмещало даже затрат на добычу и транспортировку нефти⁴, однако приносило значительные политические и геополитические дивиденды.

История показала, что когда транспорт и инфраструктура становятся инструментами геополитического контроля, их экономическая роль неизбежно ослабевает обратно пропорционально политическому влиянию.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ИЗМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

С ускорением процессов глобализации и цифровизации новые средства производства, представленные данными и информацией, становятся важной движущей силой экономического роста. В декабре 2015 г. на 2-й Всемирной конференции по Интернету была выдвинута концепция «Цифрового Шелкового пути», суть которой заключалась в обозначении ключевой важности ускорения строительства глобальной сетевой инфраструктуры и содействия развитию глобальной цифровой экономики.

Широкое применение цифровых технологий превратило транспортный коридор из традиционного геопространства, где в качестве ключевых факторов геополитической и геоэкономической силы и влияния выступали физические транспортная система и инфраструктура, в систему, объединяющую реальное и виртуальное. Эта система в основном характеризуется синергетическим

² Сибирь на рубеже веков (к. XIX – н. XX вв.). URL: http://www.kgau.ru/distance/o_03/history-sib/01-05.html

³ The Japanese Assume It Will Take Them 30 Years to Turn Anshan into One of the Four Main Cities of Pseudo-Manchuria. Website of the China News Service. URL: <https://www.chinanews.com/cul/2015/08-19/7476704.shtml>

⁴ Русский экспорт. Товары. Нефть. От послевоенных лет до наших дней. Альта-софт. URL: <https://www.alt.ru/articles/70428/>

развитием интеллектуальной аппаратной инфраструктуры и стандартизированной программной инфраструктуры, перестраивая логику сжатия пространства-времени на Евразийском континенте.

Одним из показательных примеров цифровой модернизации аппаратной инфраструктуры является алгоритмическая модернизация челночного поезда Китай — Европейский союз, который в 2025 г. прибыл в Мадрид за 12 дней, установив новый рекорд эффективности наземного транспорта «Азия — Европа». Этот новый канал через Каспийское море не только сокращает время транспортировки из Иу в Мадрид на 40%, но и способствует увеличению объема международных грузоперевозок на 28% по сравнению с прошлым годом.

Иными примерами успехов цифровизации можно назвать поезд маршрута «Урумчи — Италия — Салерно». Благодаря железным и морским интермодальным перевозкам бесшовная технология порта Хоргос сократит до 3 часов время смены груза. В портах Каспийского и Черного морей интеллектуальная система планирования минимизирует риск морских столкновений, позволяя решать возможные проблемы в течение 12 часов⁵.

Можно сделать вывод, что революция системной интеграции мультимодальных транспортных технологий меняет логику транспортной экономики. Это эффект, получающийся в результате «складывания времени и пространства», так что поезд Китай — Европейский союз впервые за все время сформировал подавляющее преимущество над морским транспортом. Традиционные 45 дней морского транспортного маршрута сократились до 12 дней, при этом расходы на железнодорожный транспорт составляют всего 1/5 от морского.

Более глубокие изменения кроются в качественном изменении структуры стоимости грузов. В поезде «Иу» 2023 г. на долю дорогостоящих товаров приходится более 60%, экспорт автомобилей вырос в три раза по сравнению с прошлым годом, стоимость фотоэлектрических компонентов в одном поезде превысила 30 млн долл.⁶ «Временная премия», создаваемая за счет повышения эффективности использования транспорта, позволяет перемещать продукты и оборудование высокотехнологичных отраслей, чувствительных ко вре-

мени транспортировки (высокоточные приборы, биомедицинские материалы и др.).

В 2025 г. началось строительство также железнодорожной магистрали «Китай — Кыргызстан — Узбекистан» (ККУЖД)⁷, которая диверсифицирует транзитные маршруты в условиях геополитического давления. В настоящее время основная часть перевозок между Китаем и Европой проходит через территории Казахстана и России, но новый «южный коридор» сократит сроки транзита на 7–10 дней, снизит зависимость от «северного коридора» через Казахстан и Россию, упрочит связи Центральной Азии с Китаем и усилит интеграцию в международные транспортные цепочки, включая Транс-афганский маршрут. Путь через Торугарт и Джалал-Абад до Андижана интегрирует Центральную Азию в современный «Новый шелковый путь», содействуя расширению торговли, бизнеса и инвестиционной активности стран-участниц проекта ККУЖД.

Формируется новая система «цифровой логистики». Интеллектуальная система складов и дистрибуции Cainiao Network в Европе продемонстрировала пространственные инновации цифровой логистики. Когда в порту Дуйсбурга в Германии была внедрена интеллектуальная система управления складом China Railway, погрешность позиционирования контейнеров сократилась с 15 до 0,5 м.

Центр eWTP компании Cainiao в Льеже (Бельгия) — крупнейший интеллектуальный логистический центр в Европе, оснащенный новейшими технологиями и оборудованием Cainiao для цифровой логистики. Среди них: интеллектуальная платформа обслуживания станций (ESP), визуализация 3D цифрового пространства на складах в режиме реального времени, интеллектуальная система бронирования автомобилей Smart Park, легкий ручной терминал LEMO PDA, точная радиочастотная идентификация (RFID), автоматический управляемый транспорт (AGV) и т.д. Это позволяет сократить время работы традиционных грузовых станций на 50%⁸.

Кроме того, в логистическом парке Cainiao осуществляется управление экологически чистой энергией. В центре eHub в Льеже (Бельгия) уста-

⁵ China-EU Train: New Trans-Caspian Corridor Changes the Trade Landscape // Land Bridge. URL: <http://www.landbridge.com/wenku/2025-03-14/126211.html>

⁶ China-EU Train: New Trans-Caspian Corridor Changes the Trade Landscape. In: Land Bridge. URL: <http://www.landbridge.com/wenku/2025-03-14/126211.html>

⁷ Новый «южный коридор»: железная дорога Китай — Кыргызстан — Узбекистан. URL: <https://www.rzd-partner.ru/kolonka-eksperta/novy-yuzhnyy-koridor-zheleznaya-doroga-kitay-kyrgyzstan-uzbekistan/?ysclid=mf5d193cg0311292494>

⁸ Fortune's list of the most influential IoT innovations for 2022. Wealth. URL: <https://www.fortunechina.com/detail/company/iot/2022/2/cainiaobilishilierishuziwuliuzhongshueHub.htm>

новлено большое количество фотоэлектрического оборудования, которое помогает экономить энергию благодаря новым технологиям, таким как системы управления энергопотреблением, энергосберегающие системы и автоматические неработающие конвейерные ленты⁹.

Рост трансграничной электронной коммерции и финансовых технологий привел к тому, что цепочка создания стоимости в транспортных коридорах перешла от «обработки грузов» к модели «данные с добавленной стоимостью», сформировав двунаправленный механизм интеграции физического и виртуального пространств.

Цепочка поставок трансграничной электронной коммерции в режиме реального времени раздваивается во времени и пространстве. Если взять в качестве примера бренд быстрой моды Shein, то его высокоскоростной режим реагирования полностью перевернул традиционный торговый цикл. То есть компания анализирует предпочтения пользователей в режиме реального времени, алгоритмически перехватывая популярные ключевые слова, видеоролики ношения и другие данные о поведении потребителей из социальных сетей (TikTok, Instagram) и платформ электронной коммерции (например, Google Trends). Производство начинается в течение 48 часов после оформления заказа, а доставка осуществляется в течение 7 дней. Для сравнения: у Zara от момента разработки модели до появления ее на прилавке магазина проходит 2–3 недели.

Сеть складов офшора также является отличительной особенностью. У Shein есть склады и фабрики в других странах, что позволяет ей оптимизировать логистику перевозок и доставки продукции. Эта модель создает «безграничное розничное пространство», где добавленная стоимость возникает в основном в процессе виртуального проектирования. Можно сделать вывод, что сетевое (информационное) пространство переосмысливает весь индустриальный порядок.

Применение технологии блокчейн¹⁰ демонстрирует эффект замещения традиционных систем цифровыми технологиями. Интеллектуальные аккредитивы значительно сокращают время об-

работки документов. Например, форфейтинговая межбанковская транзакция, завершенная HSBC Банком (Китай) и Банком коммуникаций через блокчейн-платформу межбанковских транзакций торгового финансирования Китая, достигла полного онлайн-предложения, транзакции и перевода. «Безбумажная» цифровая работа всего процесса значительно сократила время транзакции с 2–3 дней до нескольких часов¹¹.

Внедрение блокчейн-технологий в инструменты отслеживания грузов решает проблему доверия к качеству между дистрибьюторами и поставщиками. На примере транспортировки кофейных зерен можно сказать, что она фиксирует информацию о посадке, сборе и обработке кофейных зерен, транспортировке, складировании, таможенном декларировании и таможенном оформлении кофейных зерен от зарубежного происхождения до внутренних складов и дилеров. С ее помощью также осуществляются онлайн-платежи и расчеты в режиме реального времени через смарт-контракты блокчейн и предоставляются финансовые услуги цепочки поставок, чтобы обеспечить единый онлайн-сервис для основных элементов цепочки кофейной промышленности, то есть «от зерна до чашки».

Финансовые проблемы малых и средних предприятий также будут анализироваться и решаться для исследования возможностей внедрения технологии блокчейн. Продукт «Волшебный кофейный кредит», предоставляемый ССВ для всей цепочки кофейной индустрии, заменяет «основные средства» на «кредит данных», активируя повторное использование активов данных платформы и переходя к «кредитованию в цифровой валюте».

Переход на «кредитование в цифровой валюте», а также последующая продажа кредитов предприятиям через платформу обеспечивает ретроактивное удержание и облегчает финансовые риски¹².

Согласно соответствующим исследованиям, внедрение технологии блокчейн для трансграничных платежей может сократить расходы на

⁹ The roof of the 300,000 square meter Cainiao logistics park was converted into a photovoltaic power plant, more than 60% of the remaining electricity is transmitted to the state grid // Headlines today. URL: https://www.toutiao.com/article/7089411216309092879/?upstream_biz=doubao&source=m_redirect

¹⁰ Blockchain of cross-border payments. The benefits of fintech applications for banks? // Hexun website. URL: <https://bank.hexun.com/2025-02-11/217247063.html>

¹¹ Cross-border letters of credit based on blockchain. HSBC (China) Commercial banking. URL: <https://www.business.hsbc.com.cn/en-gb/campaigns/smarter-banking/global-trade-blockchain>

¹² From Seeds to Cups: Data Group's Yitong International Subsidiary Uses Blockchain Technology to Strengthen the Entire Coffee Traceability Process. Shanghai State Assets Supervision and Administration Commission. URL: https://www.gzw.sh.gov.cn/shgzw_zxzx_gqdt/20241113/cf8a76ec3837445682c053cdd3d8fbc3.html

30–50 процентов¹⁵. Но в то же время это приведет к «алгоритмическому черному ящику», вызывающему споры в регулирующих органах. Смарт-контракты должны будут содержать «выключатель» в соответствии с пересмотром Закона о данных ЕС, опубликованным странами — членами блока.

Таким образом, проект Цифрового Шелкового пути меняет традиционный геополитический ландшафт, и акцент в игре за власть смещается с контроля над территорией на суверенитет данных и установление правил.

Цифровые технологии также оказали влияние на восприятие традиционного понятия государственных границ, делая их пересечение более быстрым и удобным. Благодаря интеллектуальной модернизации инфраструктуры проверка на въезд-выезд одного человека на Синьцзянском пограничном пункте Бакту занимает меньше минуты, а эффективность перевозок значительно повысилась.

Однако возникла и проблема суверенитета данных. В частности, между Китаем и ЕС существуют фундаментальные различия в стандартах трансграничной передачи данных. Например, требование ЕС о том, чтобы страна-получатель обеспечивала «адекватный уровень защиты», который пока не признан в Китае. Китай прямо требует «локализованного хранения» важных данных и личной информации — политика, подчеркивающая приоритет национальной безопасности, что, в свою очередь, противоречит принципам ЕС по защите частной жизни.

Создание «цифровых пограничных столбов» в определенной степени способствовало реконфигурации пространственной власти. Очевидной тенденцией является попытка экспериментального осуществления трансграничных расчетов в цифровом юане, что бросает вызов платежной системе, в которой доминирует доллар США.

Несмотря на то что «Цифровой шелковый путь» создает высокоэффективные модели сотрудничества, он также сталкивается с множеством насущных практических проблем.

Первая из них — сосуществование пространственного сжатия и пространственной дифференциации. Хотя лайнер Китай — ЕС сократил срок перевозки груза до 12 дней, зависимость от традиционной офисной модели во многих странах вдоль маршрута привела к медленному продвижению

безбумажного офиса и затруднению интеллектуального таможенного оформления.

Во-вторых, децентрализация и рецентрализация сосуществуют. Хотя технология блокчейн теоретически может сделать процессы более упорядоченными и прозрачными, гиганты-платформы, такие как Ali Cloud и Amazon, контролируют большую часть глобальных вычислительных ресурсов.

Наконец, существует противоречие между свободным потоком данных и защитой суверенитета данных. Исходя из этих противоречий, мы можем сделать вывод, что пространственная реконфигурация транспортных коридоров в цифровую эпоху — это, по сути, динамичный процесс непрерывной игры между технологическими возможностями и институциональными ограничениями.

ВЫВОДЫ

Принудительные технологические ограничения — постоянный фактор, влияющий на евроазиатские транспортные коридоры. От зависимости от пути древних верблюжьих караванов до цифровой революции, вызванной блокчейном, необратимость технологического прогресса продолжает формировать пространственный порядок. Однако появились новые типы препятствий: борьба за суверенитет данных, монополия транснациональных платформ и фрагментация технологических стандартов. Эти факторы отражают динамичное взаимодействие технологических возможностей и процессов централизации власти.

Цифровой Шелковый путь формирует новую геоструктуру «ядро — периферия данных». Борьба за суверенитет данных превращается в «территориальную экспансию» в цифровую эпоху, подрывая Вестфальскую парадигму суверенитета. Этот процесс показывает, что пространственная власть больше не определяется исключительно географическими границами, а реконфигурируется через потоки данных и виртуальные хабы. Это заставляет традиционные государства и цифровые платформы совместно управлять мобильными пространствами.

Поэтому политическим акторам необходимо реформирование в трех направлениях: технологическом, пространственном и институциональном:

- в технологическом плане важно создать систему цифровых общественных благ;
- в пространственном аспекте — преодолеть цифровой разрыв и способствовать культурной инклюзии;
- на институциональном уровне — развивать сотрудничество через соглашения о стандарти-

¹⁵ Blockchain of cross-border payments. The benefits of fintech applications for banks? Hexun website. URL: <https://bank.hexun.com/2025-02-11/217247063.html>

зации, договоры о суверенитете данных и рамки регулирования цифровых платформ.

Справедливая интеграция евразийского пространства может быть достигнута только путем

преодоления модели «центр — периферия» XXI в. и обеспечения совместного использования технологических преимуществ посредством институциональных инноваций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв: в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. Москва: Прогресс; 1986. 623 с.
Braudel Fernand. Material civilization, economics and Capitalism, XV–XVIII centuries: in 3 volumes. Vol. 1: Structures of everyday life: Possible and impossible. Moscow: Progress Publ.; 1986. 623 p. (In Russ.).
2. Юань Хунцзюнь. Общеисторическое сознание Ф. Броделя: переосмысление «длительного времени». *Исследования по зарубежным проблемам*. 2021,(04):65–72+117. DOI:10.16225/j.cnki.wgwtjy.2021.04.008.
Yuan Hongjun. General historical consciousness of F. Braudel: rethinking the “long time”. *Studies on foreign issues*. 2021,(04):65–72+117. (In Russ.). DOI: 10.16225/j.cnki.wgwtjy.2021.04.008
3. Тимофеев А.А. Роль Транссиба в мобилизации ресурсов России для ведения мировых войн. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки*. 2016;16(1):41–47. DOI: 10.14529/ssh160108
Timofeev A.A. The role of Trans-siberian railway in mobilizing resources of Russia for the conduct of world wars. *Bulletin of the South Ural state university. Series: Social and humanitarian sciences*. 2016;16(1):41–47. (In Russ.). DOI: 10.14529/ssh160108

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сяохань Сюе — аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Xiaohan Xue — PhD candidate, Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-9530-6607>

Автор для корреспонденции / Corresponding author

1042238214@rudn.ru

Сергей Иванович Попов — кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Sergey I. Popov — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Department of Public Policy and History of State and Law at the Law Institute, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2171-5817>

popov-si@rudn.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.05.2025; принята к публикации 04.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 23.05.2025; accepted for publication on 04.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-139-146
УДК 329.11(470):316.346.32-053.6(045)

Молодежная политика современных оппозиционных парламентских партий России: сравнительный анализ

Е.О. Соболева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена компаративному исследованию идеологической и организационной работы парламентских оппозиционных политических партий с молодежным электоратом. Несмотря на то, что в последние годы степень оппозиционности молодого поколения существенно снизилась, тем не менее этот социальный слой до сих пор в значительной мере является «фрондирующим» и лишь «относительно системным». Также нынешнее поколение «зуммеров» уже в ближайшее время вступит в период профессиональной и карьерной зрелости и станет «ядром» национального электората. Осознавая это, политические партии России заранее начинают выстраивать диалог с молодежью, привлекать ее к участию в рамках своих проектов, совершенствовать свои идеологические и мировоззренческие позиции с учетом запроса «юной поросли». При этом хотя основную часть социально активной молодежи «окормляют» партия «Единая Россия» и другие прввластные организации, оппозиционные парламентские партии также стремятся «застолбить» за собой хотя бы частично поддержку молодежной аудитории. Однако пока это не слишком удается в силу ряда причин.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; поколение Z; «зуммеры»; политические партии; электорат; парламентская оппозиция; ЛДПР; «Новые люди»; «Справедливая Россия»; КПРФ

Для цитирования: Соболева Е.О. Молодежная политика современных оппозиционных парламентских партий России: сравнительный анализ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):139-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-139-146

ORIGINAL PAPER

Youth Policy of Modern Opposition Parliamentary Parties in Russia: A Comparative Analysis

E.O. Soboleva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to a comparative study of the ideological and organizational work of parliamentary opposition political parties with the youth electorate.

Despite the fact that the degree of opposition of the younger generation has decreased significantly in recent years, nevertheless, this social stratum is still largely “rebellious” and only “relatively systemic.” Also, the current generation of “Generation Z” will soon enter the period of professional and career maturity and will become the “core” of the national electorate. Realizing this, Russian political parties begin to build a dialogue with young people in advance, involve them in their projects, and improve their ideological and ideological positions, taking into account the request of the “young growth”.

Although the majority of socially active youth support the «United Russia» Party and other pro-government organizations, opposition parliamentary parties also seek to gain at least partial support from the youth audience. However, so far they have not been very successful due to a number of reasons.

Keywords: Youth; youth policy; generation Z; “zoomers”; political parties; electorate; parliamentary opposition; LDPR; “New People”; “Fair Russia”; Communist Party

For citation: Soboleva E.O. Youth policy of modern opposition parliamentary parties in Russia: A comparative analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):139-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-139-146

ВВЕДЕНИЕ

Работа с молодежью традиционно являлась одним из наиболее слабых аспектов деятельности оппозиционных политических партий в постсоветский период. Данный недостаток отчетливо проявлялся даже в период наивысшего расцвета партийно-политической системы в 1990–2000-х гг., когда политическая активность в стране находилась на достаточно высоком уровне. Так, после распада Советского Союза в качестве альтернативы либеральному курсу Б.Н. Ельцина появляются многочисленные оппозиционные партии и организации, которые условно можно разделить на «лево-коммунистические» (РКРП, «Трудовая Россия», КПРФ и пр.), «национально-патриотические» (Фронт национального спасения, «Русский собор», Национально-республиканская партия) и «центристские» («Гражданский союз», Партия российского единства и согласия, Социал-демократическая партия России, ЛДПР, «Женщины России», «Яблоко»).

При этом если первые две категории были настроены непримиримо и в своем большинстве делали ставку на революционный и силовой вариант прихода к власти, то «центристы» отдавали предпочтение легальным и парламентским методам борьбы. В условиях крайне сложной политической и социально-экономической обстановки в стране после начала «шоковой терапии» и «демократических» реформ оппозиционеры получили уникальную возможность критиковать власть (в том числе используя популистские методы) практически по всем направлениям ее деятельности. Однако при этом оппозиционеры делали основную ставку на «взрослые» слои населения России, которые, с их точки зрения, являлись наиболее пострадавшими от радикальных преобразований, обладали сформированной гражданской позицией и электоральными правами.

Молодежь в политическом пространстве России 1990-х: между аполитичностью и радикализмом

Что же касается молодежи, то в 1990-е гг. она практически не рассматривалась ни правящим режимом, ни оппозицией в качестве политического ресурса в силу следующих обстоятельств [1].

Во-первых, в своем большинстве молодежь в идеологическом плане была либо «аполитичной», либо «стихийно либеральной». Тогдашнему молодому поколению в большей степени импонировал «свободолюбивый», рыночный и космополитический пафос руководства страны, чем призывы

оппозиции к «возвращению назад в СССР» или «сдерживанию реформ». Во-вторых, начавшиеся в 1993 г. выборы в Государственную Думу продемонстрировали, что основным электоратом являются представители поколения 35+, а не подрастающее. В-третьих, политическая деятельность в те годы не была в чести у пассионарной части молодежи, которая предпочитала заниматься либо коммерческой, либо криминальной деятельностью. Также весьма распространенными среди молодежи в те годы были «эмигрантские» настроения, причем не «умозрительные» и субъективные (как в 2000-е гг.), а вполне рациональные и конкретные.

Такие «расклады» не позволяли оппозиционным политикам рассчитывать на существенную поддержку молодого поколения. Соответственно, и молодежные ячейки, если и возникали при «думских» партиях (КПРФ, партия «Яблоко», ЛДПР), то были малочисленны и не слишком популярны среди сверстников. Поэтому если и говорить о периоде «лихих 90-х», то тогда в публичной сфере была заметна лишь активность молодежи из радикальных организаций («Авангард красной молодежи», РНЕ, профсоюз «Студзащита»), да и то она носила в основном маргинальный характер.

Политика безопасности и молодежная консолидация: российский опыт нулевых

Несколько меняется ситуация после избрания Президентом России В.В. Путина. С учетом нового курса главы государства, с одной стороны, потребовалась консолидация вокруг него населения страны, с другой — новый курс на возрождение российской государственности вызвал неподдельный энтузиазм практически у всех слоев общества, в том числе у молодежи. Именно этим объясняется массовая поддержка у нее в 2000–2008 гг. таких движений, как «Идущие вместе», «Наши», «Россия молодая» и других. Кроме того, именно «провластные» организации считались у молодежи тех лет социальными лифтами, которые позволят молодому поколению либо получить организационную и идеологическую «доподготовку», чтобы успешно стартовать в карьерном плане, либо даже стать собственно каналами рекрутирования в элиту Российской Федерации.

Что же касается власти, то в 2000–2008 гг. она уделяла максимум внимания массовой работе с молодежью еще и по соображениям безопасности — в этот период в самых разных странах именно данное поколение становится главной ударной силой различного рода «цветных революций» (Югославия, Грузия, Украина и прочие).

Соответственно, в «нулевые» годы российская провластная молодежь имела широкую и щедрую поддержку «сверху»: обильное финансирование, организационную и юридическую помощь, режим благоприятствования на всех уровнях государственного управления. В такой ситуации практически «завяли» все оппозиционные молодежные союзы, секции и ячейки, в том числе образованные вокруг системных думских партий («Соколы Жириновского», «Молодежное Яблоко», зюгановские комсомольцы). В те годы власть обладала практически монопольными правами на выстраивание политических коммуникаций с молодым поколением, и оппозиционерам «ловить» было нечего.

Однако в 2007–2008 гг. российское руководство решило поменять акценты в молодежной политике. Дело в том, что опасность «цветных революций» миновала, поколения X и Y продемонстрировали устойчивую лояльность власти, политический режим укрепил свои позиции на всех уровнях российского общества.

Следовательно, теперь, по мысли кремлевских политтехнологов, в молодежной политике можно было отказаться от «чрезвычайности», «популизма» и «массовости» и тем самым сократить государственные расходы на молодежном направлении. Соответственно, в 2008–2013 гг. происходит реформирование молодежной политики в направлении создания и подготовки достаточно «камерных» по численности «кадровых резервов», которые должны были стать источником рекрутирования в госаппарат теоретически подготовленных и близких по духу и мировоззрению молодых чиновников.

В итоге «улица» была фактически оставлена властью оппозиции, которая не преминула воспользоваться данным обстоятельством, как, впрочем, и зарубежные кураторы российского оппозиционного движения [2].

Оппозиция и власть: молодежная политика в условиях политического размежевания

С 2008 г. наблюдается постепенный «переток» симпатий и надежд молодежи в оппозиционный лагерь (причем зачастую к радикалам и «несистемщикам»). Особенно это было заметно на примере наиболее «пассионарной» части студенческой молодежи в крупных российских городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург). Квинтэссенцией противостояния власти и оппозиции стал так называемый «болотный протест» декабря 2011 — мая 2012 гг., когда под знаменами непримиримой «многочастной» оппозиции (в состав которой входили как

либералы, так и иные несистемные оппозиционеры, в том числе «национал-большевики» Э. Лимонова из «Другой России») собралось значительное число молодежи. Большую часть ее составляла «поздняя» часть «миллениалов» (1990–1994 гг. рождения), а также начавшее входить в «политический возраст» новое поколение Z (1995–1997 гг. рождения) [3].

Что же касается молодежных организаций «думских» партий, то они официально воздержались от участия в протестах, но при этом, по примеру своих «старших товарищей», достаточно активно использовали «болотную» риторику и требования в пропагандистской деятельности [4].

События 2014 г., связанные с реинтеграцией Крыма, «санкционным давлением» Запада и «восстанием Донбасса», существенно не поменяли «расклады» в молодежной политике партий. Власть и «Единая Россия» по-прежнему делали ставку на подготовку «технократов» по линии «кадровых резервов», этой же стратегии придерживалось руководство Молодой гвардии «Единой России», которое также предпочитало политику «малых дел» массовой мобилизации молодежи. Несколько усложнилась деятельность радикальной оппозиции, которой пришлось учитывать в своей риторике и действиях «крымский консенсус» российского общества и элиты и патриотический подъем населения (который частично захватил в 2014–2015 гг. и молодежь), однако в целом она продолжила политику давления на власть уличными протестами. В таковых в крупных городах по-прежнему участвовало довольно много молодежи, особенно студенческой. Молодежные же подразделения парламентских партий в своем большинстве проявили патриотическую сознательность и поддержали действия российской власти [5]. Это, с одной стороны, привело к более доброжелательным отношениям молодых «системных» оппозиционеров с кураторами из администрации президента, с другой — сузило для них «мобилизационную базу». Патриотически настроенная молодежь в основном предпочитала уходить под знамена «партии власти», а не КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». В то же время для молодых «фрондеров» думские оппозиционеры были слишком умеренными.

Молодежная политика 2016–2022: смена парадигм и новые форматы взаимодействия

В итоге в 2016–2022 гг. с молодежными «массами» работала в основном либеральная оппозиция, а власть делала ставку на селекцию наиболее сильных «аппаратных» кадров. Соответственно, молодежная работа парламентских оппозиционных

партий (к которым по итогам выборов в Госдуму России 2021 г. присоединилась партия «Новые люди») в основном заключалась в «привлечении к участию» молодежных кадров, оставшихся после «дележа» основной массы между властью и непарламентской оппозицией (в диапазоне от «Яблока» до ФБК Алексея Навального¹), а также в продвижении «неполитических» форм взаимодействия с «зуммерами» (спорт, IT, экология, образование и пр.).

Специальная военная операция открыла новые возможности «думским» системным оппозиционерам, в том числе в молодежном сегменте российского общества.

Во-первых, после начала СВО большинство либеральных вождей (в том числе работавших с молодежью) либо покинули Россию, либо, получив статус «иноагента», резко снизили интенсивность своей деятельности. В итоге «фрондирующая» молодежь фактически осталась без руководства и в значительной мере разочаровалась в своих недавних кумирах. Более того, многие из такого рода «покинутых» стали искать новую политическую и идеологическую нишу.

Во-вторых, СВО, которая достаточно быстро превратилась в масштабное военно-политическое противостояние не столько с Украиной, сколько с Западом в целом, привела к росту патриотических настроений (как на «идейной основе», так и «стихийных») в российском обществе, затронув, в том числе, и молодежные слои [6]. Тем не менее многие ранее либерально ориентированные представители молодежи не были готовы к прямому переходу под знамена власти, и поэтому «думские» системные оппозиционеры представляли для них достаточно удобную площадку для политической самореализации без необходимости «поступаться принципами» [7].

В-третьих, постепенно на смену первому «призыву» поколения «зуммеров», ориентированному в основном на либеральные и космополитические ценности, приходит следующее поколение, более лояльное к ценностям «государственно-консервативным» и одновременно с «левым» запросом на «справедливость» и солидарность.

Однако такого рода возможности оказались практически невостребованными парламентской оппозицией. Это вытекает как из их идеологических документов, так и практической деятельности 2022–2025 гг.

Анализ молодежной политики в программах парламентских партий России: критический взгляд

Если проанализировать программные документы четырех «думских» партий, то мы практически нигде не увидим специального раздела, посвященного молодежи и молодежной политике. В лучшем случае молодежная тема «размазана» по идеологическому документу и никак не акцентирована.

Так, в Программе Коммунистической партии Российской Федерации лишь в самом конце декларируется, что «КПРФ — партия будущего, будущее принадлежит молодежи»². Но при этом под такой молодежью подразумевается только «комсомол и пионерское движение, построенные на советских традициях»³. На последней странице программы содержится тезис о «последовательном омоложении и обновлении состава партии» для обеспечения «преемственности». Но тут, видимо, имеется внутривнутрипартийный аппаратный смысл, связанный с «транзитом власти» внутри КПРФ от Г.А. Зюганова к его внуку Л.А. Зюганову. Больше молодежная тема на страницах документа не поднимается.

Что же касается риторики и стилистики Программы коммунистов, то она является несвоевременной, марксистско-официозной и архаичной, что не только не привлекает, но серьезно отталкивает молодежь [8].

В Предвыборной программе партии «Справедливая Россия — Патриоты — За Правду» (принята 20 июня 2024 г.) с молодежью (да и то косвенно) связаны лишь положения о поддержке самозанятых (многие молодые предприниматели пребывают в этом статусе), введении льгот для компаний, нанимающих на работу молодежь, и о поддержке молодых семей.

В предвыборной «Программе защиты людей» Либерально-демократической партии России нет вообще прямой апелляции к молодому поколению. Косвенно с «молодежной темой» связаны лишь тезисы о защите людей от телефонного и кибермошенничества (направленного в том числе против молодежи), а также призывы к непримиримой борьбе с наркоторговлей. Все остальные материалы программы ориентированы в основном на людей поколений 35+.

Наконец, в Программе партии «Новые люди», которая в силу своей относительной «либераль-

¹ Внесен Росфинмониторингом в список организаций и физлиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму и экстремистской деятельности.

² URL: <https://kprf.ru/party/program?ysclid=mfa4fmek3r813723539>

³ Там же.

Таблица 1 / Table 1

**Отражение ценностей и потребностей молодежи в программах «думских» оппозиционных партий /
Reflection of Youth Values and Needs in the Programs of Duma Opposition Parties***

	Самореализация, успех и карьера / Self-realization, Success and Career	Инновационность / Innovation	Семья, общение / Family and Communication	Справедливость / Justice	Патриотизм / Patriotism	Свобода / Freedom
КПРФ	–	–	+	+	+	–
ЛДПР	+/-	+/-	+/-	+	+	+/-
СРЗП	+/-	+/-	+	+	+	–
НЛ	+/-	+	–	+/-	–	+

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

* Перечень приоритетов российской молодежи составлен на основе трех исследований: Опроса «СберСтрахование жизни» и «СберНПФ» (июнь 2025). URL: https://sberbank-insurance.ru/news/27_06_25; Доклада «Мониторинг ценностных ориентаций молодежи» Института детства, семьи и воспитания Министерства просвещения РФ (ноябрь 2024). URL: <https://институтвоспитания.рф/monitoring-tsennostnykh-orientatsiy-molodyezhi/>; Опроса Аналитического центра ВЦИОМ в партнерстве с Ежегодной премией индустрии товаров и услуг для детей и их родителей «Моя марка № 1» (июль 2025). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost?ysclid=mfb0mdfbiy509625862>

ности» и «новой оппозиционности», казалось бы, должна была в большей степени ориентироваться на молодое поколение, мы опять же не видим ни четкой молодежной акцентировки, ни необходимой тональности, которая позволила бы найти общий язык партии с «поколением зуммеров».

Действительно, в программе партии присутствует целый ряд положений, которые снискали бы поддержку определенной части молодого поколения в силу эмоционального восприятия политики и отсутствия жизненного опыта, легко покупающегося на различного рода «свободолюбивые» либеральные посулы.

Так, у «Новых людей» мы найдем призывы к «демократизации власти» и «свободе слова», положения о тотальной выборности (в том числе руководителей силовых органов) и массовому проведению микро-референдумов на местном уровне, о борьбе за экологию и «мир во всем мире»⁴. Однако что касается реальных потребностей современной молодежи, то они опять же отражены весьма скудно и «точно». Из «практико-ориентированных» моментов можно отметить следующие положения:

- о введении налоговых льгот за трудоустройство выпускников;
- о поддержке малого и среднего бизнеса;
- о снижении учебной нагрузки в вузах и школах;
- о введении в школах и вузах «законной автономии и коллегиальности в принятии решений».

⁴ URL: https://nnov.newpeople.ru/files/docs/program_newpeople.pdf?ysclid=mfa4huyt2p44630217

Однако при этом программа «Новых людей» грешит эклектикой, излишним популизмом и декларативностью, некоторые пункты устарели или же откровенно нереалистичны даже в глазах политически неискушенного молодого поколения. Взять хотя бы тезисы о выстраивании на современном этапе «широкого международного сотрудничества» или о реформе армии, которую должны составить «дипломаты в погонах».

В итоге, как мы видим, в программных документах «думских» политических партий молодежная тема целенаправленно не представлена, а чаяния молодого поколения обозначены лишь выборочно (табл. 1).

Кстати, помимо позитивных ценностей и надежд у молодежи России присутствуют также тревоги, страхи и фобии, которые, считаем, также должны учитываться политическими партиями России, в том числе оппозиционными. К таковым можно отнести: неуверенность в завтрашнем дне; страх профессиональной невостребованности и бедности; экологические проблемы; жилищные проблемы; проблемы с социализацией и утратой связи с родными и друзьями; жесткость взрослой жизни, в том числе в плане конкуренции на рынке труда; опасения относительно войн, эпидемий, катастроф.

И если посмотреть на программы парламентских оппозиционных политических партий, то опять же очень редко здесь затрагиваются эти темы, и еще реже наблюдаются попытки дать ответ на страхи и фобии молодого поколения (табл. 2).

Отражение тревог, страхов и фобий современной молодежи в программах «думских» оппозиционных партий / Reflection of Contemporary Youth Concerns, Fears, and Phobias in the Programs of Duma Opposition Parties*

Маркер эмоционального состояния	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	НЛ
Неуверенность в завтрашнем дне	+	-	-	+/-
Невостребованность и бедность	+	+	+/-	+/-
Экологические проблемы	-	-	-	+
Жилищная проблема	+/-	-	+	-
Проблемы социализации и коммуникации молодежи	-	+/-	+/-	-
Сложность и жесткость взрослой жизни	-	-	-	-
Войны, эпидемии, катастрофы	-	+	+	+/-

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

* Перечень приоритетов российской молодежи, а также их тревог, страхов и фобий составлен на основе трех исследований: Опроса «СберСтрахование жизни» и «СберНПФ» (июнь 2025). URL: https://sberbank-insurance.ru/news/27_06_25; Доклада «Мониторинг ценностных ориентаций молодежи» Института детства, семьи и воспитания Министерства просвещения РФ (ноябрь 2024). URL: <https://институтвоспитания.рф/monitoring-tsennostnykh-orientatsiy-molodyezhi/>; Опроса Аналитического центра ВЦИОМ в партнерстве с Ежегодной премией индустрии товаров и услуг для детей и их родителей «Моя марка № 1» (июль 2025). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidaniie-realnost?ysclid=mbf0mdfbiy509625862>

Если говорить об организационных формах работы системных оппозиционных партий с молодежью, то они несколько более разнообразны и профильны, чем идеологические постулаты.

Так, например, коммунисты создали пул «красных блоггеров» и выставили на чемпионат России мини-футбольную команду «КПРФ»⁵, «справороссы» в большей степени делают упор на волонтерскую деятельность в рамках СВО⁶, ЛДПР активно задействует для работы с молодежью свой собственный университет (Институт мировых цивилизаций) [9], «Новые люди» поддерживают бизнес-активность молодежи и развивают сеть дискуссионных клубов [10] и т.д. Тем не менее, несмотря на определенную изобретательность оппозиционеров, на этом направлении они также существенно уступают молодежной политике «Единой России», которая реализует гораздо более статусные, масштабные и креативные проекты.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы.

⁵ См.: <http://www.mfc-kprf.ru/>

⁶ См.: <https://spravedlivo.ru/12162116>

Во-первых, в отличие от «партии власти», думские оппозиционеры недостаточно эффективно и охотно работают с молодежью. Большинство из них (КПРФ, СРЗП и даже ЛДПР) предпочитают делать политическую ставку скорее на «поколение телевизора», чем на «поколение интернета».

И лишь партия «Новые люди», желая подчеркнуть свою «новизну» и «устремленность в будущее», уделяет большее внимание молодежи, хотя, опять же, в основном в своих программных документах, нежели в практической деятельности.

Во-вторых, в своей идеологической и организационной работе с поколением зуммеров парламентские оппозиционеры не всегда могут найти необходимые форматы, тональность и тематические акценты.

Так, например, агитация КПРФ слишком «грузит» молодое поколение марксистско-ленинской догматикой, ЛДПР — антимигрантским пафосом, «справороссы» — темой СВО. Что же касается «Новых людей», то им, невзирая на демонстративно подчеркиваемое внимание к нуждам и проблемам молодежи, явно не хватает искренности и доверительности.

В-третьих, функционируя в партийно-политической системе Российской Федерации «по оста-

точному принципу», системные оппозиционеры вынуждены делить не слишком многочисленный и «качественный» электорат (в том числе молодежный), в то время как наиболее перспективные кадры в большинстве своем ориентируются на партию «Единая Россия» и именно с ней связывают свои личные и общественные надежды.

В-четвертых, возможность политической работы «на негативе» у системных оппозиционеров также весьма ограничена. А именно этот фактор зача-

стую является выигрышным для «альтернативных» партий в работе с фрондирующей молодежью. Но, с одной стороны, «черный» и даже «серый» PR жестко ограничен законодательством еще с конца «нулевых» годов, с другой — в условиях проведения специальной военной операции «конструктивным» оппозиционерам важно не пересечь в критике политических «красных линий», что во многом удерживает их от излишнего популизма и демонстрации «непримиримости» в отношении действующей власти.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам прикладной НИР по теме «Конкуренция альтернативных проектов будущего России за управление социально-политическими ожиданиями молодежи» (ПИ-33-25), выполненной за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of applied research on the topic “Competition of alternative projects of the future of Russia for managing socio-political expectations of youth” (PI-33-25), carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михеева В. В. Оппозиционные политические молодежные объединения в России: современная история. *Genesis: исторические исследования*. 2023;3:24–25. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.3.39919
2. Шатилов А. Б. «Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодежной среде в 2000–2010-е гг. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9-1(37):32–37. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-32-37
3. Елишев С. О. Социальное манипулирование молодежью. Дис. ... докт. социолог. наук. Москва: 2019. 336 с. URL: <https://www.elibrary.ru/ndkkku>
4. Жаринова Е. С. Парламентские партии современной России: особенности проведения молодежной политики. *Власть*. 2013;9:050–054. URL: <https://www.elibrary.ru/rceefr>
5. Малик Е. Н., Мельников А. В. Влияние молодежной политики парламентских партий на становление политической субъектности российской молодежи. *Вестник государственного и муниципального управления*. 2015;1(16):91–98. URL: <https://www.elibrary.ru/uawhvj>
6. Парма Р. В. Патриотические настроения студенческой молодежи в современной России. *Власть*. 2023;31(3):17–24. DOI: 10.31171/vlast.v31i3.9617
7. Шатилов А. Б. Гражданское общество в России: третий путь. *Власть*. 2023;31(4):9–14. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9682
8. Крыштановская О. В., Лавров И. А. Молодежь в поисках своей партии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022;70:242–250. DOI: 10.17223/1998863X/70/22
9. Златанов Б. Г. Молодежь как объект интересов ЛДПР. *Youth World Politic*. 2022;1:20–27. URL: <https://www.elibrary.ru/tfuggc>
10. Сазонов И. С., Карпов Д. С. Феномен политической партии «Новые люди» в контексте модернизации партийной системы РФ и совершенствования молодежной политики (на примере Новосибирской области). *Этносоциум и межнациональная культура*. 2022;1(163):93–99. URL: <https://www.elibrary.ru/kcrjmw>

REFERENCES

1. Mikheeva V. V. Opposition political youth associations in Russia: Modern history. *Genesis: Historical research*. 2023;3:24–25. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-868X.2023.3.39919

2. Shatilov A.B. “Soft” technologies of the Russian government for the prevention and neutralization of extremist manifestations among young people in 2000–2010. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019;9–1(37): 32–37. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–1–32–37
3. Yelishev S. O. Social manipulation of youth. Dis. ... doct. Social sciences. Moscow: 2019. 336 p. URL: <https://www.elibrary.ru/ndkkku> (In Russ.).
4. Zharinova E. S. Parliamentary parties of modern Russia: Features of youth policy. *Power*. 2013;9:050–054. URL: <https://www.elibrary.ru/rceefr> (In Russ.).
5. Malik E. N., Melnikov A. V. The influence of youth policy of parliamentary parties on the formation of political subjectivity of Russian youth. *Bulletin of State and Municipal Administration*. 2015;1(16):91–98. URL: <https://www.elibrary.ru/uawhvj> (In Russ.).
6. Parma R. V. Patriotic sentiments of student youth in modern Russia. *Power*. 2023;31(3):17–24. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i3.9617
7. Shatilov A.B. Civil society in Russia: the third way. *Power*. 2023;31(4):9–14. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9682
8. Kryshchanovskaya O.V., Lavrov I.A. Youth in search of their party. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2022;70:242–250. (In Russ.). 2022;70:242–250. DOI: 10.17223/1998863X/70/22
9. Zlatanov B.G. Youth as an object of interests of the Liberal Democratic Party. *Youth World Politic*. 2022;1:20–27. URL: <https://www.elibrary.ru/tfuggc> (In Russ.).
10. Sazonov I. S., Karpov D. S. The phenomenon of the political party “New People” in the context of the modernization of the party system of the Russian Federation and the improvement of youth policy (on the example of the Novosibirsk region). *Ethnosocium and interethnic culture*. 2022;1(163):93–99. URL: <https://www.elibrary.ru/kcpjmw> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгения Олеговна Соболева — младший научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Evgenia O. Soboleva — Junior Research Fellow at the Center for Political Studies of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

esoboleva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.09.2025; принята к публикации 08.09.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 08.09.2025; accepted for publication 08.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-147-156
УДК 952:321(470+571)“634”(045)

Политическая культура Японии в догосударственный и раннегосударственный период

Б.В. Кица

Институт философии РАН, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Научная проблема работы состоит в определении представлений и установок древних японцев в отношении феномена политической власти. Актуальность работы обусловлена тем, что в рассматриваемый период сформировались установки политической культуры, оказывавшие влияние на политическое сознание японцев на протяжении всей истории страны, в том числе и современной. Цель работы – реконструировать черты политической культуры древней Японии, сформировавшиеся независимо от влияния китайской политической мысли. В рамках исследования отмечается проблема, связанная с неточностями в устоявшейся датировке периодов Дзёмон и Яёй, что значимо в контексте необходимости объяснить причины слабости китайского культурного влияния на население Японских островов вплоть до IV в.н.э. В статье рассматриваются синтоистские установки сакрализации власти императоров, формальное и фактическое место аристократии в политической культуре страны и специфика возникновения национального самосознания в Японии. В результате исследования автор приходит к выводам, что идея обожествления императора берет свое начало в архаичных анимистических верованиях и идее «усмирения богов», а затем развилась как средство выстраивания властной иерархии между кланом Ямато и иными аристократическими кланами. Преимущественно мирный характер объединения японских островов и последовавшая за ним милитаризация в IV в.н.э. позволили создать систему управления, схожую с феодальной системой в Западной Европе раннего Средневековья. Сакрализация фигуры императора способствовала легитимизации власти аристократии, что позволило ей к концу VI в.н.э. консолидировать власть в своих руках. В VI в.н.э. в Японии начинают проявляться первые черты национального самосознания, что проявляется в идее «обожествления страны» и в возникновении системы самоидентификации «свой – чужой» в отношении других народов. Этнокультурный фактор выступал в качестве ключевого для национальной самоидентификации.

Ключевые слова: политическая культура; древняя Япония; Ямато; сакрализация власти; аристократическое правление; национальное самосознание; синтоизм

Для цитирования: Кица Б.В. Политическая культура Японии в догосударственный и раннегосударственный период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(4):147-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-147-156

ORIGINAL PAPER

The Political Culture of Japan in Pre-State and Early State Period

B.V. Kitsa

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ANNOTATION

The purpose of the work is to study the specifics of the formation of Japanese political culture in the pre-state and early state periods in order to identify the main factors that influenced the further historical development of the country. The research is based on a number of scientific Russian, English – and Japanese – language works of political and historical orientation, as well as written historical sources of Chinese and Japanese origin. The paper attempts to reconstruct the features of the political culture of ancient Japan, which were formed independently of Chinese influence. The study highlights the problem associated with inaccuracies in the well – established dating of the Jomon and Yayoi periods, which is significant in the context of the need to explain the reasons for the weakness of Chinese cultural influence on the population of the Japanese islands up to the IV century AD. The article examines the Shinto attitudes of the sacralization of the power of the emperors, the formal and actual place of the aristocracy in the political culture of the country and the specifics of the emergence of national identity in Japan. As a result of the research, the author comes

to the conclusion that the idea of deifying the emperor originates in archaic animistic beliefs and the idea of “pacifying the gods”; and then developed as a means of building a power hierarchy between the Yamato clan and other aristocratic clans. The predominantly peaceful nature of the unification of the Japanese islands and the subsequent militarization in the IV century A.D. allowed the creation of a system of government similar to the feudal system in Western Europe in the early Middle Ages. The sacralization of the figure of the emperor contributed to the legitimization of the power of the aristocracy, which allowed it by the end of the VI century AD. In the VI century A.D., the first features of national identity began to appear in Japan, which manifested itself in the idea of deifying the country and in the emergence of a self – identification system “friend – foe” in relation to other peoples. The ethno – cultural factor was a key factor for self – identification.

Keywords: political culture; ancient Japan; Yamato; sacralization of power; aristocratic rule; national identity; shinto

For citation: Kitsa B.V. The political culture of Japan in pre-state and early state period. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(4):147-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-147-156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения проблемы становления политической культуры Японии в ее догосударственный и раннегосударственный период обусловлена необходимостью выявления факторов, оказывавших воздействие на политическое сознание и поведение японского общества на протяжении всей истории. Это позволяет определить наиболее стабильные и устойчивые во времени модели восприятия политики в Японии, оказывающие влияние и на современное общество. Понимание механизмов работы политической культуры позволяет эффективно выстраивать взаимодействие с японским обществом и государством, что особенно актуально в условиях политической конфронтации для обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В отечественной политической науке до настоящего времени не сложилось комплексного представления о предпосылках формирования японской политической культуры. Данная работа охватывает догосударственный и раннегосударственный периоды японской истории и потому в большей степени фокусируется на изучении комплекса мифов и легенд. Несмотря на то, что существует ряд исследований, посвященных изучению данного периода, они не затрагивают вопроса непосредственного формирования политической культуры.

Анализ политической культуры древних обществ представляет собой сложную задачу. Отсутствие автохтонных письменных источников в изучаемый период вынуждает обращаться к данным археологии, а также к мифам, устному творчеству, письменным источникам либо иностранного, либо более позднего происхождения. Большую ценность приобретают методы исторической реконструкции. В данной работе этот метод применяется при анализе «Нихон сёки». Будучи написанной на камбуне по образцу китайских исторических хроник и под влиянием китайской политической мысли, эта хроника в то же время содержит множество особенных

сюжетов и идей. Реконструкция позволяет отделить те идеи и смыслы, которые сформировались в результате китайского влияния от идей, которые представляют собой оригинальную японскую мысль. Таким образом мы восстанавливаем представления японцев о власти, бытовавшие до проникновения в Японию китайской политической мысли.

В современной политической науке сложилось несколько подходов к анализу политической культуры, среди которых можно выделить три основных — субъективистский, объективистский и аксиологический.

Субъективистский подход, начало которому положили Г. Алмонд, С. Верба, Дж. Пауэлл, С. Пай и др., понимает политическую культуру как «совокупность установок относительно политической системы и ее частей, и установок относительно собственного места в данной системе» [1, с. 28]. Данный способ фокусируется на анализе субъективных ориентаций людей в политике. *Объективистский подход* связан с представлением о политической культуре как о совокупности норм политического поведения, наиболее распространенных в том или ином обществе. Он фокусируется на анализе формальных и неформальных правил поведения в политике и связан с такими исследователями, как С. Уайт, Д. Плейно, М. Дуглас и др. [2, с. 43].

Аксиологический подход воспринимает политическую культуру как стиль политической деятельности, воплощающей в себе убеждения, ценности и идеалы общества. Особый упор в исследовании делается на анализе культурных норм и традиций общества в целом. Видными представителями данного подхода являются А. С. Панарин, Э. Я. Баталов, И. Шапиро, У. Розенбаум, П. Шаран.

А. С. Панарин выделяет *три аксиологических элемента политической культуры*: традиции, унаследованные из прошлого; нормы, действующие в настоящем, и идеал («должное»), целевое будущее [3 с. 41]. Следует также отметить важную проблему соотношения политических ценностей

и политического поведения. В зависимости от того, какой акцент внимания в своих работах делают исследователи, используется и другая классификация — бихевиористские и интерпретационистские подходы [2, с. 38–43].

Для анализа политической культуры древних обществ наиболее применимы аксиологические подходы, поскольку обычно исторические источники (мифы, легенды, религиозные тексты, описания) содержат больше информации о политических установках людей, чем об их политическом поведении. Применительно к данной работе особый упор делается на анализе представлений о природе власти, ее функциях и назначении в соответствии с космологическими представлениями об устройстве мира.

Также в статье рассматривается феномен формирования национального самосознания. Вопрос применимости понятия нации в отношении древних обществ крайне неоднозначный. Среди различных подходов к пониманию нации вызывает особый интерес концепция этносимволизма. В отличие от конструктивистов, утверждающих, что нации возникли лишь в эпоху модерна (XVIII–XIX вв.), этносимволисты считают, что в основе современных наций лежат более ранние формы этнического сознания — мифы, легенды, общая историческая память, схожие формы национальной культуры, и особенно система идентификации свой — чужой, свойственные в том числе обществам Древнего Египта и Месопотамии. Таким образом, этногенез — это процесс эволюционного развития этнического сообщества, в котором нация модерна интерпретируется лишь последней стадией подобного процесса.

Энтони Д. Смит, один из представителей этносимволистского подхода, определил шесть основных критериев выделения этноса в эпоху премодерна: самоназвание, миф о едином происхождении, общая историческая память/нарратив, общность элементов культуры, ассоциация народа с территорией (представления о родине) и чувство солидарности к своим. К VI–VIII вв. н.э. в Японии начали формироваться национальное самосознание и представление об отличии японцев от других народов.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЯПОНСКИХ ОСТРОВАХ

Становление политической культуры Японии относится к периоду Яёй, когда на Японские острова

начали прибывать первые переселенцы с материка, имевшие более сложную систему общественной организации, чем автохтонное население (культура Дзёмон). Вопрос датировок эпохи Яёй остается спорным. В качестве традиционно принятых в науке дат начала и окончания периода выделяют 300 г. до н.э. и 300 г. н.э. Внутри периода различают три этапа: ранний Яёй (III–I вв. до н.э.), средний Яёй (I в. до н.э. — I в. н.э.) и поздний Яёй (I–III вв. н.э.). Однако некоторые японские исследователи, например профессор Н. Тоёхиро, на основании результатов радиоуглеродного анализа археологических находок предлагают установить начало раннего периода Яёй во второй половине X в. до н.э. [4, с. 93].

Вопрос датировки значим, поскольку можно обоснованно предположить, что на начальном этапе переселения культура протояпонцев должна была иметь много общих черт с политической культурой населения материка. Старая датировка не позволяет в должной мере объяснить, почему в культуре переселенцев не было представлений о ряде социально-политических доктрин, уже существовавших в Китае эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.). В частности, речь идет о конфуцианстве, легизме и даосизме, сформировавшихся к III в. до н.э. в систематизированный вид. Помимо этого, период с конца III в. до н.э. и до начала III в. н.э. в Китае характеризуется относительной политической стабильностью эпохи Империи Хань. Следовательно, логично предположить, что основная волна миграции на японские острова происходила в период между X и III вв. до н.э. Такая датировка совпадает с периодами междоусобных войн в Китае: эпоха Вёсен и Осеней (771–476 гг. до н.э.) и эпоха Сражающихся Царств (403–256 гг. до н.э.).

Корейская история также указывает на новую датировку периода Яёй. Первые протогосударственные образования на территории Кореи стали возникать в IX–VIII вв. до н.э., а первое упоминание общекорейского государства Кочосон относятся к 323 г. до н.э. Таким образом, в промежуток между IX и IV вв. до н.э. на корейском полуострове также проходит серия локальных военных конфликтов. Сходство черт керамики Яёй с корейской керамикой Мумун и географическая близость Японии и Кореи дают основания полагать, что корейский полуостров был еще одной отправной точкой переселения, которое происходило в то же время, что и миграция из Китая.

Изложенные выше факты позволяют утверждать, что культура Японии в данный период развивалась

независимо от культуры Китая и имеет больше черт сходств с культурой эпохи Шан, чем эпохи Чжоу. Например, в «Предании о людях Ва из хроники Вэй», источнике III в. н. э., упоминается обычай гадания на черепаших панцирях, практикуемый японцами на о. Кюсю [5, с. 15]. Данный обычай был широко распространен в Китае в эпоху Шан вплоть до XI в. до н. э. Следовательно, говорить о существенном влиянии китайской мысли на японскую политическую культуру можно не ранее V–VI в. н. э., когда в Японию начинают активно проникать иероглифическая письменность, буддизм и конфуцианство.

СИСТЕМА САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Среди схожих черт политической культуры Японии эпохи Яёй и Китая эпохи Шан выделяется практика обожествления правителя. В упомянутом выше источнике упоминаются правительница государства Яматай, Химики, следовавшая пути духов, и ее преемница, 13-летняя жрица Тайё. Сакральный статус правителя подчеркивался практикой сокрытия монарха от глаз простых людей и строительством особых погребальных сооружений — курганов, в которых закапывали рабов [5, с. 18, 25]. Таким образом, религиозная функция монарха имела значимость уже во II в. н. э.

В период между правлением Химики и Тайё в государстве Яматай имел место династический кризис, когда к власти пришел некий мужчина, который затем был свергнут. Также упоминается, что Тайё была избрана [5, с. 17–18]. Это свидетельствует о существовании институтов племенной демократии в раннем Яматай и отсутствии строгой системы наследования власти. Таким образом, сакрализация власти в эпоху Яёй изначально носила более утилитарный характер: правитель выступал в роли главного жреца, поскольку для осуществления религиозных обрядов необходимым условием была связь с богами.

Важным средством сакрализации власти выступает образ «идеального правителя». Обожествление правящего рода, помимо родственной связи с богами, также обусловлено проявлениями божественности в деяниях представителей императорской династии. В «Нихон сёки» представлено несколько особо ярких образов правителей, выступающих как образец «божественности». Среди них выделяются Дзимму (1-й император), Ямато — такэру (принц, сын 12-го императора Кэйко) и Нинтоку (16-й император).

Император Дзимму характеризуется в тексте как человек, обладающий мудростью и силой воли. В сражении против Нагасунэ-бико Дзимму использует хитрость, показывая мнимую слабость своего войска. Он проводит тактическое отступление и разворачивает войско спиной к солнцу, тем самым следуя «Пути Неба» [6, с. 179]. Мудрость Дзимму заключается в следовании небесному порядку, что позволило получить силу солнца и победить в битве. Далее в тексте приводится еще несколько описаний использования хитростей и тактических уловок. Дзимму верно толкует божественные знаки и беспрекословно исполняет ритуалы, что позволяет добиваться побед.

Дзимму описывается не только как успешный завоеватель, но и как законотворец и администратор. Его действия носят в себе черты «цивилизаторской миссии»: «Воистину, нам теперь надлежит возвести обширную столицу, чтобы она здесь процветала. Нынешний удел этого места — мрак и дикость, сердца людей еще не умудрены. Они селятся в гнездах, пещерах, и обычаи их делятся без перемен. Великие люди устанавливают законы и порядки, и эти правила непременно отвечают времени. И если народу от этого будет польза, то он ни в какой мере не станет противиться деяниям мудрецов». Логическим итогом деяний Дзимму становится установление ритуалов поклонения предков: «Души моих царственных предков, с Неба слетев, освещают мое тело и помогают мне. Всех врагов я уже усмирил, и недра морские не причиняют беспокойства. Потому высшим проявлением сыновней почтительности будет почтить Небесных богов» [6, с. 193].

Деяния Ямато Такэру описаны в свитке, посвященном императору Кэйко. Ямато Такэру описывается как богатырь нечеловеческой силы, однако его победы также были обусловлены хитростью, соотносящейся с божественным замыслом. Племя Кумасо побеждено благодаря уловке — Ямато Такэру, переодевшись в женское платье, во время пира напал на опьяневшего Капаками-такэру (второе имя — Тороси-кая) и победил его. В дальнейшем в тексте неоднократно подчеркивается, что победы Ямато Такэру обусловлены покровительством богов и государя: «И вот я снова отправляюсь, заручившись помощью душ богов Неба, богов Земли, мощь у государя заняв» [6, с. 247].

Император Нинтоку изображен как умелый правитель, основная благодетель которого — беспокойство о благосостоянии народа: «Небесного властителя ставят на пост ради блага ста родов.

И властитель при том сто родов полагает за основу. Поэтому мудрые правители прошлого, даже если всего один подданный голодал и мерз, старались сократить свои потребности» [6, с. 304].

Очевидная проблема интерпретации «Нихон сёки» связана с тем, что данный текст был написан в VIII в. н.э. и испытал значительное влияние китайской литературной традиции. Японцы в данное время уже тесно знакомы с буддизмом и конфуцианством. Так, в тексте регулярно используются китайские термины, процитированная выше речь императора Дзимму изобилует штампами из китайской классической литературы, а образ императора Нинтоку обладает всеми конфуцианскими добродетелями: человеколюбием, справедливостью, верностью обычаям, мудростью и искренностью. Описания военной тактики и боевых действий отсылают к военной доктрине Сунь Цзы, основанной на искусстве обмана. Однако текст содержит и множество уникальных мотивов, идей и сюжетов, позволяющих частично реконструировать представления об идеальном правителе в японской культуре до распространения конфуцианства и буддизма.

Главной отличительной чертой японского правителя является его божественность. В отличие от китайского императора, выступавшего посредником между людьми и обезличенным абсолютным небом, японский император выступает как прямой потомок небесных богов, сошедших на землю. Связь китайского императора с небом обусловлена накоплением добродетели Дэ, в то время как связь японского императора обеспечена правом родства. Иными словами, если китайский император правит до тех пор, пока следует небесной воле и принципам, то в Японии воля небес заключается в том, чтобы императорская династия продолжала править. Обращаясь к Ямато Такэру, император Кэйко произносит: «Поэтому понятно, что хотя обликом ты мой сын, но на самом деле — бог — человек. Воистину, не означает ли это, что Небо сожалеет о том, что я неразумен, а страна не усмирена, и желает оно помочь, чтобы наследные дела вершились и впредь и чтобы дом владык страны не прекратил существование» [6, с. 247].

Из божественности императора следует его основная функция «усмирителя», своими действиями устанавливающего порядок, согласующийся с небесной волей. Император усмиряет не только людей, но и богов: «Бог пролива Кибинанан и бог пролива Касипа в Нанипа — божества с вредоносным сердцем. Они выдыхают ядовитое дыхание,

терзают путешественников, причиняют многие бедствия. Их я тоже убил и тем открыл пути по воде и посуху» [6, с. 245].

Идея правителя-усмирителя берет свое начало в обрядах земледельческих общин, вынужденных регулярно обращаться к божественным силам с жертвоприношениями для получения удачного урожая. Подобное магическое мышление было свойственно многим архаическим народам. Усмирение богов, в свою очередь, является развитием идеи жертвоприношения — если бога можно задобрить, то его можно и запугать. Усмирение божеств выступает как прерогатива правителя, вобравшего в себя как человеческие, так и божественные черты. Синтоизм предполагает существование первоначального порядка, иерархии, и усмирение ведет к восстановлению этого порядка там, где он был нарушен. Таким образом, существование власти обосновывается первоначальной небесной иерархией. Так образ правителя-жреца, задабривающего богов, эволюционировал в образ правителя-бога, усмиряющего иных богов, поддерживая земной и небесный порядок. Образ правителя-мудреца сформировался позднее под влиянием китайской традиции.

РОЛЬ АРИСТОКРАТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

Ряд исследователей утверждает, что военная функция аристократии в Японии не была столь же значимой, как в иных древних обществах, а некоторые вовсе склоняются к мнению, что государство Ямато представляло собой конфедерацию различных региональных кланов. Т. Мацуги утверждает, что роль насилия в процессе политического объединения Японии менее существенна, чем в других обществах на той же стадии развития [7, с. 134]. Это подтверждается относительно малым количеством археологических находок предметов военного назначения. Несмотря на то, что некоторые следы милитаризации культуры наблюдаются начиная со II в. н.э., основное развитие данный процесс получил во второй половине IV в. н.э., когда правители Ямато стали проводить военные кампании на корейском полуострове.

Рост милитаризации подтверждается исследованиями курганных захоронений. В начале IV в. н.э. курганы кофун появляются в долине Нара и до конца VI в. распространяются по всей территории Японии, после чего резко исчезают [8, с. 149–153]. Массовое курганное строительство свидетельствует о консолидации власти в руках вождей. В это же

время захоронения элиты сооружаются обособленно от захоронений общинников, прекращается изготовление ритуальных колоколов дотаку и иных ритуальных бронзовых инструментов, а в захоронениях обнаруживается больше оружия. Аграрные обряды общин заменяются на индивидуальные погребальные обряды в курганах с использованием зеркал [8, с. 143–144]. Одной из значимых групп курганов являются курганы в Макимуку, которые Д. Л. Барнс связывает с «политией Мива (Сики)», ставшей, по его мнению, предшественницей Ямато [9, с. 356]. В конце VI в. знать была лишена права строительства захоронений, сравнимых с императорскими.

В IV–VI вв. н.э. система управления регионами строилась по феодальному принципу — различные провинции возглавлялись местной знатью во главе с представителями могущественных кланов, пользовавшихся широкой автономией. Также кланы обладали собственными армиями, периодически собиравшимися вместе для осуществления военных кампаний, и императоры не испытывали потребности в содержании большого личного войска. Таким образом, власть правителей Ямато, несмотря на божественный статус, вовсе не была абсолютной, а император по большей части выступал как арбитр в спорах между различными группами элит.

К концу периода Кофун в Японии предпринимаются попытки институционализации элит, формируется «система кланов и титулов» (氏姓制度 — сисэй / удзи-кабанэ сэйдо). Понятие «удзи» соответствует понятию «клан» и обозначает политическую группу, состоящую из главной и подчиненных семей. Главная семья осуществляла непосредственные отношения с властью Ямато и выступала как ее представитель на местах. Удзи не являлись естественными родоплеменными сообществами, а уже представляли собой политические группы, находившиеся в определенных отношениях с государством. Понятие «кабанэ» обозначает титул или социальный ранг, определяющий место того или иного удзи в политической иерархии страны. В эпоху Кофун данная система не имела четкой регламентации, количество удзи и кабанэ менялось со временем. Отдельно следует отметить существование профессионально-семейных групп (род — корпорация) — «бэ». Некоторые бэ пользовались автономией, другие находились под контролем тех или иных удзи, но, так или иначе, они представляли собой отдельную социальную единицу, занятую тем или иным ремеслом [10, с. 57–58].

Легитимизация местных правителей строилась по тому же принципу, что и легитимизация правителя Ямато. Это было возможно ввиду политеистического характера синтоистской религии. Например, в корпусе мифов провинции Идзумо центральное место занимает не Аматаэрасу, а Окуниносу (также известен как Онамудзи). В каждом отдельном племенном союзе создавалась своя религиозная система, со своими божествами и комплексом мифов. В дальнейшем одной из важнейших функций руководителей кланов будет поддержание святилищ на подконтрольной им территории. Клан Ямато в этом аспекте слабо отличался от других кланов, все они действовали в рамках общей культурной традиции.

Важной целью составления официальных хроник «Кодзики» и «Нихон сёки» было создание общего историко-мифологического нарратива, встраивающего различные кланы в общенациональную мифологию. Все кланы пытались так или иначе провести свою линию наследования к роду императора или его сподвижников, тем самым через сакральность власти императора легитимизировать собственную власть. Так, упомянутый ранее клан Сога произошел от китайско-корейских переселенцев, но они сами возводили свой род к Такэноути-но Сукунэ, сподвижника императора Сэйму и ряда других правителей.

Вероятно, что одной из причин несменяемости правящей династии в Японии является обожевление императора, выгодное элитам, ведь из его сакрального статуса они черпали собственную легитимность. Божественный статус императора не означал наличие абсолютной власти, а уже в VI в. н.э. аристократические роды нашли способ управлять страной за кулисами. Клан Сога оказывал влияние на императорский дом путем женитьбы дочерей клана на наследниках престола. Апофеозом данной политики стала деятельность Сога-но Умако, который, возведя на престол свою племянницу императрицу Суйко, управлял страной совместно с принцем Сётоку. В 645 г. Накатоми-но Каматару (также известен как Фудзивара-но Каматару) сверг род Сога, но затем уже его преемники под родовым именем Фудзивара установили аналогичную систему регентства в период Хэйан.

Таким образом, к VII в. н.э. в Японии сформировались предпосылки системы аристократического правления, при котором монарх «царствует, но не правит». Периодически императоры предпринимали попытки вернуть власть, однако

все они оканчивались неудачей. В период Хэйан власть находилась в руках придворной аристократии кугэ, а в периоды Камакура, Муромати, Адзуты-Момояма и Эдо в руках самурайской аристократии. Ситуацию не изменила даже реставрация Мэйдзи — императоры, формально вернув себе всю полноту власти, продолжали следовать уже устоявшейся политической традиции.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Вместе с идеей обожествления императорского рода в Японии возникает идея обожествления самой страны (神国 — «Синкоку» — Страна богов). «Так, в Нихон сёки приводятся слова, которые якобы сказал правитель Силла: «Услышал я, что на востоке есть страна богов, зовется она Ямато. В ней правит правитель — мудрец, именуемый сумера-микото “Небесный повелитель”. И не иначе как это божественное воинство — из той страны» [6, с. 268]. Идея о божественности страны прослеживается и в почитании Ямато-Окунитама-но ками, чей статус был крайне высок: «А до этого двух богов-столпов — великую богиню Амата-расу-опомиками и Ямато-но опо-куни-митама, Душу великой страны Ямато, почитали ритуалами в великом государевом дворце» [6, с. 207]. Таким образом, божественность была не только свойством правителя, но и самой страны.

Для обозначения простого люда в «Нихон сёки» используется слово «сто родов», которое имеет китайское происхождение («百姓» — кит. байсин / яп. хякусё). Чаще всего в тексте данный эпитет используется в связке с понятиями «страна», «правитель», «урожай», «спокойствие», «беспокойство». «Тот, кто наверху, милосердно использует сто родов. Сто родов радуются, и Поднебесная пребывает в спокойствии» [6, с. 297], «Сто родов в спокойствии слушаются правителя, четыре окраинных варвара покорены» [6, с. 369]. Регулярное упоминание варваров в тексте свидетельствует о том, что японцы ясно отделяли себя от представителей других народов, живших на японских островах. Таким образом, идея народа как единой сущности в Японии сформировалась благодаря китайскому влиянию. В то же время, сами японцы в своем общественном развитии дошли до уровня, когда они могли воспринять эту концепцию.

Идея народа Ямато была не столько импортирована, сколько адаптирована к местным условиям. Уже в VI в. н.э. в Японии возникает движение, на-

правленное на сохранение самобытности культуры, противодействие иностранному влиянию. В «Нихон сёки» описан эпизод, свидетельствующий о существовании пробуддистских и антибуддистских фракций при дворе в середине VI в. н.э. Буддизму покровительствовал клан Сога: «Сога-но Опооми Инамэ-но Сукунэ сказал: “Все соседние страны на Западе почитают его. И разве только одна страна — страна Урожайной Осени Ямато — может отвергнуть его?”». «Монообэ-но Опомурази Вокоси и Накатоми-но Мурази Камако совместно обратились к государю: “Правители, пребывавшие в Поднебесной нашей страны во все времена, весной, летом, осенью и зимой почитали 180 богов в святилищах Неба и Земли. Если же станем заново почитать бога соседних стран, то боги нашей страны могут разгневаться.”» [11, с. 53].

Ключевую роль в самоидентификации японцев играл этнокультурный фактор, принадлежность к японской культурной традиции. Здесь примечателен эпизод, как Ямато Такэру взял в плен представителей эмиси и преподнес их в дар святилищу Исэ. Из-за того, что эмиси не соблюдали культурных обычаев, религиозных предписаний и плохо интегрировались в общество, их переселили в удаленные от столицы земли, где они в дальнейшем составили Сапэки-бэ (род-корпорация, предположительно занимались защитой восточных границ) [6, с. 251]. То есть, варвары хоть и встроились в социальную систему Ямато, но не смогли ассимилироваться в полной мере.

В то же время, нам известно множество иных примеров, когда выходцы из Китая и Кореи со временем интегрировались в японское общество и даже встраивались в элиту. Служба императору являлась значимым критерием этнической идентификации, поскольку император был центральным элементом японской культуры, но принадлежность к японскому народу не сводилась к подданничеству. Если перефразировать: «Каждый японец был подданным императора, но не каждый подданный императора был японцем».

Как и в случае с европейскими нациями раннего средневековья, японское национальное самосознание строилось исходя из схемы отождествления страны, правителя, народа и богов. В Европе данные представления возникли как интерпретация истории еврейского народа из Ветхого завета: евреи как народ имеют особый завет с Богом и потому имеют право на землю обетованную, а еврейский царь выступает как помазанник Божий.

Беда Достопочтенный в VIII в. под воздействием библейской традиции описал историю народа англов. Такую же схему выстраивает Митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати», провозглашая Русь новым христианским народом. В тексте «Слова» активно используются и связываются между собой понятия «русский народ», «русская земля», «Русь» (как страна, в сопоставлении с «царством эллинов» и «царством римлян»), а князь Ярослав Мудрый напрямую отождествляется с библейским царем Соломоном.

Таким образом, в Японии к началу VIII в. уже сложилась система идентификации «свой — чужой», заложенная в основу национального самосознания. Японцы разделяли богов на «своих» и «чужих», тем самым отделяя себя от других народов. Япония является «Страной богов», потому что ками (боги-духи) живут на ней и ей покровительствуют. Япония представляет собой особое, живое пространство, место непосредственного сожительства людей и ками, и потому и народ, и земля, и монарх оказываются тесно и неразрывно связаны через божественную связь. Таким образом, японец в данную эпоху — это тот, кто живет в «Стране богов» (ками-но куни) и этим богам служит. Первоначальное неприятие буддизма было связано с восприятием Будды как иноземного ками. Победа клана Сога в усобице второй половины VI — начала VII в. позволила буддизму закрепиться в Японии, но эта победа не была абсолютной — массовое распространение буддизма стало возможно лишь благодаря встраиванию буддизма в местную систему верований, синто-буддистскому синкретизму.

ВЫВОДЫ

Политическая культура древней Японии формировалась под влиянием ряда уникальных факторов. Важную роль в формировании представлений и установок в отношении феномена власти сыграли анимистические верования о существовании бесчисленного множества богов-духов ками, оказывающих непосредственное влияние на человеческую жизнь и с которыми можно взаимодействовать. Ранние земледельческие общины использовали обряды жертвоприношений, чтобы умилостивить ками. Правитель выступал в роли верховного жреца, поскольку имел особую связь с богами. Политическое объединение японских островов привело к формированию образа правителя-усми-

рителя, способного запугивать и побеждать богов, что легло в основу идеи о его родственной связи с высшими богами. Император, будучи потомком богини солнца Аматэрасу, воплощает ее волю и тем самым получает безусловное право на правление в стране. Политеистический характер синтоизма позволил выстроить систему, в которой родовые божества правящей династии заняли центральное место в пантеоне, возвысившись над региональными божествами.

Сакрализации власти императора способствовала аристократия, поскольку связь с предками императора укрепляла их собственную легитимность. Территориальный характер синтоизма также усиливал позиции аристократии — кланы были ответственны за почитание локальных божеств. Низкая роль насилия в процессе объединения японских островов в IV в. н. э. позволила многим региональным кланам сохранить широкую автономию на подконтрольных территориях. Император не испытывал нужды в содержании большого личного войска, поскольку армия формировалась из локальных ополчений различных провинций. Усиление влияния аристократии привело к формированию в VI в. н. э. системы аристократического правления, которая в различных формах просуществовала вплоть до реставрации Мэйдзи.

В VI в. в Японии начинают проявляться черты национального самосознания. Оно формируется через отождествление и установление связи между четырьмя понятиями — земля, народ, правитель и боги. Понятие «народ» японцы заимствовали из Китая («сто родов»), однако к моменту заимствования в Японии уже сформировались предпосылки для возникновения данной концепции. В тексте «Нихон сёки» это понятие используется в связи с понятиями «правитель» и «поднебесная», что говорит об отождествлении страны, правителя и народа. Вместе с обожествлением правителя происходит и обожествление земли, что проявляется в понятии «земля богов» и в почитании Ямато Окунитамата-но — ками. Возникает система идентификации «свой — чужой», японцы отделяют себя как от «варваров», так и от корейцев с китайцами. Этнокультурный фактор самоидентификации выступал как основной. Во второй половине VI в. возникает движение за сохранение культурной самобытности, связанное с проникновением в страну буддизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. Москва: Мысль; 2014. 500 с.
2. Алисова Л.Н., Голенкова, З.Т., Иванов, В.Н. и др. Политическая социология. Москва: Мысль; 2000. 293 с.
3. Колпаков В.В. Подходы к определению термина «политическая культура». *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2017;(4):38–44. URL: <https://elibrary.ru/yordmt>
4. Toekhiro N., Fudzio S., Imamura M. et al. Dating the beginning of the Yayoi period. Creation of high-precision dating using carbon-14 accelerator mass spectrometry. *Sokendai University Cultural Studies*. 2005;(1):69–96. URL: http://www.initiative.soken.ac.jp/journal_bunka/050509_fujio/thesis_fujio.pdf (In Jap.)
5. Нонно Т. «Записки о людях ва из хроники Вэй»: перевод и комментарии. *Вестник Сахалинского музея*. 2021;(2):6–25. URL: <https://elibrary.ru/ZVPJQA>
6. Ермакова Л.М., Мещеряков А.Н. Нихон сёки: Анналы Японии. Перевод и комментарии (в 2 т.). Санкт-Петербург: Гиперион; 1997. Т. 1. 494 с.
7. Matsugi T. Conflicts and wars in the prehistoric and protohistorical periods of the history of the Japanese archipelago. *Annual Reports of the Anthropological Institute*. 2021;(12):124–136. URL: <https://nanzan-u.repo.nii.ac.jp/records/3813> (In Jap.).
8. Бакшеев Е.С. Погребальные сооружения периодов Яёй-Кофун и зарождение японской государственности. *Ежегодник Японии*. 2021;(50):130–162. DOI: 10.24412/2687–1440–2021–50–130–162
9. Barnes G.L. *Archaeology of East Asia: The Rise of Civilization in China, Korea and Japan*. Oxford: Oxbow Books; 2015. 432 p. URL: https://www.academia.edu/8474699/Archaeology_of_East_Asia_the_rise_of_civilization_in_China_Korea_and_Japan_532pp_Oxbow_Books_2015_
10. Кожевников В.В. Формирование древнего государства в Японии. *Известия Восточного института*. 2017;(4):48–61. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-4/48-61
11. Ермакова Л.М., Мещеряков А.Н. Нихон сёки: Анналы Японии. Перевод и комментарии (в 2 т.). Санкт-Петербург: Гиперион; 1997. Т. 2. 427 с.

REFERENCES

1. Almond G., Verba S. Civic culture. Political attitudes and democracy in five countries. Moscow: Mysl'; 2014. 500 p. (In Russ.).
2. Alisova L.N., Golenkova Z. T., Ivanov V.N. et al. Political sociology. Moscow: Mysl'; 2000. 293 p. (In Russ.).
3. Kolpakov V.V. Approaches to the definition of the term “Political culture”. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. 2017;(4):38–44. URL: <https://elibrary.ru/yordmt> (In Russ.).
4. Toekhiro N., Fudzio S., Imamura M. et al. Dating the beginning of the Yayoi period. Creation of high-precision dating using carbon-14 accelerator mass spectrometry. *Sokendai University Cultural Studies*. 2005;(1):69–96. URL: http://www.initiative.soken.ac.jp/journal_bunka/050509_fujio/thesis_fujio.pdf (In Jap.)
5. Nonno T. “Notes on the Wa people from the Wei Chronicle”: Translation and comments. *Bulletin of Sakhalin Museum*. 2021;(2):6–25. URL: <https://elibrary.ru/ZVPJQA> (In Russ.).
6. Ermakova L. M., Meshcheryakov A. N. Nihon shoki: Annals of Japan. Translation and comments. (in 2 Vol.). St. Petersburg: Giperion; 1997. Vol. 1. 494 p. (In Russ.).
7. Matsugi T. Conflicts and wars in the prehistoric and protohistorical periods of the history of the Japanese archipelago. *Annual Reports of the Anthropological Institute*. 2021;(12):124–136. URL: <https://nanzan-u.repo.nii.ac.jp/records/3813> (In Jap.).
8. Baksheev E.S. Burial structures of the Yayoi-Kofun periods and the emergence of Japanese statehood. *Yearbook Japan*. 2021;(50):130–162. (In Russ.). DOI: 10.24412/2687–1440–2021–50–130–162
9. Barnes G.L. *Archaeology of East Asia: the Rise of civilization in China, Korea and Japan*. Oxford: Oxbow Books; 2015. 432 p. URL: https://www.academia.edu/8474699/Archaeology_of_East_Asia_the_rise_of_civilization_in_China_Korea_and_Japan_532pp_Oxbow_Books_2015_
10. Kozhevnikov V.V. The formation of an ancient state in Japan. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*. 2017;(4):48–61. (In Russ.). DOI: 10.24866/2542-1611/2017-4/48-61
11. Ermakova L. M., Meshcheryakov A. N. Nihon shoki: Annals of Japan. Translation and comments. (in 2 Vol.). St. Petersburg: Giperion; 1997. Vol. 2. 427 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHORS

Богдан Викторович Кица — аспирант сектора Философии российской истории, Институт философии РАН, Москва, Российская федерация

Bogdan V. Kitsa — PhD Student, Department of Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-0186-0843>

tithos@bk.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.07.2025; принята к публикации 11.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.07.2025; accepted for publication 11.08.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.